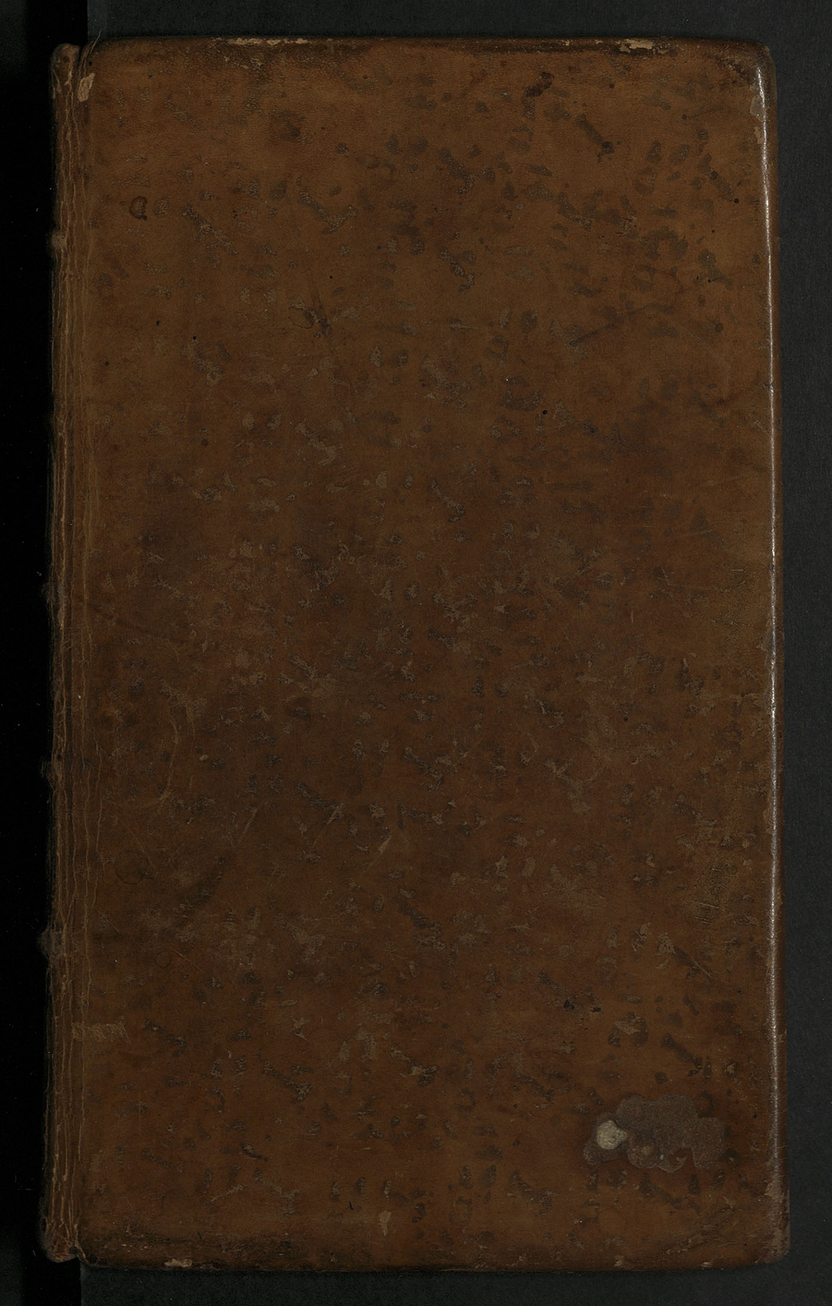
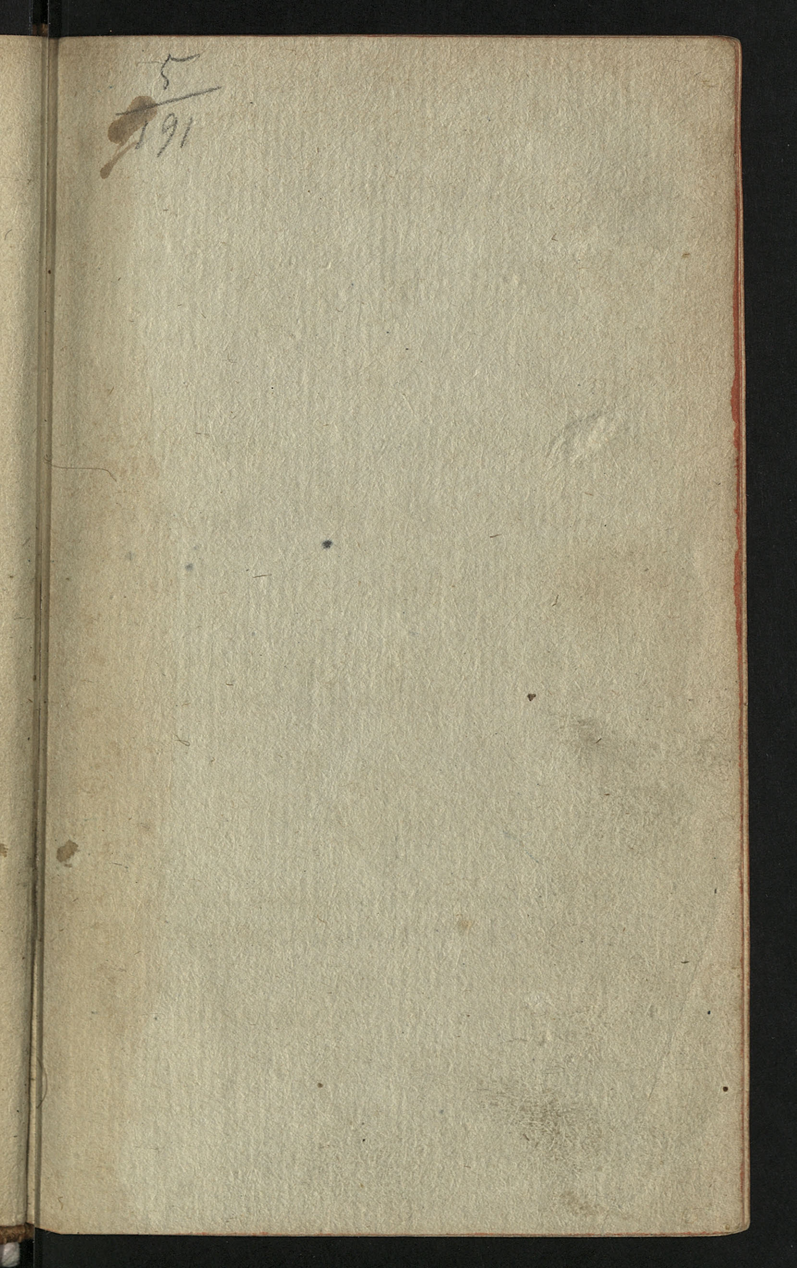

5
191

ДѢДУШКИНЫ
ПРОГУЛКИ
или
ПРОДОЛЖЕНІЕ
НАСТОЯЩИХЪ
РУСКИХЪ
СКАЗОКЪ

ВЪ Санктпетербургѣ 1786 года.

Печатано съ дозволенія указнаго у г. Вильковскаго и Галченкова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СКАЗКА

о

Булашѣ Молодцѣ.

Былъ жилъ Царь по имени Ходоръ, и у етого Царя былъ одинъ только сынъ Иванъ Царевичь, и когда пришли отроческія лѣта его, то Ходоръ отдалъ Ивана Царевича разнымъ учителямъ для обученія всякихъ рыцарскихъ наукъ, а какъ сталъ Иванъ Царевичь на возрастѣ, то началъ у батюшки своего Царя Ходора проситься въ иные государства погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Царь Ходоръ его отпустилъ, и ему наказалъ: чтобъ онъ показывалъ свои науки въ иныхъ государствахъ и тѣмъ бы прославилъ себя и Царя Ходора. Тогда Иванъ Царевичь пошелъ въ Царскія конюшни, и выбиралъ себѣ добраго коня, на котораго руку наложитъ

и конь тотъ ежели падетъ на колѣни, то оной для него негодился. И такъ ходилъ онъ по всѣмъ стойламъ, а немогъ выбрать себѣ коня по мысли, и пошелъ въ великой кручинѣ изъ конюшни; онъ взялъ свой тугой лукъ и калены стрѣлы, и пошелъ въ чистое поле, чтобъ грусть тоску свою размыкать. Какъ скоро пришелъ въ чистое поле, то увидѣлъ на воздухѣ лебедя, натянулъ свой тугой лукъ и выстрѣлилъ по тому лебедю, однако непопалъ въ него и стрѣла его улетѣла изъ глазъ вонъ, и тогда Иванъ Царевичь весьма закручинился, что потерялъ любимую свою стрѣлу, и искалъ ее по всему полю со слезами, и пришелъ онъ къ одной маленькой горѣ, и услышалъ человѣческой голосъ, которой кричалъ: поди сюда Иванъ Царевичь. Иванъ Царевичь удивился тому немало, что слышитъ голосъ, а никого невидитъ. Голосъ тотъ опять ему тоже кричалъ, и Иванъ Царевичь

пошелъ въ ту сторону и увидѣлъ въ горѣ маленькое окошечко съ желѣзною решеткою, и въ томъ окнѣ увидѣлъ человѣка, которой манилъ его къ себѣ своею рукою. Какъ скоро Иванъ Царевичь къ нему подошелъ, то тотъ человѣкъ ему сказалъ: о чемъ ты доброй молодецъ Иванъ Царевичь кручинишся? какъ мнѣ доброму молодцу некручиниться, сказалъ ему Иванъ Царевичь, потерялъ я свою любимую калену стрѣлу, и незнаю, гдѣ и найти ее; да еще кручина моя велика, что ненайду себѣ по мыслѝ добраго коня богатырскаго. О! это бѣда невелика, сказалъ ему тотъ человѣкъ, я тебѣ добуду добраго коня и отдамъ твою калену стрѣлу, по тому что она залетѣла ко мнѣ, но только что ты мнѣ за то дашъ? Я тебѣ все отдамъ, что тебѣ надобно, сказалъ ему Иванъ Царевичь, ежели ты достанешь мнѣ добраго коня и отдашъ калену стрѣлу. Я ничего больше отъ тебя нехочу,

сказалъ тотъ человѣкъ, только выпусти меня отсюда. Да какъ ты и кѣмъ сюда засаженъ? спросилъ его Иванъ Царевичь. Засадилъ меня здѣсь твой батюшка, Царь Ходоръ; я былъ славной разбойникъ, и зовутъ меня Булатъ молодецъ; твой батюшка на меня прогнѣвался велѣлъ меня добраго молодца поймать и засадить въ ету темницу, и сижу я тутъ ровно тридцать лѣтъ и три года. Слушай доброй Булатъ молодецъ, сказалъ ему Иванъ Царевичь, я безъ батюшкина приказа несмѣю тебя выпустить; батюшка мой о томъ провѣдаетъ, и на меня грозно прогнѣвается. Того ты небойся, отвѣчалъ ему Булатъ молодецъ, твой батюшка о томъ непровѣдаетъ, и какъ скоро ты меня отсюда выпустишъ, то я уйду въ иные государства, а здѣсь небуду жить. Хорошо, сказалъ ему Иванъ Царевичь, я тебя отсель выпущу, только отдай мнѣ мою калену стрѣлу, и скажи, гдѣ мнѣ достать доб-

раго коня богатырскаго. Поди ты въ чистое поле, сказалъ ему Булатъ молодецъ, тамъ увидишъ ты три дуба зеленые, въ серединѣ тѣхъ дубовъ увидищъ на землѣ желѣзную дверь съ мѣднымъ кольцомъ, и подъ тою дверью есть конюшня, и въ той конюшнѣ есть доброй конь богатырской, и запертъ онъ двенадцатью дверьми желѣзными и двенадцатью замками стальными, и ты подыми ту желѣзную дверь и отбѣй двенадцать замковъ стальныхъ и отвори двенадцать дверей желѣзныхъ, то и добраго коня себѣ получишъ, и послѣ прїѣзжай на томъ конѣ ко мнѣ, я тебѣ отдамъ твою калену стрѣлу, и тогда ты меня отсюда выпусти. Иванъ Царевичь выслушавъ такїя слова, пошелъ въ чистое поле, и увидѣлъ три дуба зеленые и нашелъ на земли желѣзную дверь съ мѣднымъ кольцомъ, и взялъ онъ за то кольцо и поднялъ дверь, збилъ двенадцать стальныхъ замковъ и отворилъ двенадцать же-

лѣзныхъ дверей, и вошелъ въ конюшню подземную, и увидѣлъ тамъ коня добраго и всю збрую богатырскую, и наложилъ Иванъ Царевичь свою руку на спину коню, и тотъ конь на колѣни непадаетъ, а только погнулся отъ руки его, и услышалъ конь по себѣ сѣдока, началъ ржати громкимъ голосомъ, на колѣни передъ Иваномъ Царевичемъ падаетъ, дается ему взнуздаться и осѣдлаться, и осѣдлалъ Иванъ Царевичь добраго коня, взялъ палицу боевую и мечь кладенецъ, и вывелъ коня изъ конюшни вонъ и сѣлъ во сѣделечко черкаское, и взялъ шелковой поводъ во руку бѣлую, и захотѣлось ему добраго коня испытать, онъ билъ его по крутымъ бедрамъ, и конь доброй осержается, отъ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что по ниже облака ходячева, горы и долы межъ ногъ пропускаетъ, малыя рѣчки хвостомъ устилаетъ, глубокія рѣки переплываетъ, черезъ боло-

та перепрыгиваетъ , и пріѣхалъ Иванъ Царевичь къ Булату молодцу, и возговоритъ ему громкимъ голосомъ своимъ: отдай же ты мнѣ Булатъ молодецъ мою калену стрѣлу, и тогда я тебя добраго молодца изъ темницы выпущу. Булатъ молодецъ тотчасъ отдалъ ему калену стрѣлу, а Иванъ Царевичь изъ темницы его выпустилъ. Спасибо тебѣ Иванъ Царевичь, сказалъ Булатъ молодецъ, что ты меня изъ темницы выпустилъ , и за то я тебѣ сослужу еще три службы въ тѣ поры, когда тебѣ крайняя будетъ нужда, и когда я тебѣ буду надобенъ, то молви только: ахъ! гдѣ то мой Булатъ молодецъ. Тогда я тотчасъ къ тебѣ явлюсь и въ твоей нуждѣ буду тебѣ вѣрнымъ слугою. Вымолвивъ онъ сіи слова, крикнулъ громкимъ голосомъ; гей, сивка, бурка, вешняя ковурка, стань передо мной , какъ листъ передъ травой. Откуда взялся доброй конь и сталъ передъ Булатомъ молод-

цомъ, а Булатъ молодецъ влѣзъ къ нему въ ушко, напился, наѣлся, а въ другое вылѣзъ и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать. Тогда сѣлъ Булатъ молодецъ на своего добраго коня и сказалъ Ивану Царевичу: ну прощай теперь Иванъ Царевичь, а послѣ поскакалъ отъ него прочь. Иванъ же Царевичь сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ къ своему батюшкѣ, и пріѣхавши къ нему началъ прощаться съ нимъ со слезами и простившись взялъ онъ съ собою своего дядьку и поѣхалъ съ нимъ въ иныя государства. И такъ ѣхали они нѣсколько времени и пріѣхали въ лѣсъ, день тогда былъ красной и жаркой, и захотѣлось Ивану Царевичу пить, и они ѣздя по лѣсу искали воды, однако немогли найти, а наконецъ нашли глубокой колодезь въ коемъ была вода ключевая и студеная, и сказалъ Иванъ Царевичь своему дядькѣ: полѣзай

ты въ етотъ колодезь и достань мнѣ воды, я тебя привяжу веревкой и буду держать, чтобъ ты неутонулъ. Нѣтъ, Иванъ Царевичь, сказалъ ему дядька, я тебя буду потучнѣе и потяжелѣе, и ты меня нездержишъ; а лучше бы тебѣ привязаться веревкою и опуститься, то я тебя сдержу. Иванъ Царевичь послушался своего дядьки, перевязалъ поперегъ себя веревкою и далъ конецъ своему дядькѣ и опустился въ колодезь. Когда Иванъ Царевичь напился воды, то сказалъ дядькѣ, чтобъ онъ его вытащилъ изъ колодца; но дядька на то ему сказалъ: нѣтъ, теперь я тебя до тѣхъ поръ невытащу, покуда недашъ ты мнѣ своей руки письмо, чтобъ ты былъ моимъ слугою, а я бы твоимъ господиномъ, и чтобъ называлъ ты меня Иваномъ Царевичемъ; а ежели ты на ето несогласишся, такъ я опущу веревку и тебя въ колодцѣ утоплю. Любезной мой дядька, вскричалъ Иванъ Ца-

ревичь, неопускай изъ рукъ веревки но вытащи меня, я тебѣ письмо дамъ своеручное, чтобъ былъ ты моимъ господиномъ и назывался моимъ именемъ, а я буду уже твоимъ слугою. Нѣтъ, я етому невѣрю, сказалъ ему дядька, и по тѣхъ поръ вѣрить небуду, пока ты мнѣ недашъ присяги. Я тебѣ кленусь Богомъ, небомъ и землею, сказалъ Иванъ Царевичь, что я точно дамъ тебѣ въ томъ письмо, только лишъ вытащи меня изъ колодезя. Тогда дядька вытащилъ его, а Иванъ Царевичь взялъ бумагу и разрѣзалъ себѣ ножемъ руку и написалъ кровїю своею письмо, потому что чернилъ у него небыло, и отдалъ то письмо дядькѣ своему, а послѣ скинулъ съ себя платье и отдалъ дядькѣ, а дядькино платье на себя надѣлъ, и сѣлъ на дядькина коня, а дядька сѣлъ на его коня, и послѣ поѣхали они въ путь, и Иванъ Царевичь ѣхалъ по зади дядьки, такъ какъ бы рабъ его, и чрезъ

нѣсколько дней пріѣхали они въ Пантуево государство. Царь Пантуй услышавъ о пріѣздѣ Ивана Царевича вышелъ къ нему на встрѣчу, принималъ дядьку вмѣсто Ивана Царевича за бѣлыя руки, и вводилъ въ палаты бѣлокаменныя и сажалъ за столы дубовые, за скатерти бранныя, и они пили, ѣли и веселилися, и началъ Царь Пантуй у подложнаго Ивана Царевича спрашивать: честный рыцарь Иванъ Царевичь, зачѣмъ ты въ мое государство пожаловалъ? или ты имѣешъ какое особливое дѣло? На то ему мнимой Иванъ Царевичь отвѣтъ держалъ: милостивый государь, Царь Пантуй, пріѣхалъ я къ тебѣ свататься на дочери твоей прекрасной Царевнѣ Церіи. Съ великою радостію отдаю я дочь мою тебѣ въ супружницы, молвилъ ему Царь Пантуй. Потомъ они многими разговорами забавлялися, и сказалъ ложной Иванъ Царевичь Царю Пантую: прикажи моего слугу опредѣ-

лить на твою кухню въ черную работу, по тому что онъ дорогою мнѣ много досадилъ. Царь Пантуй тотчасъ приказалъ Ивана Царевича опредѣлить на кухню къ черной работѣ, и бѣдной Иванъ Царевичь началъ кострюли и всякую черную посуду чистить, а дядька его веселился въ царскихъ палатахъ. По нѣскольких днях послѣ того, подступило великое войско подъ Пантуево Государство, и хочетъ его царство раззорить и Царя Пантуя въ полонъ взять. Тогда Царь Пантуй призвалъ къ себѣ ложнаго Ивана Царевича и ему сказалъ: любезный мой нареченный зять, подступило подъ мое государство войско непрїятельское, и ежели ты то войско прогонишъ отъ государства моего, такъ я за тебя и дочь мою отдамъ въ супружницы, а безъ того немогу отдать. На то онъ ему отвѣтъ держалъ: очень хорошо, я это все здѣлаю, только ночью, а не днемъ, по тому что мнѣ днемъ во-

сватъ щастья нѣтъ. Какъ скоро наступила ночь и всѣ во дворцѣ полегли спать, тогда ложной Иванъ Царевичь вышелъ на широкой дворъ и кликнулъ къ себѣ настоящаго Ивана Царевича и ему говорилъ: Иванъ Царевичь, непрогнѣвайся на меня, что я заступилъ твое мѣсто, но забудь все то и сослужи мнѣ службу и отгони прочь это войско непрїятельское отъ государства моего. Иванъ Царевичь на то ему сказалъ: поди и ложись спать, будетъ все готово. Тогда дядька пошелъ и легъ спать, а Иванъ Царевичь крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ: Ахъ! гдѣ то мой Булатъ молодецъ. Въ тужъ самую минуту Булатъ молодецъ къ нему явился и сказалъ: какая служба? какая нужда? сказывай мнѣ скоро. Тогда ему Иванъ Царевичь сказалъ о своей нуждѣ, а булатъ молодецъ велѣлъ Ивану Царевичу, чтобъ взялъ онъ своего добраго коня, осѣдлалъ и надѣлъ бы на себя латы, а самъ кри-

кнулъ громкимъ голосомъ: гей, мой сивка бурка, вешняя ковурка, стань передо мной , какъ листъ передъ травой. Конь тотчасъ къ нему прибѣжалъ , и Булатъ молодецъ сѣлъ на него , а Иванъ Царевичь сѣлъ на своего коня, и поѣхали они съ широкова двора. Въ то самое время Царевна Церія еще неспала и сидѣла подъ окномъ и слышала и видѣла все что Иванъ Царевичь съ дядькою и съ Булатомъ молодцомъ говорилъ и дѣлалъ. Какъ скоро пріѣхали они къ непріятельскому войску, Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: начинай ты рубить войско сіе съ праваго крыла , а я начну съ лѣваго, и напали они на ту рать силу непріятельскую, и начали рубить мечемъ и конями топтать, и побили они въ одинъ часъ сто тысячь человѣкъ, а непріятельской Король на силу ушолъ съ малымъ числомъ войска въ королевство свое. Иванъ Царевичь возвратился съ Булатомъ молодцомъ

во дворъ Царя Пантуя, и тамъ Иванъ Царевичь разсѣдлалъ своего добраго коня и поставилъ въ стойло, и далъ ему бѣлой ярой пшеницы, а послѣ простился съ Булатомъ молодцомъ и пошелъ на кухню и легъ спать. По утру рано Царь Пантуй вышелъ на теремъ и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было непрiятельское войско, въ подзорну трубку и увидѣлъ, что оное все было побито, приказалъ тотчасъ призвать къ себѣ ложнаго Ивана Царевича, и какъ скоро онъ къ нему пришелъ, то Царь Пантуй благодарилъ его за охраненiе его государства; а послѣ подарилъ его дорогимъ подаркомъ, и при томъ ему сказалъ, что онъ дочь свою скоро за него отдастъ за мужъ. По прошествiи двухъ недѣль, опять тотъ же непрiятельской Король подступилъ съ другимъ войскомъ и осадилъ весь городъ. Царь Пантуй испугался весьма много, и призвавъ къ себѣ опять мнимаго Ивана - Царевича,

сказалЪ ему: другЪ мой возлюбленный и нареченный зять, ИванЪ Царевичь, избавь меня опять отЪ непріятеля и отгони прочь войско его отЪ моего государства, и ежели ты ето исполнишЪ, то я немедля дочь мою за тебя выдамЪ. На то онЪ ему отвѣтЪ держалЪ: я ето все здѣлаю, но только ночью, а не днемЪ потому что мнѣ днемЪ воевать щастья нѣтЪ. КакЪ же скоро настала ночь и всѣ полегли спать, тогда дядька вышелЪ на широкой дворЪ и кликнулЪ кЪ себѣ Ивана Царевича, и говорилЪ сіи слова: ИванЪ Царевичь, непопомни зла, которое я сЪ тобою здѣлалЪ, и несердись за то, что я заступилЪ твое мѣсто, и сослужи мнѣ еще службу, и отгони войско непріятельское отЪ государства сего. ИванЪ Царевичь на то ему сказалЪ: поди и ложись спать, утро вечера мудренѣе, все готово будетЪ. Тогда дядька пошелЪ вЪ царскіе палаты и легЪ спать, а ИванЪ Царевичь крикнулЪ опять

своимъ богатырскимъ голосомъ: ахъ! гдѣ то мой Булатъ молодецъ. Тотчасъ Булатъ молодецъ къ нему явился и сказалъ: какая служба? какая нужда? сказывай мнѣ скоро. Тогда Иванъ Царевичь сказалъ ему о своей нуждѣ, а Булатъ молодецъ велѣлъ Ивану Царевичу осѣдлать опять своего добраго коня, и надѣть на себя латы, а самъ крикнулъ громкимъ голосомъ: гей, мой сивка, бурка, вешняя ковурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, и прибѣжавъ къ Булату молодцу остановился. Булатъ молодецъ сѣлъ на своего коня, а Иванъ Царевичь также на своего и поѣхали они изъ широкова двора. Въ то самое время Царевна Церія опять неспала, и сидя подъ окномъ видѣла и слышала все, что Иванъ Царевичь съ дядькою и съ Булатомъ молодцомъ говорилъ и дѣлалъ. Какъ скоро пріѣхали они

къ непрïятельскому войску, Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: начинай же ты опять рубить войско сïе съ праваго крыла, а я начну съ лѣваго, и напали они на ту рать силу непрïятельскую, и начали мечемъ рубить и конями топтать; и побили они въ два часа двѣсти тысячь человѣкъ, а непрïятельской Король насилу ушелъ съ весьма малымъ числомъ войска въ королевство свое. Иванъ Царевичъ съ Булатомъ молодцомъ возвратились назадъ, и разсѣдлавъ Иванъ Царевичь своего добраго коня поставилъ въ конюшню и насыпалъ ему бѣлой ярой пшеницы, а послѣ простился съ Булатомъ молодцомъ и пошелъ на кухню и легъ спать. По утру рано Царь Пантуй вышелъ опять на теремъ и смотрѣлъ въ подзорную трубку, въ ту сторону, гдѣ было непрïятельское войско и увидѣлъ, что оное все было побито; и подивился весьма такой храбрости, которую имѣлъ Иванъ Царе-

вичь, и велѣлъ по томъ призвать своего нареченнаго зятя къ себѣ, и какъ скоро онъ къ нему пришелъ, то Царь Пантуй благодарилъ его за охраненіе государства своего, а послѣ подарилъ его дорогими подарками, и сказалъ ему, что онъ дочь свою въ скоромъ времени отдастъ за него замужъ. По прошествіи трехъ недѣль, опять тотъ же непріятельской Король подступилъ съ новою силою и обступилъ весь городъ. Царь Пантуй испугался весьма, и призвалъ къ себѣ нареченнаго своего зятя и сказалъ ему: другъ мой возлюбленный и нареченный зять, Иванъ Царевичь, избавь меня еще отъ непріятеля и отгони прочь войско его отъ моего государства, и ежели ты ето исполнишъ, то я въ тужъ минуту дочь мою за тебя отдамъ. На то ему въ отвѣтъ сказалъ мнимой Иванъ Царевичь: я ето все здѣлаю, но только ночью, а не днемъ, потому что мнѣ днемъ воевать щастья нѣтъ.

Какъ же скоро наступила ночь, и всѣ придворные полегли спать, тогда дядька вышелъ на широкой дворъ и кликнулъ къ себѣ Ивана Царевича, и сказалъ ему. Иванъ Царевичь, непопомни зла, которое я съ тобою здѣлалъ, и несердись за то, что я заступилъ твое мѣсто, и сослужи мнѣ еще службу, и отгони войско непрїятельское отъ государства сего. Иванъ Царевичь на то ему сказалъ: поди и ложись спать, утро вечера мудренѣе, все готово будетъ. Тогда дядька пошелъ въ царскїе палаты и легъ спать, а Иванъ Царевичь крикнулъ опять своимъ богатырскимъ голосомъ: ахъ! гдѣ то мой Булатъ молодецъ. Тотчасъ за словомъ явился предъ нево Булатъ молодецъ и сказалъ: какая служба? какая нужда? сказывай мнѣ скоро. Тогда Иванъ Царевичь сказалъ ему о своей нуждѣ, а Булатъ молодецъ велѣлъ Ивану Царевичу осѣдлать опять своего добраго коня и надѣть на себя латы, а самъ крикнулъ

громкимъ голосомъ: гей мой сивка, бурка, вешняя ковурка, стань передо мной, какъ листъ предъ травой. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, и прибѣжавъ къ Булату молодцу остановился. Булатъ молодецъ сѣлъ на своего коня, а Иванъ Царевичь также на своего и поѣхали они съ широкова двора. Въ то самое время прекрасная Царевна Церія опять неспала и сидя подъ окномъ видѣла и слышала все, что Иванъ Царевичь съ дядькою своимъ и съ Булатомъ молодцомъ говорилъ и дѣлалъ. Какъ скоро пріѣхали они къ непріятельскому войску, Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: начинай же ты теперь съ лѣваго крыла рубить сіе войско, а я начну съ праваго, и напали они на ту рать силу непріятельскую, и начали мечами рубить и конями топтать, и побили они въ три часа триста тысячь человѣкъ, и непріятельска-

го Короля также до смерти убили, и послѣ того Иванъ Царевичь возвратился съ Булатомъ молодцомъ домой и разсѣдлавъ своего добраго коня поставилъ въ конюшню. Тогда Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: ну, прощай теперь Иванъ Царевичь, отслужилъ я тебѣ мои три службы, и уже болѣе ты меня никогда неувидишъ, и выговоря сiи слова онъ уѣхалъ, а Иванъ Царевичь пошелъ въ кухню и легъ спать. По утру весьма рано, Царь Пантуй вышелъ опять на теремъ, и смотрѣлъ въ подзорную трубку, и увидѣлъ, что войско непрiятельское все побито, то послалъ онъ тотчасъ за нареченнымъ своимъ зятемъ, и когда онъ къ нему пришелъ, то ему сказалъ: ну! зять мой любезной, теперь отдаю я тебѣ дочь мою въ супружницы. Тогда начали дѣлать къ браку прiуготовленiе, и чрезъ нѣсколько дней обвѣнчался дядька на прекрасной Царевнѣ Церiи, и когда они послѣ

вѣнца сидѣли за столомъ, тогда Иванъ Царевичь пришелъ къ повару и отпросился у него сходить посмотрѣть, какъ баринъ его сидитъ за столомъ съ невѣстою своею. Поваръ его отпустилъ и далъ ему свое платье, и тогда Иванъ Царевичь пришелъ въ царскіе палаты и сталъ за людьми и смотрѣлъ на своего дядьку и на прекрасную Царевну Церію. Тогда прекрасная Царевна Церія узнала Ивана Царевича, выскочила тотчасъ изъ застола, взяла Ивана Царевича за руку и сказала: вотъ етотъ мой женихъ а не тотъ, которой со мною обвѣнчался Тогда Царь Пантуй вскочилъ изъ за стола и спросилъ дочь свою о томъ, и просилъ ее, чтобъ разказала она ему то яснѣе, и когда Царевна Церія обо всемъ ему пересказала какъ было дѣло, тогда Ивана Царевича посадили за столъ съ Царевною Церіею, а дядьку его за такой лживой поступокъ разстрѣляли на воротахъ, и такъ Иванъ

Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ Церіи, и отправился въ свое государство ко отцу своему, гдѣ Царь Ходоръ возложилъ на его главу вѣнецъ свой. И такъ Иванъ Царевичь взошелъ на престолъ, и началъ управлять государствомъ.

Конецъ.

СКАЗКА

о

Пастухѣ

и

Дикомъ Вепрѣ.

За тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ жилъ былъ нѣкій Король; онъ имѣлъ въ своемъ королевствѣ пребольшой и густой лѣсъ, въ коемъ незнаемо откуда дикой вепрь проявился, которой великое множество проѣзжающихъ и проходящихъ мимо того лѣсу людей нападалъ и пожиралъ. Король посылалъ въ тотъ лѣсъ много разъ великіе рати, чтобъ убить вепря; но лютый звѣрь всегда надъ ними имѣлъ побѣду. Напослѣдокъ, когда вепрь здѣлался почти совсѣмъ непреодолимымъ, и такъ уже остервенился, что началъ выходить изъ лѣсу и пожирать всѣхъ попадающихся ему на встрѣчу, Король опасаясь вепря чрезвычайно, воображалъ, что онъ со временемъ можетъ вор-

ваться въ городъ и народу его чинить великія бѣды и мертвить такъ, что напослѣдокъ никому нельзя будетъ на улицу показаться; почему велѣлъ онъ во всѣ мѣста владѣнія своего разослать указы, въ коихъ было прописано: что ежели кто онаго дикаго вепря умертвитъ, то обѣщается Король дочь свою прекрасную Царевну Илїю отдать тому въ супружество, какогобъ званія онъ рыцарь ни былъ; однако никто противу такого лютаго звѣря не отважился вступить въ бой; хотя и имѣли нѣкоторые ту надежду, что если удастся кому побѣдить вепря, то со временемъ можетъ быть владѣтелемъ престола. Наконецъ случилось нѣкоему пастуху пасти стадо по близости того лѣсу, въ коемъ вепрь жительство свое имѣлъ. Онъ увидя звѣря, которой прямо на него шелъ, и стремился его пожрать, побѣжалъ въ лѣсъ, и взлѣзъ на высокое и кудрявое виноградное дерево, на ко-

торомъ сидя ожидалъ своей судьбины. Надобножъ знать и то, что пастухъ, кромѣ топора, которой за поясомъ у него находился, ни какого другаго орудія при себѣ неимѣлъ. Вепрь приближась къ пастуху, и видя, что никоимъ образомъ пожрать ѣму его неможно, началъ дерево съ корня подгрызать. Пастухъ испужавшись вообразилъ себѣ, что ежели вепрь подгрызетъ то дерево, то оное должно будетъ упасть, и онъ съѣденъ быть можетъ. Въ такомъ случаѣ онъ прибѣгнулъ къ вымыслу, и вотъ къ какому: рвалъ виноградныя вѣтьви и бросалъ на вепря. Звѣрь наѣвшись довольно винограду опьянѣлъ: наконецъ легъ подлѣ того дерева и заснулъ. Пастухъ думая, что непритворился ли онъ, чего ради бросилъ въ него еще нѣсколько вѣтвей винограду; но видя, что спитъ весьма крѣпко, осмѣлился слѣзть съ дерева. Онъ опустился на землю, и отрубилъ топоромъ у вепря голову, и

объ ономъ немедля объявилъ своему Королю. Король нехотя нарушить своего обѣщанія, отдалъ за пастуха въ замужство дочь свою, прекрасную Царевну Илїю. Пастухъ сочетался бракомъ съ Королевскою дочерью, и напослѣдокъ по смерти Короля возшелъ на престолъ того королевства: и живутъ долго въ согласіи и благополучно, и Богъ даровалъ имъ дѣтищи.

Конецъ.

СКАЗКА

О

Любимѣ Царевичѣ.

И

о прекрасной Царевнѣ его супружницѣ

И

О ВОЛКѢ КРЫЛАТОМЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ Царь по имени Елидаръ Елидаровичь и съ супругою своею Милитиссою Ибрагимовною, и у нихъ было три сына: большой сынъ назывался Аксофъ Царевичь, среднїй Гутъ Царевичь, а меньшїй Любимъ Царевичь. И такъ они растутъ не по днямъ а по часамъ; и какъ большому сыну минуло уже двадцать лѣтъ, то началъ онъ проситься у своихъ родителей ѣхать въ иныя государства и искать прекрасной Царевны себѣ въ супружницы; на что родители и согласилися, и дали ему благословенїе и отпустили его на всѣ на четыре стороны. По отъѣздѣ Аксофа Царевича немного времени спустя и

Гутъ Царевичь тоже родителей своихъ просилъ: чтобъ и его такъ же отпустили, то Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою отпустили и Гута Царевича со всею охотою. И такъ поѣхалъ и Гутъ Царевичь и странствовали они долгое время, что напослѣдокъ объ нихъ ни духу ни слуху небыло, и слыли они пропащими. Когда Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою много объ нихъ тужили и плакали, тогда меньшой ихъ сынъ Любимъ Царевичь имъ говорилъ: чтобъ они его отпустили поискать своихъ братьевъ; на что Царь Елидаръ и съ Царицею своею Милитиссою ему говорили: что де ты еще молодъ и неможешъ такого дальнаго пути снести, да притомъ и какъ намъ тебя отпустить? что ты одинъ сынъ у насъ остался, мы же уже при старости своихъ лѣтъ на кого возложимъ вѣнецъ нашъ? Однако сынъ ихъ Любимъ Царевичь непреклоненъ былъ и стоялъ въ своихъ словахъ твердо и

молвилъ: вить надобно же мнѣ людей посмотрѣть и самому себя показать, то когда же ето сбудется, что я воцарюся, то надобно не то уже смякать, а какъ бы народомъ благочинно управлять! О томъ Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою весьма радостны были, что толикія отъ сына своего Любима слова слышали и позволили ему ѣхать, но только не надолгое время и съ такимъ договоромъ, чтобъ ни съ кѣмъ несъѣзжаться и въ большія опасности невдаваться. И такъ Любимъ Царевичь, будучи уволенъ, призадумался, гдѣ бы ему богатырскаго коня сыскать и збрую богатырскую достать, и о семъ призадумавшись ходилъ по городу. Тутъ попалась на встрѣчу ему нѣкая старуха и говорила ему: что ты мой батюшка Любимъ Царевичь такъ печаленъ ходишъ? на что Любимъ Царевичь и отвѣту нехотѣлъ дать и прошелъ ни слова неговоря мимо старухи; но послѣ оду-

мавшись разсудилъ, вить дискать старыя то люди больше знаютъ, и воротился, пошелъ и натналъ прежде попавшуюся ему старуху, и говоритъ ей Любимъ Царевичь: я было и погнушался въ первую стрѣчу тебѣ объявить, о чемъ я кручинюсь, но отошедъ вздумалъ, что старыя то люди болѣе знаютъ. То то Любимъ Царевичь, говоритъ ему старуха, конечно старыхъ людей ненадобно бѣгать, и скажи о чемъ же ты кручинишся? скажи мнѣ старой бабѣ. И такъ Любимъ Царевичь сталъ говорить ей, что дискать у меня добраго коня нѣтъ и збруи богатырской, а мнѣ надобно ѣхать далеко и поискать своихъ братьевъ. Старуха ему въ отвѣтъ на то сказала: что думать? есть и конь и збруя богатырская въ вашемъ заповѣдномъ лугу за двенадцатьми дверьми, и етотъ конь на двенадцати цепяхъ, и тутъ въ углу и мечь кладенецъ, и вся збруя богатырская. Услышавъ сіе

и сказавъ етой старухѣ Любимъ Царевичь спасибо, пошелъ весьма радостенъ прямо въ заповѣдной лугъ. Какъ пришолъ къ тому мѣсту, гдѣ конь стоитъ, то и усумнился: какъ дискать мнѣ сіи двери разломать; но отвѣдавъ одни двери проломилъ; и конь по духу услышалъ такого молодца и началъ рвать свои цепи и всѣ разорвалъ, и такъ Любимъ Царевичь трои двери разломалъ, а конь и послѣдніе выломалъ. По томъ Любимъ Царевичь взялъ коня и збрую богатырскую, надѣлъ на себя збрую богатырскую, и коня по лугу пустилъ, а самъ пошелъ къ своему батюшкѣ Царю Елидару и къ матушкѣ Царицѣ Милитиссѣ, и началъ имъ такія слова говорить: что дискать по отпускѣ вашемъ весьма и я былъ печаленъ о конѣ и о збруи богатырской, что негдѣ мнѣ ихъ взять, но старушка мнѣ сказала и показала гдѣ все мнѣ ето можно найти, и такъ я и нашолъ, а теперь про-

шу вашего благословенія, чтобъ мнѣ ѣхать; по чему отецъ и мать дали ему благословеніе и поѣхалъ онъ на своемъ добромъ конѣ. И ѣдетъ онъ путемъ дорогою и пріѣхалъ къ таковому мѣсту, что вдругъ три дороги, и посреди ихъ столбъ и на немъ три надписи, которыя написаны какъ слѣдуетъ: если кто поѣдетъ въ правую сторону, то самъ сытъ будетъ, а конь голоденъ; а прямо кто поѣдетъ, то самъ будетъ голоденъ, а конь сытъ; а если въ лѣвую сторону кто поѣдетъ, то быть убиту отъ волка крылатаго. Помысливъ, погадавъ Любимъ Царевичь ни на которую сторону такъ несогласился ѣхать, какъ въ лѣвую, чтобъ либо убиту быть, либо убивъ волка крылатаго прохожимъ дать по сей дорогѣ свободу. И такъ поѣхалъ въ ту лѣву сторону; и ѣдетъ онъ путемъ дорогою и пріѣхалъ онъ въ чистое поле и разбилъ шатеръ себѣ и сталъ отдыхать, какъ вдругъ видитъ въ западной сто-

ронѣ летитъ волкъ крылатой. Любимъ Царевичь тотчасъ всталъ и взялъ свою збрую богатырскую и сѣлъ на коня и съѣхался Любимъ Царевичь съ волкомъ крылатымъ и волкъ ударилъ своимъ крыломъ такъ Любима Царевича больно, что Любимъ Царевичь призадумался, но только невыбитъ былъ изъ сѣдла. Тогда разъярился и разгорячился Любимъ Царевичь, и такъ ударилъ волка крылатаго своимъ мечемъ кладенцемъ, что волкъ крылатой палъ на землю полумертвъ и почувствовалъ что крыло у него правое отшибено, и что неможетъ уже болѣе летать, но какъ немного поотдохнувши сказалъ человѣческимъ голосомъ Любиму Царевичу: неубивай ты меня до смерти, я тебѣ пригожусь, и буду тебѣ служить, какъ вѣрной твой рабъ. И говоритъ ему Любимъ Царевичь: что дискать незнаешъ ли гдѣ мои братья? На то ему сказалъ волкъ: что давно они убиты, но тутъ же говоритъ ему: что

мы ихъ оживимъ, когда достанемъ прекрасную Царевну. На то Любимъ Царевичь ему говоритъ: какъ же мы прекрасную Царевну достанемъ? а вотъ говоритъ ему волкъ такъ достанемъ, ты оставь здѣсь своего коня; да какъ мнѣ безъ коня быть? спрашиваетъ у него Любимъ Царевичь; да вотъ выслушай меня, сказалъ ему волкъ, я здѣлаюсь конемъ и тебя довезу; а конь твой етой службы несослужитъ, потому что у етой прекрасной Царевны по градскимъ стѣнамъ проведены струны ко всѣмъ въ городѣ колоколамъ; а по тому и надобно намъ перескочить, чтобъ не зацѣпить ни одной и малѣйшей струны, а то насъ поймаютъ. Любимъ Царевичь подумавъ, что волкъ правду дискать говоритъ, согласился и молвилъ: хорошо! И такъ они пріѣхали къ той бѣлокаменной стѣнѣ и Любимъ Царевичь узрѣвъ оную ужаснулся, какъ огромную можно ету бѣлокаменную стѣну перескочить? сказалъ

онъ волку; на что ему волкъ говоритъ такія слова: что уже теперь нетрудно ему перескочить но оттудова будетъ труднѣе потому, что ты будешъ въ любовныхъ дѣлахъ упражняться и отъ того ты отяжелѣешъ, но надобно тебѣ окупаться въ живой водѣ, да и взять ее съ собою для братьевъ своихъ и мертвой такъ же. Потомъ они перескочили благополучно чрезъ градскую стѣну, ни чемъ незадѣли, и остановясь въ замкѣ пошелъ Любимъ Царевичь къ прекрасной Царевнѣ во дворецъ, и какъ онъ вошелъ въ первыя покои, то увидѣлъ множество служанокъ спящихъ, и думалъ нѣтъ ли тутъ Царевны, однако ненашелъ; почему вошелъ онъ и въ другую горницу, тамъ спали ея подруги весьма прекрасныя, и тутъ небыло Царевны; для того Любимъ Царевичь пошелъ въ третій и тамъ онъ увидѣлъ Царевну спящую и отъ красоты ея всѣмъ сердцемъ разгорѣлся, и сильно

полюбилъ прекрасную Царевну и началъ онъ ее цѣловать и нехотѣлъ разстаться съ нею; однако подумавъ что замѣшкавшись тамъ его поймаютъ, пошелъ онъ въ садъ гулять и изъ прудовъ воды живой и мертвой взять, а самъ окупался въ живой водѣ, и взялъ съ собою въ пузырки живой и мертвой воды и пошелъ къ своему волку, и какъ сѣлъ онъ на волка коня, то волкъ ему сталъ говорить: что ты очень сталъ грузенъ, намъ неперескочить будетъ по давешнему, а мы зацѣпимъ и ихъ разбудимъ, однако же хотя будетъ за нами погоня, но ты ихъ побьешъ и побивъ какъ можно бѣлаго коня лови, я тебѣ пособлю послѣ воевать; а какъ доѣдемъ до своего шатра, то ты возьми своего коня, а я на томъ бѣломъ конѣ поѣду и когда мы побьемъ всѣхъ ея воиновъ то она и сама къ намъ пріѣдетъ, и станетъ сама тебѣ говорить, чтобъ ты понялъ ее въ жену: ибо она возгорится къ тебѣ сильною

сердечною любовїю, и плѣнится тобою. Какъ хотѣли они перескочить чрезъ стѣну высокую, то зацѣпили за струны, и вдругъ поднялся въ городѣ колокольной звонъ и бубонной бой и всѣ люди стали вставать и во дворецъ побѣжали всякъ со своимъ оружїемъ; а другїя ворота отворяютъ, что нездѣлалось ли какого нещастїя прекрасной Царевнѣ? да и сама Царевна проснулась и видитъ, что нѣкакой молодецъ былъ у ней въ гостяхъ, и чувствуетъ что у ней зародилось дѣтище, и тотчасъ повелѣла кличь кликать, что бы всѣ собиралися къ ней въ палаты. Тогда собралися славныя и могучїя богатыри и она стала имъ говорить: охъ! вы могучїи богатыри, вы идите и догоните того молодца и голову его мнѣ привезите, хоть тѣмъ я накажу его дерзость. На то ей могучїи богатыри отвѣтствовали: что неоставимъ такъ, чтобъ его нерастерзать и головы къ тебѣ непривезть,

хотѣ бы онъ и съ войскомъ былъ. По томъ Царевна отпустила ихъ, а сама взошла на теремъ и смотритъ на свое войско и на рыцаря того, кой покусился тайно взойти въ ея дворецъ, и осмѣлился сонную ее любовать. А какъ ударили тревогу, то Любимъ Царевичь на своемъ волкѣ конѣ такъ далеко отъѣхалъ, покамѣстъ нагнали ихъ, что уже они половину пробѣжали до своего шатра отъ того города; и когда увидѣлъ, что догоняютъ его, то обернулся на нихъ на своемъ волкѣ конѣ и сталъ весьма яростенъ обозрѣвъ на полѣ такое множество богатырей; и какъ начали драться, то Любимъ Царевичь нестолько ихъ своимъ мечемъ побиваетъ, сколько конь его топчетъ и уже мѣлкихъ богатыришковъ всѣхъ почти побилъ. И видитъ Любимъ Царевичь одного богатыря ѣдущаго къ нему на бѣломъ конѣ и разъярившись Любимъ Царевичь и того богатыря своевалъ, у котораго бы-

ла голова съ пивной котелъ: а по тому побивши Любимъ Царевичь всѣхъ, взялъ бѣлаго коня и сѣлъ самъ на него, а волку далъ отдохнуть; и отдохнувши поѣхали они къ своему шатру. Царевнажъ прекрасная видя, что онъ одинъ побилъ такое множество, велѣла собирать еще болѣе того войска и послала ихъ, а сама взошла опять на теремъ, а Любимъ Царевичь доѣхалъ до шатра. Тогда волкъ обратился въ человѣческой образъ и сталъ такой богатырь, что ни вздумать ни взгадать, только въ сказкѣ сказать; и какъ начало подходить войско прекрасной Царевны, то Любимъ Царевичь и съ своимъ товарищемъ волкомъ богатыремъ стали на коней садиться и ближе ихъ къ себѣ дожидаться; а какъ прекрасной Царевны было войско несмѣтное, то Любимъ Царевичь велѣлъ волку быть на лѣвомъ крылѣ, а самъ сталъ на правомъ, и оправившись стали управляться и

на воиновъ Царевниныхъ метаться и стали ихъ побивать, какъ сѣно скашивать, и такъ покосили всѣхъ, что только на томъ мѣстѣ остались двое, волкъ и Любимъ Царевичь. Послѣ такой сильной побѣды храбрый волкъ началъ говорить Любиму Царевичу: смотри, вотъ теперь прiѣдетъ сама прекрасная Царевна и будетъ тебя миловать, что бы ты взялъ ее въ жену, уже теперь нѣтъ никакой опасности отъ нея, да и я уже отслужилъ храбростiю своею и помощiю свой тебѣ проступокъ, и такъ отпусти меня въ свое государство побывать. Любимъ Царевичь поблагодаривъ волку за его услуги и совѣты отпустилъ волка, и простились они. Какъ простились, то волкъ и невидимъ сталъ, а видитъ Любимъ Царевичь что прекрасная Царевна ѣдетъ къ нему, и возрадовался Любимъ Царевичь, и поѣхалъ къ ней на встрѣчу и сталъ ее принимать за бѣлыя руки, и сталъ цѣловать въ уста сахарныя и прижимаетъ

онъ ее къ ретиву сердцу, и тако говоритъ умильные словеса: естьлибъ я тебя нелюбилъ прекрасная моя и драгая Царевна, такъ небылъ бы здѣсь и часа и могъ бы уѣхать въ тоже время: но я зналъ что твоя сила немогуча, и надъ войскомъ твоимъ я тебѣ и показалъ себя. Тутъ начала прекрасная Царевна таковыя рѣчи: охъ ты гой еси славный рыцарь! побѣдилъ ты мою всю силу и славныхъ могучихъ богатырей, на коихъ вся моя надежда была и въ городѣ стало у меня пусто, для того хочу я за тебя вытти, чтобъ ты былъ мнѣ защитою, и царство мое недопустилъ бы до погибели. На то ей отвѣчалъ Любимъ Царевичь: съ охотою возьму тебя въ жену и буду тебѣ защитникомъ и царство твое и градъ твой недопущу до погибели. Поговоря между собою такъ пошли они въ шатеръ и стали тутъ пиръ пировать, и лелеяться, на утрїе же ставъ рано сѣли на

коней и поѣхали къ Елидару въ царство и началъ на пути говорить Любимъ Царевичь: охъ ты гой еси прекрасная Царевна! были у меня два брата старшія, такъ надобно мнѣ ихъ прахъ сыскать, ибо поѣхали прежде меня и хотѣли они тебя достать, но здѣсь на непроѣзжей дорогѣ они убиты и гдѣ то лежатъ незнаю; а какъ я взялъ отъ тебя живой и мертвой воды то и хочу ихъ излѣчить, а они должны быть не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги; и такъ поѣзжай ты прямо къ столбу что съ надписями, тамъ ты остановись и дожидайся насъ, а мы незамѣшкаемъ приѣхать къ тебѣ. Молвивъ сіе Любимъ Царевичь разлучился съ своею прекрасною Царевною, что бы братьевъ своихъ прахъ сыскать и нашелъ онъ ихъ за кустами и спрыснулъ ихъ мертвою водою, то они срослися, потомъ спрыснулъ ихъ живой водой, то они и стали живы, и встали на ноги и возговорили Аксофъ и Гутъ

Царевичи: ахъ ти, какъ мы долго заспали! на что имъ отвѣтъ держалъ Любимъ Царевичь: вамъ бы и долго еще спать какъ бы не я, и по томъ разсказалъ имъ всѣ свои похожденія, какъ онъ волка побѣдилъ и какъ прекрасную Царевну досталъ и живой и мертвой воды для нихъ привезъ; и расказавъ всѣ они поѣхали къ тому шатру, гдѣ прекрасная Царевна ихъ дожидалася, и какъ пріѣхали и сѣхались вмѣстѣ, то вельми всѣ радостны были, и начали пиръ творити. Когда легли Любимъ Царевичь съ прекрасною Царевною спать, то Аксофъ Царевичь Гуту Царевичу сталъ лукаво говорить: что де мы пріѣдемъ къ своему родителю Елидару и родительницѣ Милитиссѣ и что мы скажемъ о себѣ? а нашъ меньшій братъ будетъ хвастаться, что де я досталъ прекрасную Царевну и братьевъ своихъ отъ смерти избавилъ, не стыдно ли намъ съ нимъ будетъ жить? нелучшели ево заблаговременно

уходить? на что и Гутъ Царевичь тоже сказалъ: что де намъ стыдно будетъ съ нимъ жить а лучше теперь его уходимъ. И такъ сговорившись они взяли мечь кладенецъ и изрубили Любима Царевича въ мѣлкія части и разбросали на вѣтръ, а прекрасной Царевнѣ грозя говорили: если она повѣдаетъ кому сію тайну то и ей тогоже неминовать. По раздѣлу Гуту досталась живая вода и мертвая, а Аксофу Царевичу прекрасная Царевна; и такъ поѣхали они къ своему родителю Елидару и какъ пріѣхали въ заповѣдные луга царскія и разбили свои шатры, то Царь Елидаръ послалъ вѣстника своего провѣдать: кто въ заповѣдныхъ его лугахъ шатры разбилъ? и какъ вѣстникъ пріѣхалъ въ зеленые луга и сталъ спрашивать: что де вы за люди и откудова пріѣхали, на то ему Гутъ Царевичь отвѣтъ держалъ: что пріѣхали де Аксофъ и Гутъ Царевичи, и съ прекрасною Царевною и объявили нашему роди-

телю, что живой и мертвой воды съ собой привезли, и какъ посланной прибылъ ко двору и доложилъ Царю, что де пріѣхали ваши сыновья и съ добычею прекрасною Царевною, то Царь посланнаго вопросилъ: что де всѣ три сына пріѣхали? но посланной ему отвѣчалъ: что только два старшые а меньшаго нѣтъ съ ними. Однакоже Царь и сей вѣсти радостенъ былъ и пошелъ къ Царицѣ своей супругѣ и ей сказалъ: что де пріѣхали старшіе два сына и съ прекрасною Царевною; и поѣхали Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою встрѣчать своихъ сыновей и встрѣтились они на дорогѣ и вельми обрадовались, и стали цѣловаться и обниматься; а какъ пріѣхали въ царскія чертоги, то и начали пиръ пировать и пировали они семь дней и семь нощей и стали затѣвать свадьбу: и дѣлать пріуготовленія и звать гостей, бояръ и могучихъ богатырей и славныхъ рыцарей. Волкъ крылатой узнавъ

что убили братья Любима Царевича, побѣжалъ за живою и мертвою водою и принесъ ее, и собравъ всѣ части Любима Царевича спрыснулъ ихъ мертвою водою, то всѣ части срослися, а какъ спрыснулъ живою водою, то всталъ доброй молодецъ какъ ни въ чемъ небывалъ и говоритъ: Ахъ какъ я долго спалъ! на то ему волкъ отвѣчалъ: да и вѣкъ бы тебѣ спать кабы де не я, расказалъ ему какъ братья съ нимъ поступили. А потомъ волкъ обратился конемъ и говоритъ Любиму Царевичу: поспѣшай къ нимъ, надобно къ завтрему прїѣхать, а то твой братъ Аксофъ Царевичь на твоей прекрасной Царевнѣ женится, и такъ Любимъ Царевичь сѣлъ на волка коня, и конь поскакалъ, по крутымъ горамъ какъ почисту полю, и прїѣхалъ Любимъ Царевичь къ своему родителю въ городъ и отпустилъ онъ своего волка коня, а самъ пошелъ на рынокъ и купилъ гусельцы, и гдѣ

надобно прекрасную Царевну вести въ церковь, то у той дороги къ дому сѣлъ на заваленкѣ; и какъ повезли прекрасную Царевну въ церковь то началъ Любимъ Царевичь выигрывать на гусельцахъ свое похожденіе молодецкое и сталъ припѣвать своимъ тоненькимъ голоскомъ. Какъ стала подъѣзжать та карета, гдѣ сидѣла прекрасная Царевна, то онъ началъ о братьяхъ своихъ воспѣвать и подыгрывать на гусельцахъ, какъ они его изрубили и какъ отца своего обманули; тогда прекрасная Царевна велѣла остановиться и приказала своему служителю призвать того играка къ себѣ и спросить его: кто онъ таковъ и какъ по имени его зовутъ? когда пришелъ слуга Царевны и спросилъ его: кто онъ таковъ? и звалъ его къ прекрасной Царевнѣ, то Любимъ Царевичь несказавъ ничего служителю пошелъ прямо къ Царевнѣ, и какъ увидѣла прекрасная Царевна вельми

возрадовалася, что любимъ Царевичь ея живъ, и посадила Любима Царевича въ карету и поѣхали къ родителямъ своимъ. Царь Елидаръ и съ Царицею своею Милитиссою увидѣли Любима Царевича, и несказанно возрадовалися и возвеселилися. Тутъ начала прекрасная Царевна слѣдующую рѣчь: что де досталъ меня не Аксофъ Царевичь а Любимъ Царевичь, и живую и мертвую воду тоже онъ досталъ, а съ нею и Любимъ Царевичь все имъ подробно расказалъ свое похожденіе. И такъ Царь Елидаръ и съ Царицею своею Милитиссою призвавъ Аксофа и Гута Царевичей стали спрашивать: для чего они такъ здѣлали? то они въ томъ запиралися, а Царь разгнѣвавшись на нихъ велѣлъ ихъ на воротахъ разстрѣлять, а Любимъ Царевичь женился на своей прекрасной Царевнѣ и прижилъ онъ дѣтища и жилъ онъ съ прекрасною Царевною въ любви и согласіи нещетныя годы, и тѣмъ сей сказкѣ конецъ.

СКАЗКА

о

ПСѢ

и

УЖѢ.

Нѣкоторой Царь, именемъ Пиррасъ, имѣлъ у себя одного только сына младенца, котораго именовали Избавломъ. Пиррасъ любилъ его чрезвычайно, и опредѣлилъ къ нему трехъ мамокъ: первая изъ нихъ кормила его своею грудью другая обмывала, атретья нянчила. Пиррасъ такъ же имѣлъ у себя одного сокола и пса, до которыхъ онъ великой былъ охотникъ, и любилъ ихъ немало. Въ нѣкоторое время случилось Пиррасу отлучиться отъ двора своего вмѣстѣ съ своею супругою, которая именовалась Арадіею. Онъ при отъѣздѣ своемъ препоручилъ Избавла помянутымъ тремъ мамкамъ, которыхъ просилъ имѣть о немъ прилѣжное надсматриваніе. Въ той же

самой комнатѣ въ коей Царевичь Избавлъ находился, были соколъ и песъ. Когда Царевичь заснулъ въ своей колыбели, мамки вышли въ другую комнату, дабы необезпокоить его своими разговорами. Въ то самое время, когда въ сей комнатѣ никого неосталось, выползъ изъ угла пребольшой ужъ, которой прежде осмотря, что изъ людей никто тамъ ненаходился, приближился потомъ къ колыбели, и хотѣлъ заѣсть младенца. Соколъ увидя того ужа встрепенулся, а потомъ ткнулъ пса носомъ своимъ, чрезъ что далъ ему знать, что бъ онъ защитилъ Царевича, лежащаго въ колыбели. Песъ, какъ скоро узрѣлъ ужа, вдругъ бросился нанего, и началъ съ нимъ грызться. Ужъ искусалъ пса во многихъ мѣстахъ, но на конецъ песъ оправился, и заѣлъ того ужа до смерти. Въ то самое время, когда песъ съ ужомъ грызлись, выронили малинькаго Царевича изъ колыбели, и тою колыбелью совсѣмъ его покрыли

а комната вся вымарана была ужевою и псовою кровію. Песъ заѣвшій ужа легъ на Царевичеву колыбель. Вскорѣ потомъ вошли въ ту комнату мамки, и увидя кровь и пса лежащаго на колыбели, вообразили себѣ, что песъ съѣлъ маленького Царевича. Они испужались чрезвычайнымъ образомъ и плакали горькими слезами. Одна изъ тѣхъ мамокъ побѣжала къ Царицѣ Арадіи и сказала ей, якобы песъ заѣлъ любимаго ея сына, котораго кровь пролилась по всей комнатѣ. Царица услыша такую печальную вѣдомость закричала во весь свой голосъ: Ахъ! Пиррасъ то услыша: и напослѣдокъ увидя въ обморокѣ свою супругу, старался ей всячески подавать въ томъ помощь; а когда она пришла въ чувство, спрашивалъ о причинѣ онаго. Какъ скоро Пиррасъ увѣдомился обо всемъ, немедля возвратился въ домъ свой, гдѣ Царица просила его, чтобъ онъ умертвилъ любимаго своего пса. Пиррасъ когда

вошелъ въ ту комнату, въ коей маленькой Царевичь находился, песъ увидя его тотчасъ къ нему подошелъ, ластился и показывалъ ему хвостомъ свою радость. Тогда Царица сказала Царю: убѣй сего проклятаго пса до смерти; онъ причиною всего нашего нещастія. Пиррасъ выхватя тотчасъ свой мечь, разрубилъ пса надвое, а потомъ начали смотрѣть откуда та кровь изтекала. Наконецъ усмотрѣли ужа, которой лежалъ на полу близъ колыбели. Царь разсматривалъ его весьма прилѣжно, и увидѣлъ нанемъ многіе раны, такъ же и на псѣ примѣтилъ нѣсколько оныхъ, которые ужъ ему прокусилъ. Тогда то узналъ Пиррасъ, что безвинно убилъ любимаго пса; ибо когда подняли колыбель, маленькаго Царевича нашли подъ оною живаго.

Конецъ.

СКАЗКА

О

славномъ

и

именитомъ Царевичѣ

МАЛАНДРАХѢ ИБРАГИМОВИЧѢ

И

О прекрасной Царевнѣ

Саликаллѣ.

В нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ городѣ Андерикѣ былъ жилъ Царь умной человѣкъ по имени Ибрагимъ Туксала, и тотъ Царь жилъ съ своею супружницею ровно тридцать лѣтъ, а ни единаго дѣтища неимѣлось! и началъ Царь Ибрагимъ Туксалановичь съ Царицею Богу молиться, что бы онъ даровалъ имъ какое нибудь дѣтище, и услышалъ Богъ молитву ихъ и сжалился на ихъ слезы горькїе и далъ имъ дѣтища дородного сына, и назвали ево Маландрахомъ Ибрагимовичемъ, по прозванью Туксаламовичемъ; и тотъ Царевичь, не по днямъ а по часамъ ростетъ, какъ грешневое тѣсто на опарѣ киснетъ, такъ удалъ доброй

молодецЪ ЦаревичЪ ростетЪ; и тотЪ Царь обучилЪ своего сына разнымЪ наукамЪ. И когда ЦаревичЪ пришелЪ вЪ совершенныя лѣта и всѣ науки выучилЪ, то пришелЪ онЪ кЪ своему родному батюшкѣ кЪ Царю Ибрагиму Туксаламовичу, и возговоритЪ ему такія словеса: государь ты мой батюшка, сильный Царь ИбрагимЪ ТуксаламовичЪ! обучилЪ ты меня разнымЪ наукамЪ, а одной только наукѣ невыучилЪ. АхЪ, ты чадо мое милое, любезнѣйшій сынЪ МаландрахЪ ИбрагимовичЪ! скажи мнѣ и повѣдай: какой ты наукѣ еще учиться хочешь? сказалЪ Царь сыну своему, я для тебя нарочно учителей выпишу. На то ему ЦаревичЪ МаландрахЪ отвѣтЪ держалЪ: государь ты мой батюшка ИбрагимЪ ТуксаламовичЪ, вчерась читалЪ я книгу Свейскую и нашелЪ вЪ ней, что есть такія люди, которыя на крыльяхЪ по воздуху летать умѣютЪ, то и мнѣ очень той наукѣ научиться хочется, и для

того прошу васъ, государь мой батюшка, такихъ учителей выписать которые бы меня той наукѣ выучили. На то Царь ему отвѣтствовалъ: Ахъ! ты чадо мое милое Маландрахъ Ибрагимовичь, нельзя тому статься, чтобъ люди лѣтали по воздуху, и ты читалъ конечно какую нибудь небылицу или сказку, то тому вѣрить никакъ неможно, однако я для тебя пошлю въ иное государство о такихъ людяхъ провѣдать, и если ихъ отыщутъ, то велю сюда привезть, и велю тебя той наукѣ учить. А какъ у Царя не пиво варить, не вино курить, то и послалъ Царь въ разныя государства отдаленныя съ наказомъ отыскивать воздушныхъ летателей, и если ихъ найдутъ, велѣлъ къ себѣ привозить. И разъѣхались всѣ послы по разнымъ государствамъ, и черезъ три года времени нашли одного такого мастера въ городѣ въ Австрипѣ и привезли къ Царю Ибрагиму Туксаламовичу; и какъ

скоро Царевичь Маландрахъ его увидѣлъ, то вельми радостенъ былъ. Царь Ибрагимъ началъ того мастера спрашивать: умѣетъ ли онъ той мудреной наукѣ? на то ему летальщикъ отвѣтъ держалъ: милостивый государь! Ваше Царское Величество, хотя я самъ себя похвалить и несмѣю, однако я первой мастеръ по всей нашей сторонѣ; ежели изволите чтобъ я училъ вашего сына Маландраха Царевича летать по воздуху, то прикажите состроить палату великую и высокую таковую, чтобъ въ длину она была въ двѣсти локтей и столько же въ ширину, а въ вышину сто локтей; и чтобъ та палата вся была пустая, а только бы была въ ней коморочка, и въ той палатѣ чтобъ было множество окошекъ Когда сію рѣчь выслушалъ, то въ тоже самое время приказалъ такую палату строить, и какъ скоро та палата совсемъ была состроена, тогда воздушной летатель здѣлалъ двое крыльевъ одни

для себя, а другія для Маландраха Царевича, и началъ Царевича въ той палатѣ летать учить и подвязывалъ ему одни крылья, а себѣ другіе, и когда его отучитъ, то клалъ обои крылья въ каморочку и тамъ ихъ запиралъ, а ключь къ себѣ бралъ. Но въ нѣкое время случилось, когда учился Царевичь и послѣ шабаша положилъ крылья мастеръ въ коморочку, и незаперъ крѣпко замка, а Царевичь то примѣтилъ и о томъ несказавъ своему учителю пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ своему батюшкѣ, а на ту пору у Царя пиръ прилучился и гостей было множество великое, тогда Маландрахъ Царевичь ушелъ тихонько никому несказавшись въ ту палату великую, и вынулъ изъ коморочки свои крылья и подвязалъ онъ себѣ ихъ крѣпко накрѣпко, и вышелъ изъ палаты вонъ, и началъ съ мѣста на мѣсто перепархивать и послѣ взлетѣлъ на ту палату высокую и сѣлъ на ней и отдохнувъ немно-

жко любовался съ верьху на государство своего батюшки, и послѣ хотѣлъ на землю спуститься, но вдругъ сердечко его замерло, побоялся въ низъ съ такой великой высоты спуститься и вмѣсто того, чтобъ ему летѣть къ низу, забирался онъ все часъ отъ часу выше да выше, и наконецъ ему земля съ яблоко показалась, потому что онъ забрался очень высоко; и на ту пору подулъ вѣтеръ пресильной, которымъ Маландраха Царевича занесло въ незнаему сторонушку, и уже сталъ онъ изъ силъ выбиваться такъ, что немогъ онъ своими крылышками править и началъ опускаться къ низу и увидѣлъ подъ собою море и вельми того онъ испугался и собравъ послѣднiе свои силы приподнялся опять къ верху и смотрѣлъ на всѣ на четыре стороны: неувидитъ ли гдѣ какого берега? и усмотрѣлъ въ дали небольшой островъ и полетѣлъ въ ту сторону и спустился на тотъ островъ;

на которомъ отвязавъ свои крылья взялъ ихъ подъ пазуху и началъ ходить по тому острову и искать себѣ какой ниесть пищи, ибо онъ вельми тогда проголодался, и нашелъ онъ одно дерево на коемъ росли сладкія овощи, которыхъ онъ накушался до сыта, а послѣ на траву легъ спать подъ кудрявое дерево, и проспалъ до бѣла свѣта; а поутру вставъ хотѣлъ подвязать себѣ крылья, однако руки его такъ болѣли, что онъ ими и ворохнуться никакъ немогъ, почему и принужденъ тутъ пробыть цѣлыя десять дней, а въ одинадцатой день подвязалъ себѣ крылышки и благословясь опять поднялся къ верьху и смотрѣлъ на всѣ сторонушки и примѣчалъ государство батюшки своего родимаго, однако немогъ его увидѣть, и къ вечеру уже увидѣлъ онъ берегъ и на томъ берегу была роща густенькая, и спустился онъ въ ту рощу и отвязалъ свои крылья и пошелъ по тропиночкѣ и вышелъ

по той тропинкѣ къ градскимъ воротамъ, однако непошелъ онъ въ городъ, а спряталъ прежде свои крылья подъ кустикомъ, и послѣ вошелъ въ городъ и спросилъ: гдѣ рынокъ? и когда ему рынокъ указали, то пошелъ онъ туда и купилъ себѣ долгую епанчу, а послѣ пошелъ опять въ рощу и взялъ свои крылышки подъ пазушку и пошелъ опять въ городъ; и попалься ему одинъ человѣкъ, котораго онъ спросилъ: незнаетъ ли гдѣ нанять квартиры? незнакомецъ его спросилъ: конечно ты чужестранецъ; твоя правда, отвѣтъ ему держалъ Маландрахъ Царевичь: я купецъ изъ Индѣйскаго царства и плылъ на кораблѣ съ товарами и погодою судно наше разбило о камень и прибило меня къ здѣшнему государству на doскѣ, за которую я крѣпко держался. Другъ мой, сказалъ незнакомой ему человѣкъ, если хочешъ, то поди жить ко мнѣ, я тебя буду держать вмѣсто родимаго моего сына.

На сїе Маландрахъ Царевичь охотно согласился, и пошелъ съ незнакомымъ человѣкомъ въ домъ его, и живетъ онъ въ домѣ его больше мѣсяца и изъ двора никуды невыходилъ; и началъ хозяинъ ему говорить: для чего ты неходишъ прогуливаться по нашему городу и непосмотришъ нашего огромнаго строенїя и древнихъ развалинъ? Тогда Маландрахъ Царевичь началъ просить своего хозяина, котораго называли Ахрономъ, чтобы онъ пошелъ съ нимъ гулять по городу и показалъ бы ему государевъ дворецъ. Хозяинъ его послушался и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ, и ходилъ онъ по тому городу до самого вечера и пришли они назадъ домой и легли спать; а на другой день пробудившись Маландрахъ Царевичь всталъ съ постели, одѣлся, умылся и Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился и позавтракалъ; а позавтракавши пошелъ одинъ гулять по городу и наконецъ вышелъ онъ за го-

родъ и увидѣлъ превеликое каменное строенїе, вокругъ котораго была обнесена высокая каменная стѣна, и онъ ходилъ вокругъ той стѣны и ненащелъ ни однихъ воротъ, а только увидѣлъ одну калитку малую, которая заперта была накрѣпко. Маландрахъ Царевичь дивился тому великому строенїю и пришедъ домой, спрашивалъ о томъ каменномъ строенїи своего хозяина; хозяинъ на то ему отвѣтствовалъ: что то де строенїе Царское, и въ томъ де строенїи засажена Царская дочь по имени Саликалла, а за что тамъ засажена, тово незнаетъ. Маландрахъ Царевичь выслушавши его рѣчь, пошелъ на другой день опять къ томужъ каменному строенїю и взялъ съ собою свои крылья, и пришедши къ каменной стѣнѣ дождался вечера и подвязавъ себѣ крылья перелетѣлъ черезъ каменную стѣну и сѣлъ на дерево, потому, что за стѣною былъ садъ. Онъ сидя на деревѣ смотрѣлъ въ окно, на которомъ сидѣла Царевна

Саликалла; она сидѣла очень долго и послѣ легла спать на постѣлю, и все то Маландрахъ Царевичь видѣлъ и черезъ часъ времени влетѣлъ онъ въ окно, которое было незатворено, онъ подошелъ къ кровати Царевниной и примѣтилъ что она спитъ, началъ ее цѣловать и обнимать и хотѣлъ разбудить, однако неосмѣлился того здѣлать; и такъ онъ весьма долго любовался на красоту прекрасныя Царевны Саликаллы, и пробывъ онъ тамъ почти до свѣту, началъ послѣ торопиться домой итти, побоялся чтобъ непроснулась Царевна; тогда онъ простился съ оною Царевною и здѣлалъ примѣту, чтобъ Царевна догадалась, что былъ у ней кто нибудь, и вотъ какую примѣту онъ здѣлалъ: онъ положилъ къ ней на постѣлю ея башмаки и послѣ вылетѣлъ изъ окна и пошелъ домой и легъ спать. Царевна же по утру проснувшись увидѣвъ на постѣлѣ своей башмаки думала, что ихъ положилъ къ ней

мальчикЪ, которой былЪ при ней во услуженїи и спалЪ вЪ другой горницѢ; она спрашивала мальчика: не онЪ ли положилЪ башмаки кЪ ней на постѢлю? мальчикЪ ей говорилЪ: что онЪ ихЪ неклалЪ, чему она много дивилась. ВЪ вечеру МаландрахЪ Царевичь взялЪ свои крылья и пошелЪ опять кЪ тѢмЪже каменнымЪ палатамЪ, и дождавщись ночи подвязалЪ себѢ крылья, влетѢлЪ опять вЪ окно и любовался опять на красоту прекрасной Царевны Саликаллы; она лежала тогда размետавшись и разкрывши груди; передЪутромЪже, когда надобно было ему итти домой, взялЪ опять башмаки и положилЪ кЪ ней на постѢлю вЪ самыя головы и поцѢловавщись сЪ Царевною вылетѢлЪ изЪ окна и пошелЪ домой и легЪ спать. Прекрасная Царевна Саликалла пробудивщись по утру увидѢла опять башмаки вЪ своихЪ головахЪ, спрашивала опять мальчика не онЪ ли ихЪ тутЪ положилЪ? однако мальчикЪ

отвѣчалъ: что онъ ихъ неклалъ; чему она еще больше прежняго дивилась и обѣщалась будущую ночь неспать и подстеречь: кто къ ней кладетъ въ головы башмаки. Царевичь Маландрахъ дождавшись опять до вечера взялъ свои крылья подъ пазуху, пошелъ къ каменнымъ палатамъ, и когда чаялъ, что Царевна спитъ подвязавши крылья, влетѣлъ въ окно; лишъ только что подошелъ къ кровати и хотѣлъ Царевну обнять и поцѣловать, то Царевна схватила его вдругъ обѣими своими руками весьма крѣпко и спросила: кто ты таковъ, и зачемъ сюда пришелъ? Маландрахъ Царевичь оробѣлъ и незналъ, что ей на то отвѣчать, однако послѣ собрался съ разумомъ и началъ просить у Царевны прощенія въ своей винѣ, которую предъ нею здѣлалъ; однако она невыпущая его изъ рукъ своихъ приказывала ему съ угрозами: чтобъ онъ ей сказалъ о себѣ, кто онъ таковъ и какъ зашелъ къ

ней въ покои? тогда онъ расказалъ ей о себѣ всю истинную правду, то есть: какого онъ роду, котораго онъ отца сынъ, и какъ его по имени зовутъ, и какъ зашелъ въ то государство и какъ къ ней попалъ. Тогда прекрасная Царевна Саликалла поцѣловавши его въ уста сахарныя, сказала: вселюбезнѣйшій мой другъ и прекрасный рыцарь Маландрахъ Царевичь, непрогнѣвайся на меня, что я съ тобою поступила такъ сурово. О вселюбезнѣйшая и прекраснѣйшая моя Царевна Саликалла! прошу тебя отъ всего сердца, повѣдай мнѣ всю истинную правду, почему ты въ сихъ палатахъ засажена родителями своими? да и то одна одинехенька неимѣя при себѣ никакой твари. Прелюбезнѣйшій мой и дражайшій Маландрахъ Царевичь! вотъ почему я здѣсь засажена: какъ скоро матушка меня родила, тогда мой батюшка призвалъ къ себѣ мудрецовъ и спрашивалъ ихъ: долголи я буду жить? и какъ на то мудре-

цы ему говорили: что я до пятнадцати лѣтъ буду жить честно и благополучно, а послѣ пятнадцати лѣтъ нанесу отцу моему и матери безчестіе, то есть будто бы я обеременѣю, то отецъ и мать услыша такія рѣчи отъ мудрецовъ, велѣли состроить сей домъ и на десятомъ году отъ рожденія моего меня сюда засадили на десять же лѣтъ, и теперь я здѣсь сижу уже шестой годъ и матушка моя ко мнѣ пріѣзжаетъ въ мѣсяцъ по одному разу, а батюшка въ три мѣсяца по одному же разу; для услуженія моего при мнѣ есть мальчикъ, которой спитъ въ другой горницѣ; матушка моя была у меня третьяго дня и будетъ опять чрезъ двадцать восемь дней, то вы любезнѣйшій Царевичь можете ето время пробыть у меня отъ скуки, и тѣмъ здѣлаете мнѣ великую милость, когда непогнушаетесь у меня остаться. Царевичь Маландрахъ съ великою радостію согласился на ея прошеніе

и у ней остался. Тогда разговаривали они о разныхъ вещахъ и послѣ начали говорить о любви, которую они имѣли другъ къ другу, и цѣловалися они тогда и миловалися и другъ другу заклятiе дали, чтобъ Царевичу Маландраху ни на комъ больше кромѣ прекрасной Царевны Саликаллы нежениться, а ей такъ же кромѣ его ни за кого замужъ неитти, и когда они дождалися утра и мальчикъ Царевнинъ уже всталъ, тогда Царевна Саликалла вышла къ мальчику и сказала ему: чтобъ онъ пошелъ въ садъ и тамъ бы игралъ весь денъ; мальчикъ тому по ребячеству обрадовался и пошелъ въ садъ играть; прекрасная Царевна Саликалла ето здѣлала для того, чтобъ мальчикъ невидѣлъ Царевича Маландраха и несказалъ бы обънемъ ея отцу и матери. И такимъ образомъ Маландрахъ Царевичъ жилъ у прекрасной Царевны Саликаллы двадцать восемь дней и забавлялся съ нею разными увеселительными заба-

вами и спалъ съ нею на одной постѣли; а въ двадцать девятой день по утру весьма рано прекрасная Царевна Саликалла разбудила Царевича Маландраха и ему сказала, чтобы онъ на тотъ день отъ нее отлучился по тому, что мать ея Царица будетъ къ ней для навѣщенія; Царевичь же Маландрахъ тотчасъ вскочилъ съ постѣли и началъ одѣваться и одѣвшись сталъ прощаться и въ сахарные уста цѣловаться и къ ретиву своему сердцу прижималъ, и вылетѣлъ на крильяхъ изъ окна вонъ, и пришелъ къ своему хозяину. Хозяинъ началъ его спрашивать: гдѣ онъ былъ во все то время? на что Царевичь ему отвѣтсвовалъ: вышелъ де я за городъ, ходилъ по зеленой рощѣ и заблудился и севодни попался мнѣ нѣкій человѣкъ и изъ той рощи меня вывелъ и привелъ въ здѣшній городъ; хозяинъ на то ему сказалъ: чтобъ онъ впередъ такъ далеко неходилъ потому, что мѣста ему здѣшнія не знакомы. Царевичь же Маландрахъ

возгорѣлся крѣпко любовїю къ прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ, и немогъ терпѣть, чтобъ быть съ нею въ разлукѣ и на силу могъ дождаться вечера, взялъ свои крылышки подъ пазуху и пошелъ къ каменному замку, подвязалъ свои крылышки и перелетѣлъ черезъ стѣну и сѣлъ на высокое дерево и смотрѣлъ въ окно къ Царевнѣ и примѣчалъ, нѣтъ ли у нее кого посторонихъ людей; однако примѣтивъ, что Царевна одна похаживаетъ по горницѣ, тотчасъ влетѣлъ къ ней въ окно. Царевна принимала его за бѣлыя руки, цѣловала во уста сахарныя и ему говорила: что была у нее ея матушка и опять будетъ къ ней черезъ мѣсяцъ, и просила чтобъ онъ то время пробылъ съ нею; на что Малландрахъ Царевичь съ радостїю согласился и пробылъ у нее весь тотъ мѣсяцъ, а послѣ опять пошелъ домой. По приходѣ его хозяинъ началъ спрашивать: гдѣ ты по сїе время былъ доброй молодецъ? на что Ца-

ревичъ ему отвѣтствовалъ: я де познакомился съ однимъ купцомъ, каторой пріѣхалъ сюда изъ нашего государства, и все ето время у него пробылъ. Хозяинъ такимъ его словамъ повѣрилъ. Когда же наступилъ вечеръ, Царевичъ взялъ опять свои крылья и пошелъ къ каменному замку и подвязавъ крылья влѣтелъ въ окошко и жилъ еще мѣсяцъ и вылетѣлъ тогда, какъ надобно быть матери ея; а послѣ опять къ ней лѣталъ и такимъ образомъ ходилъ онъ къ ней близъ года; и въ нѣкое время Царица мать ея примѣтила, что прекрасная Царевна Саликалла обеременѣла, и начала дочь свою выспрашивать: вселюбезнѣйшая моя дщерь Саликалла, примѣчаю я что ты беременна, то повѣдай мнѣ всю истинную правду и ничего неутай; отъ чего тебѣ то приключилось, и отъ чего во чревѣ твоемъ чадо зародилось? на то ей Саликалла Царевна отвѣтствовала:

милостивая моя государыня матушка, я скажу тебѣ всю истинну, что ходитъ ко мнѣ младой Царевичь по имени Маландрахъ Ибрагимовичь, сынъ сильнаго Царя Ибрагима Туксаламовича и живемъ мы съ нимъ въ великой дружбѣ и любви и прилетаетъ онъ ко мнѣ на крылышкахъ, которыя онъ къ себѣ привязываетъ подъ пазухи. Услыша такія рѣчи Царица мать ея тотчасъ пошла къ Царю своему супружнику и ему обо всемъ томъ объявила, что отъ дочери своей слышала. Царь же возтрепеталъ и возъярился весьма сердцемъ своимъ на прекрасную дщерь свою Саликаллу Царевну; тотчасъ поѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Царицею и пріѣхавъ началъ Саликаллу Царевну спрашивать: гдѣ, и у кого живетъ Маландрахъ Царевичь? Царевна Саликалла обо всемъ родителю своему объявила; въ тожъ самое время Царь отецъ ея послалъ добрую рать съ однимъ Княземъ, чтобъ взять Маландра-

ха Царевича и представить предъ лице его. Воины пришедши въ домъ, гдѣ жилъ Маландрахъ Царевичь, взяли его подъ стражу и привели къ Царю своему: тогда Царь началъ выспрашивать его: какого онъ роду, и чьего отца сынъ, и изъ какого государства и какъ его по имени зовутъ, и какъ попалъ онъ въ его государство? на что Царевичь объявилъ ему всю истинную правду. Тогда Царь призвалъ къ себѣ дочь свою прекрасную Царевну Саликаллу и ее спрашивалъ, тотъ ли это самой, которой къ тебѣ въ окно лѣталъ? она на то ему отвѣтствовала: что это тотъ самой, котораго она любитъ всею душею. По чему Царь взялъ свою дщерь за руку и отдалъ ее Маландраху Царевичу, и ему сказалъ: вселюбезнѣйшій мой зять! прими отъ рукъ моихъ сію единородную дщерь мою себѣ въ супружницы и живи съ нею благополучно, союзно и любовно. А какъ

у Царя не пиво варить, и не вино курить, веселымъ пиркомъ разомъ да и за свадебку. И такъ Маландрахъ Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ и женившись жилъ онъ съ полгода у своего тестя, а по томъ началъ у него проситься чтобъ отпустилъ его къ своему родителю съ своею супружницею; Царь ихъ отпустилъ съ благословенїемъ и велѣлъ корабль приготовить. Какъ скоро корабль былъ приготовленъ, то Царевичь Маландрахъ простился съ своимъ тестемъ и съ тещею, сѣлъ на корабль съ своею супружницею и поѣхали въ свое отечество. По прибытїи во дворецъ отца своего, Царь Ибрагимъ Туксаламовичь вельми радостенъ былъ, что увидѣлъ любезнѣйшаго сына жива и здрава и сталъ его спрашивать: гдѣ ты по сїе время былъ, и к кимъ случаемъ отлучился изъ государства моего? Царевичь же Маландрахъ объявилъ родителю своему всю правду истинную; тогда

Царь Ибрагимъ Туксаламовичь былъ уже въ древнихъ лѣтахъ и для того возложилъ вѣнецъ свой на главу любезнѣйшаго своего Царевича Маландраха Ибрагимовича и вскорѣ послѣ того умеръ; а Маландрахъ Ибрагимовичь началъ жить съ своею любезнѣйшею супружницею Саликаллою и жилъ съ нею многія лѣта въ великомъ согласіи и любви и дружбѣ оставя по смерти своей достойныхъ наслѣдниковъ.

Конецъ.

СКАЗКА

О

ВЕСЬМА ЧУДНЫХЪ

И

прекрасныхъ

гусляхъ самогудахъ.

Жилъ былъ въ нѣкоей странѣ Король именемъ Филонъ, и тотъ Король имѣлъ у себя жену именемъ Халтуру, съ которою прижилъ единаго дѣтища именемъ Астраха. И оный сынъ ихъ во младыхъ лѣтахъ имѣлъ охоту къ Рыцарскимъ дѣламъ; когда же пришелъ въ совершенный вазрастъ, началъ помышлять о бракѣ и спрашивалъ своего родителя Короля Филона: въ которомъ государствѣ есть прекраснѣе всѣхъ Царевна или королевна; на то Король отецъ его ему сказалъ: любезнѣйшїй мой сынъ, чадо мое милое! когда хочешъ ты жениться, то я покажу тебѣ изображенїя всѣхъ государствъ Царевенъ и Королевенъ. Тогда Королевичь Астрахъ началъ просить у его тѣхъ изображенїй, а Король Филонъ повелъ

его въ особливую горницу и показалъ ему всѣ тѣ изображенія. Обозрѣвъ оные Астрахъ Царевичь сталъ изъ тѣхъ изображеній выбирать себѣ невѣсту, и весьма ему полюбилась Египетскаго Царя Афора дочь Царевна Осида, и воспалился къ ней Астрахъ любовью своею и началъ помышлять: какъ бы достать ее себѣ въ супружницы. Тогда началъ онъ у батюшки своего просить благословенія, чтобъ отпустилъ его къ Царю Египетскому для обрученія съ Царевною Осидою перстнями; Король же Филонъ тому очень обрадовался, что сынъ его Королевичь Астрахъ хочетъ жениться, и для того отпустилъ его съ благословеніемъ къ Царю Афору. Астрахъ Королевичь пошелъ выбирать себѣ добраго коня богатырскаго и ходилъ по всѣмъ королевскимъ конюшнямъ, однако немогъ выбрать себѣ коня по мысли, по чему простившись съ своимъ отцемъ и съ матерью взялъ отъ

нихъ еще благословенiе и пошелъ въ Египетъ пѣшъ, одинъ одинехонекъ; и шелъ онъ долго ли, коротко ли, близко ли далеко ли, и увидѣлъ въ чистомъ полѣ что стоятъ палаты бѣлокаменныя, которые такъ были вызолочены, что отъ нихъ какъ отъ солнца лучи сiяли. Астрахъ Королевичь къ тѣмъ палатамъ пошелъ и пришедши къ нимъ, ходилъ вокругъ ихъ и смотрѣлъ на окна, неувидитъ ли какого человѣка, однако немогъ никого увидѣть и такъ вошелъ на дворъ и по двору ходилъ весьма долго; но и тамъ невидалъ ни одного человѣка, и послѣ пошелъ въ палаты бѣлокаменные и вошедши туда ходилъ по всѣмъ покоямъ, однако и тамъ ненашелъ ни одной души и ходилъ онъ по тѣмъ покоямъ весьма долго и пришелъ въ одну горницу, въ которой набранъ былъ столъ для одного человѣка; а какъ Астрахъ Коровичь тогда былъ голоденъ, то и сѣлъ онъ за тотъ столъ и наѣлся

й напился и послѣ легъ на постелю и заснулъ весьма крѣпко. Какъ скоро онъ проснулся, то пошелъ опять ходить по тѣмъ покоямъ и пришедши въ одинъ покой увидѣлъ изъ окна садъ такой прекрасной, что онъ никогда еще такого невидывалъ и захотѣлось ему въ томъ саду погулять; для чего и пошелъ онъ туда и ходилъ тамъ очень долго, и послѣ пришелъ онъ къ каменной стѣнѣ, въ коей была желѣзная дверь съ большимъ замкомъ. Астрахъ Королевичь потрогалъ тотъ замокъ и услышалъ вдругъ, что за тою дверью заржалъ богатырской конь и хотѣлъ Астрахъ Королевичь сбить тотъ замокъ, однако сбить было нѣчимъ, и такъ пошелъ онъ искать чѣмъ бы замокъ сбить, и нашелъ большой камень, величиною въ сажень съ полуаршиномъ, и взялъ тотъ камень въ охапку и началъ сбивать замокъ; но нетокмо, что замокъ но и самую дверь тѣмъ

камнемъ онъ вонъ вышибъ; и когда та дверь разтворилась, то увидѣлъ онъ еще другую дверь желѣзную же и съ замкомъ; онъ и ту дверь такъ же вышибъ и за тою дверью еще было десять дверей и онъ всѣ ихъ тѣмъ камнемъ выломалъ и увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго и всю збрую богатырскую. Онъ подошедъ къ коню началъ его поглаживать, а конь услыша по себѣ сѣдока стоитъ какъ вкопаной. И тогда Астрахъ Королевичь началъ коня сѣдлать, надѣваетъ на него сѣделичко черкаское и уздечку шелку шемаханскаго, и осѣдлавши вывелъ его изъ той конюшни и сѣвши на него выѣхалъ въ чистое поле и сталъ коня того испытывать и бьетъ онъ его по крутымъ бедрамъ по могучимъ; а конь осержается, отъ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы межъ ногъ пускаетъ, малые рѣчки хвостомъ устилаетъ,

а широкїе рѣки перепрыгиваетъ; и такъ Астрахъ Королевичь умучилъ того добраго коня, что по немъ какъ мыльная пѣна здѣлалась. Потомъ тотъ доброй конь проговорилъ Астраху Королевичу человѣческимъ голосомъ слѣдующїя слова: ну! Астрахъ Королевичь, ты по мнѣ сѣдокъ, служилъ я покойнику Еруслану Еруслановичу сильному могучему богатырю ровно тридцать лѣтъ и три года и былъ съ нимъ на многихъ поединкахъ и сраженїяхъ, однако никогда такъ я неуставалъ, какъ нынѣ; и теперь я готовъ тебѣ служить до моей смерти вѣрою и правдою. Тогда Астрахъ Королевичь поѣхалъ опять на тотъ широкой дворъ и поставилъ своего добраго коня въ конюшню, насыпалъ ему бѣлой ярой пшеницы и налилъ ключевой воды, а самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменные, напился, наѣлся и легъ спать. Во утрїе же вставъ рано осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго и сѣлъ на него,

поѣхалъ въ Египетъ къ Царю Афору просить себѣ въ супружницу дочь его прекрасную Царевну Осиду, и по нѣкоторомъ времени прїѣхалъ онъ туда и сказалъ о себѣ: что онъ сынъ Короля Федрона. Услышавъ сїе Царь Афоръ принялъ его весьма честно и спрашивалъ: за чемъ онъ къ нему прїѣхалъ? на что Астрахъ Королевичь отвѣчаетъ ему такъ: великїй Царь всея Египетскїя страны! прїѣхалъ я къ тебѣ негостить и не пиръ пировать, а прїѣхалъ я къ тебѣ просить милости, чтобъ отдалъ ты мнѣ свою любезнѣйшую дщерь, прекрасную Царевну Осиду въ супружницы. Храбрый Рыцарь Астрахъ Королевичь, отвѣтстовалъ Царь Афоръ, я со всею моею охотою отдамъ за тебя дщерь мою, но токмо сослужи ты мнѣ службу: подступаетъ подъ мое Царство невѣрный Царь Татарскїй и хочетъ мое царство повоевать и разграбить и мою дщерь взять нечестно себѣ въ супружницы;

а меня и съ женою моею хочетъ смертїю казнить. Тогда Астрахъ Королевичь Царю Афору сказалъ: милостивой государь Царь Афоръ, я готовъ итти на брань за вѣру Христїанскую съ невѣрнымъ Царемъ и спасти вашъ градъ отъ погибели безвременныя. Тому бывъ радъ Царь Египетскїй Афоръ повелѣлъ великїй пиръ сотворить для храбраго и прекраснаго Королевича Астраха; и когда начался пиръ, тогда Астрахъ Королевичь обручился съ прекрасною Царевною Осидою перстнями, и послѣ того пили они и ѣли и прохлажалися и всякими забавами забавлялися, а потомъ разошлися для ночнаго покою. На другой же день подступаетъ подъ тотъ градъ рать, сила босурманская, и той силы числомъ было триста тысячь. Царь Афоръ вельми испугался и прибѣжалъ къ Астраху Королевичу и просилъ его: чтобъ онъ сталъ за вѣру Христїанскую. Астрахъ Королевичь всталъ,

стряхнулся и осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго, потомъ вошелъ въ палаты Царскїе и помолился Богу и на всѣ на четыре стороны поклонился, и началъ съ Царемъ Афоромъ и съ супругою его и съ прекрасною Царевною обрученною невѣстою прощаться, и простившись съ ними пошелъ на широкой дворъ и сѣлъ на своего добраго коня богатырскаго. И съѣзжаетъ доброй молодецъ съ широкова двора и подъѣзжаетъ къ той силѣ непрїятельской и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ, по могучимъ, и конь ево осержается, отъ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы межъ ногъ пускаетъ, малые рѣки хвостомъ устилаетъ, большїе рѣки перепрыгиваетъ, и въѣхалъ онъ въ ту рать силу непрїятельскую и началъ босурамановъ рубить и крошить въ мѣлкїя части; и гдѣ Астрахъ Королевичь рукой махнетъ, тутъ

улица, а гдѢ конемЪ вернетЪ, тамЪ площадь; и не столько АстрахЪ Королевичь рубитЪ, сколько конемЪ топчетЪ, и перерубилЪ онЪ и перетопталЪ ту рать силу непрїятельскую, и самого Царя босурманского вЪ полонЪ взялЪ и привезЪ кЪ Царю Афору. Тогда Царь АфорЪ весьма радостенЪ былЪ и приказалЪ Царя босурманскаго посадить вЪ темницу; а сЪ АстрахомЪ КоролевичемЪ начали веселиться, и то веселїе продолжалось пятьнадцать дней. По истеченїи же того времени АстрахЪ Королевичь сталЪ опять напоминать Царю Афору о бракѢ сЪ прекрасною Царевною Осидою, и Царь АфорЪ приказалЪ для брака велїй пирЪ приготовить; потомЪ призвалЪ кЪ себѢ любезную свою дщерь прекрасную Царевну Осиду и ей приказывалЪ: чтобЪ она готовилась ко браку. Выслушавъ сїе Царевна Осида позвала кЪ себѢ Астраха Королевича и сказала ему: о вселюбезнѢйшїй мой другЪ и обрученный женихЪ! хочешь

ты такъ скоро со мною бракомъ сочетаться, а подумай прежде, какое у насъ будетъ на бракѣ веселїе безъ музыки , понеже у батюшки моего нѣтъ никакихъ игруновъ , и для того съѣзди ты любезнѣйшїй мой другъ за тридевять земель въ тридесятое государство, въ царство Кащея безсмертнаго и достань ты отъ него гусли самогуды; онѣ такъ хорошо играютъ всякїя разныя штуки, что заслушаешся , и тѣмъ гуслямъ самогудамъ и цѣны нѣтъ, и тѣ гусли самогуды веселить насъ будутъ на бракѣ нашемъ. Тогда Астрахъ Королевичь выходитъ изъ палатушекъ бѣлокаменныхъ и входитъ въ конюшню Царскую и выводитъ своего добраго коня богатырскаго и надѣваетъ на него сѣделичко черкасское и подтягиваетъ подпругу шелку шемаханского , и простившись съ Царемъ Египетскимъ и съ Царицею и съ своею обрученною невѣстою сѣлъ на своего добраго коня и съѣхалъ со широкова двора

и поѣхалъ въ Царство Кащея безсмертнаго за гуслями самогудами. Ѣхалъ онъ путемъ дорогою и увидѣлъ старенькую избушку и та избушка стоитъ къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ; приближась Астрахъ Королевичь вскрикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ; и та избушка повернулась къ нему передомъ. Тогда Астрахъ Королевичь слѣзъ съ своего добраго коня и вошелъ въ ту избушку, и сидитъ въ той избушкѣ Ѣга баба на полу и прядетъ ленъ; голова у ней въ углу, а ноги она въ потолокъ уперла; и закричала Ѣга баба страшнымъ голосомъ: фу! фу! фу! какъ доселева рускова духу слыхомъ неслыхано, а ныньче руской духъ въ очью совершается. И стала она Астраха Королевича спрашивать: за чемъ ты доброй молодецъ Астрахъ Королевичь сюда заѣхалъ, и волею или неволею? вишь сюда и птица незалеты-

ваетъ и мимо моей избушки никогда ни звѣрь непрорыскивалъ, ни богатырь непроѣзживалъ, а тебя какъ сюда Богъ занесъ? На то Астрахъ Королевичь ей сказалъ: ахъ! ты глупая старая баба, ты прежде напой меня добраго молодца и накорми, и тогда уже спрашивай. Ѣга баба тотчасъ Астраха Королевича напоила и накормила и въ банькѣ выпарила, головку буйную вычесала и постѣлю ему приготовила и начала его опять спрашивать: скажи ты мнѣ доброй молодецъ, куда ты свой путь держишъ? и въ которую дальную сторонушку, и волею ли ты ѣдешь или неволею? на то ей Астрахъ Королевичь тако отвѣщалъ: сколько волею, а въ двое того неволею, и ѣду я за тридевять земель въ тридесятое государство, во царство Кащея безсмертнаго доставать гусли самогуды. Го! го! го! молвила Ѣга баба: трудно тебѣ достать тѣ гусли; однако молися Богу и ложись спать, утро вечера

мудренѣе. АстрахЪ Королевичь легЪ спать; во утріе же Ѣга Баба пробудилась очень рано, встала и начала будить Астраха Королевича: вставай АстрахЪ Королевичь, пора тебѣ доброму молодцу вЪ путь ѣхать. Тогда АстрахЪ Королевичь всталЪ, одѣлся, обулся, и умылся, Богу помолился, и на всѣ на четыре стороны поклонился и началЪ сЪ Ѣгою бабою прощаться. Ѣга же баба тогда Астраху Королевичу сказала: чтожЪ ты доброй молодецЪ, вЪ путь ѣдешЪ, а меня старую бабу неспрашиваешь, какЪ тебѣ достать гусли самогуды; и АстрахЪ Королевичь сталЪ Ѣгу бабу выспрашивать, а Ѣга баба ему сказала: поѣзжай ты путемЪ дорогою сЪ Божіею помощію, и когда пріѣдешь ты вЪ царство Кащея безсмертнаго, то нарови ты, чтобЪ пріѣхать тебѣ туда вЪ полдень; и возлѣ его палатушекЪ позолоченныхЪ есть зеленой садЪ и вЪ томЪ саду будетЪ прогуливаться красная дѣвица Царская

дочь, и ты черезъ стѣну въ тотъ садъ перескочи и подойди къ той красной дѣвицѣ; она тебѣ будетъ рада, для того, что шестой уже годъ, какъ она унесена Кащеемъ безсмертнымъ отъ ея родимаго батюшки, и живетъ съ нею Кащей безсмертный такъ какъ съ полюбовницею, и ты спроси у той красной дѣвицы, какъ достать тебѣ гусли самогуды, она тебѣ скажетъ. Тогда Астрахъ Королевичь сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ въ путь и ѣхалъ онъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, и пріѣхалъ въ царство Кащея безсмертнаго и подъѣхалъ къ его палатушкамъ позолоченымъ и услышалъ какъ играютъ гусли самогуды. Тутъ Астрахъ Королевичь остановился и чуть было незаслушался, ибо тѣ гусли такъ хорошо играли, что всякой человѣкъ можетъ заслушаться до смерти; но Астрахъ Королевичь опомнился и перескочилъ черезъ стѣну въ зеленой садъ и увидѣлъ тамъ

красную дѣвицу Царскую дочь, и та дѣвица весьма его испугалась, а Астрахъ Королевичь тотчасъ къ ней подошелъ и сказалъ ей: чтобъ она его непугалась; послѣ чего сталъ ее спрашивать: какъ достать ему гусли самогуды? на что Царевна Дариса ему отвѣчала: ежели ты меня съ собою возмешь, такъ я тебѣ скажу, какъ достать гусли самогуды. Астрахъ Королевичь обѣщался ее взять съ собою, ежели тѣ гусли чрезъ нее достанетъ; а Царевна Дариса на то сказала Астраху: чтобъ онъ остался въ саду, а сама пошла къ Кащею безсмертному и стала его спрашивать ложными рѣчами, какъ будто она его сердечно любитъ, и говорила ему сіи лестныя слова: вселюбезнѣйшій мой другъ и искренній пріятель Кащей безсмертный, скажи мнѣ пожалуй, не ужели ты ни когда неумрешь? Конечно, я никогда, неумру отвѣчалъ ей Кащей безсмертный. Однако, сказала Царевна Дариса, гдѣ же твоя смерть, да

и есть ли она у тебя? скажи ты мнѣ. Конечно есть, отвѣчалъ ей Кащей безсмертный; она подъ порогомъ въ голикѣ. Царевна Дариса тотчасъ ухватила тотъ голикъ и бросила въ огонь, однакожъ хотя голикъ и сгорѣлъ, но Кащей безсмертный живъ остался. Тогда Царевна опять спросила Кащея безсмертнаго говоря ему тако: другъ мой прелюбезный, конечно ты меня нелюбишь, что несказываешь мнѣ правду, гдѣ смерть твоя: вить я тебѣ не лиходѣйка, а люблю тебя всею моею душею, и разговаривая такъ начала Царевна Дариса обнимать и цѣловать лицемѣрно Кащея безсмертнаго и просила его чтобъ онъ ей сказалъ, гдѣ смерть его. Тогда Кащей безсмертный сказалъ ей со смѣхомъ: слѣдъ ли тебѣ знать, гдѣ смерть моя? однакоже я любя тебя скажу тебѣ, гдѣ она; въ чистомъ полѣ есть, стоятъ три дуба зеленые и подъ корнемъ самаго большаго дуба есть червякъ, и

кто того червяка найдетъ и задавитъ, тогда и я умру. Царевна Дариса выслушавъ такїе рѣчи пошла и сказала Астраху Королевичу: чтобъ онъ поѣхалъ въ чистое поле и сыскалъ бы три дуба и подъ большимъ дубомъ вырылъ бы червяка и его бы задавилъ. Астрахъ Королевичь тотчасъ поѣхалъ въ чистое поле и ѣздилъ съ утра до вечеря и на силу нашелъ три дуба зеленые и подъ большимъ дубомъ вырылъ червяка и его задавилъ. И прїѣхалъ онъ къ Царевнѣ Дарисѣ и ее спросилъ: что живъ ли Кащей безсмертный? я червяка нашелъ и задавилъ. Она отвѣчала ему, что Кащей живъ. Тогда Астрахъ Королевичь ей сказалъ: поди ты къ Кащею безсмертному и срашивай: гдѣ его смерть, хорошенько, а то онъ тебя все обманываетъ. Почему Царевна Дариса побѣжала къ Кащею безсмертному и говорила ему со слезами: ты право меня нелюбишь, что нескажешь мнѣ правды, гдѣ

твоя смерть, и ты все меня обманываешь, какъ дуру; потомъ начала его опять лицемѣрно обнимать и цѣловать и послѣ спрашивать: гдѣ смерть его? Тогда то уже Кащей безсмертный сказалъ ей всю правду; онъ ей говорилъ: смерть моя далеко отсюда и трудно кому ее достать, она есть на морѣ, на Океанѣ, и на томъ морѣ есть островъ Буянъ, а на томъ Буянѣ островѣ есть зеленой дубъ, и подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзной, и въ томъ сундукѣ есть коробка, и въ той коробкѣ есть заецъ, и въ томъ зайцѣ есть утка, а въ уткѣ яйцо, и кто то яйцо достанетъ и раздавитъ, то и я въ тужъ самую минуту умру. Царевна выслушавъ таковые рѣчи побѣжала къ Астраху Королевичу и ему о томъ сказала. Астрахъ Королевичь тотчасъ сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ къ Океану морю, и когда къ оному прiѣхалъ, то увидѣлъ онъ рыбака въ лодкѣ, и сказалъ тому рыбаку:

перевези меня на островъ Буянъ. Рыбакъ на то ему сказалъ: садись господинъ ко мнѣ въ лодку; и по тому Астрахъ Королевичь сѣлъ къ нему въ лодку, а рыбакъ перевезъ его на островъ Буянъ. Астрахъ Королевичь нашелъ тамъ зеленой дубъ и изъ подъ дуба вырылъ сундукъ желѣзной и тотъ сундукъ онъ разбилъ, и раскрылъ коробку, и взялъ изъ коробки зайца, и разорвалъ онъ того зайца на полы; и лишь только что зайца разорвалъ, то изъ него вылетѣла сѣрая утица, и поднялася къ верьху, и какъ скоро надлѣтела она надъ море, то уронила изъ себя яйцо въ море. Увидя сїе Астрахъ Королевичь очень печаленъ былъ и велѣлъ тому рыбаку бросить неводъ въ море. Рыбакъ тотчасъ неводъ бросилъ и вытащилъ большую щуку; Астрахъ Королевичь велѣлъ ту щуку выпотрошить и нашли въ ней то яйцо, которое утица изъ себя выронила. Астрахъ Королевичь сѣлъ

въ лодку и велѣлъ рыбаку везть себя на берегъ; когда же они переѣхали, Астрахъ Королевичь далъ рыбаку за работу денегъ, а самъ сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ къ Царевнѣ Дарисѣ. Какъ скоро онъ къ ней пріѣхалъ и сказалъ: что онъ то яйцо досталъ, тогда Царевна Дариса ему сказала: теперь небойся, ступай со мною вмѣстѣ къ Кащею. Астрахъ Царевичь ее послушался и пошелъ съ нею вмѣстѣ къ Кащею, и когда онъ къ нему показался, то Кащей вскочилъ тотчасъ и хотѣлъ убить Астраха Королевича до смерти, а Астрахъ Королевичь взялъ скоро яйцо въ руку и началъ его мало по малу давить. Кащей вмѣсто того, чтобъ ему бить Астраха Королевича началъ кричать и ревѣть во все горло, и говорилъ онъ Царевнѣ Дарисѣ: вотъ я любя тебя, сказалъ тебѣ гдѣ смерть моя, а ты теперь что со мною дѣлаешь; по томъ схватилъ онъ со стѣны мечь и хотѣлъ Ца-

ревну Дарису разрубить на полы, но въ то самое время Астрахъ Королевичь раздавилъ яйцо и Кащей повалился на землю какъ снопъ и издохъ. Царевна Дариса повела тогда Астраха Королевича въ ту палату, гдѣ были гусли самогуды, и какъ они туда пришли, то сказала она ему; ну! теперь эти гусли твои, возьми ихъ, а ты за то вывези меня отсель въ мою родимую сторонушку. И Астрахъ Королевичь взялъ тѣ гусли подъ пазушку и они такъ хорошо и громогласно заиграли, что Астрахъ Королевичь весьма тому удивился, и не токмо тому, что гусли сами играютъ, но и тому, что онѣ были преукрашены и сдѣланны изъ самаго чистаго возточнаго хрусталя, а струны на нихъ были золотыя. Астрахъ Королевичь долго на нихъ глядя любовался. Послѣ вышелъ онъ изъ палатъ вонъ, сѣлъ на своего добраго коня и посадилъ съ собою вмѣстѣ Царевну Дарису и поѣхалъ

въ путь. Онъ отвезъ прежде Царевну Дарису къ ея отцу и матери, а потомъ пріѣхалъ въ Египетъ къ Царю Афору своему тестю и отдалъ тѣ гусли самогуды своей любезнѣйшей невѣстѣ прекрасной Царевнѣ Осидѣ; и тогда гусли самогуды положили на столъ, а онѣ начали играть очень прекрасно и забавно. На другой же послѣ того день Астрахъ Королевичь сочетался бракомъ съ прекрасною Царевною Осидою и поживъ во Египтѣ немалое время отъѣхалъ оттудова въ отечество свое. Когда Король отецъ его увидѣлъ возлюбленнаго своего сына, такъ же и Царица мать его, то весьма возрадовалися сердцемъ своимъ, и въ скоромъ времени послѣ того Король Федронъ волею Божіею умеръ, а Астрахъ Королевичь возложилъ на главу свою вѣнецъ родительской, и началъ съ возлюбленною милою своею супружницею съ прекрасною Царевною Осидою жить во

всякомъ союзѣ, и благоденствіи, пребывать до самой смерти своея, съ которою и сей сказкѣ

Конецъ.

СКАЗКА

о

Семи Мудрецахъ

и

о ЮНОШѢ.

Нѣкоторой Король имѣлъ у себя семь мудрецовъ, и когда Королю случились какїе важные дѣла, то всегда призывалъ онъ къ себѣ мудрецовъ своихъ и съ ними совѣтывалъ, и можно сказать, что почти никакого дѣла безъ нихъ недѣлалъ; ибо они весьма разумны и во всякихъ случаяхъ искусны были. Онъ препоручилъ имъ свое королевство, дабы надсматривали надъ онымъ. Мудрецы видя, что Король безъ нихъ ничего дѣлать небылъ въ состоянїи, то выдумали они такое злодѣйское дѣло, что Государя своего лишили зрѣнїя, такъ, что когда онъ бывалъ въ своихъ палатахъ, то могъ видѣть все; а когда онъ выходилъ на воздухъ невидѣлъ ничего, и сїе учинили они для того,

чтобъ имъ вольняе можно было дѣлать то, что имъ захочется, и чрезъ то бы обогатить себя. Они радовались, что удалось имъ своего Государя здѣлать полуслѣпымъ; но неудовольствуясь еще тѣмъ, что въ тогдашнее время грабили подданныхъ королевства безчеловѣчнымъ образомъ, и звѣрски выпросили еще у Короля позволенiе: обнародовать такiе указы, чтобъ всѣ тѣ, которымъ привидится сонъ, приходилибъ къ нимъ для истолкованiя. Король ихъ спросилъ: для чего сiе и что бы оно значило? для того, отвѣтствовали мудрецы, чтобъ изъ тѣхъ сновъ можно было примѣтить отъ чего у Вашего Величества такимъ чуднымъ образомъ глаза испортились. Король услыша то, съ великою охотою приказалъ оные указы извѣстить въ народѣ; но то все для него было безполезно: ибо мудрецы нарочно то для своей прибыли исходатайствовали у Государя, потому, что кто приходилъ къ

нимъ для истолкованія сна, тотъ долженъ былъ дать мудрецамъ три золотыхъ монетъ, а съ другихъ брали и болѣе, смотря по человѣку, чрезъ что напослѣдокъ чрезвычайно обогатились. Въ одинъ день, когда Король разговаривалъ съ своею супругою на единѣ, и между прочимъ Королева ему сказала: Милостивѣйщій государь, я непонимаю чудной ващей болѣзни, которую вы въ глазахъ ващихъ имѣете; но мнѣ кажется мудрецы ваши могутъ оную излѣчить: ибо они подданныхъ нашихъ многихъ отъ болѣзней исцѣляютъ, такъ же и сны имъ толкуютъ, и многіе другіе дѣла въ дѣйство производятъ; въ такомъ случаѣ, кажется мнѣ, когдабъ вы ихъ къ себѣ призвавъ приказали, исцѣлить по прежнему глаза ваши, тобы конечно они изъ повелѣнія вашего немогли выступить, въ противномъ же случаѣ угрожайте имъ смертною казнію. Король въ самомъ дѣлѣ съ мудрецами такъ поступилъ;

но они и рады бы были въ томъ ему сдѣлать вспомоществованіе, да уже немогли, или лучше сказать, неумѣли. Они всѣ весьма опасались чтобъ нелишиться своей жизни: для чего разослали нарочныхъ въ разные отдаленные мѣста искать волхвовъ, которыхъ, ежели найдутъ, привезтибъ къ нимъ, и имъ приказать излѣчить Короля. Но въ самое то время, когда для сысканія волхвовъ было послано, пришелъ къ мудрецамъ нѣкоторой мѣщанинъ того города для истолкованія сна. Мудрецы взявъ отъ него три золотыя монеты, спрашивали: какой сонъ онъ видѣлъ? милостивые государи, говорилъ мѣщанинъ, мнѣ приснилось, будто бы въ моемъ огородѣ выросло высокое дерево, подъ которымъ множество червей находилось, а потомъ, представилось мнѣ, что весь мой огородъ водою затопило. О! конечно ты пьяной съ вечера спать легъ, сказали ему мудрецы, для того тебѣ много и воды при-

снилось, почему и сонъ твой тебѣ безполезенъ. Мѣщанинъ возвращаясь домой былъ весьма печаленъ, что отдалъ три золотые монеты безъ всякаго истолкованія, и подходя уже къ своему дому, увидѣлъ онъ на улицѣ юношу, которой бросая камушками ему сказалъ: другъ мой, нежалѣй ты того золота, которое безъ пользы отдалъ мудрецамъ, и подойди ко мнѣ, я растолкую тебѣ сонъ твой обстоятельно, только лишъ скажи: что тебѣ приснилось? мѣщанинъ удивляясь тому юношѣ, самъ въ себѣ сказалъ: почему онъ знаетъ, что я отдалъ золотые деньги безъ моей пользы, такъже и то, что я видѣлъ сонъ! потомъ, онъ нѣсколько подумавъ, и подошедъ къ юношѣ, расказалъ ему сонъ свой. О! твой сонъ предзнаменуетъ великое богатство, которое ты получить долженъ: иди въ свой огородъ на то самое мѣсто, гдѣ ты много червей видѣлъ, и взявъ лопату, рой землю, увидишь: что

тамъ найдешь. Мѣщанинъ пришедъ домой, началъ въ огородѣ, гдѣ видѣлъ червей, рыть землю, и нашелъ тамъ золота великое множество. Онъ отвѣся два фунта онаго, пошелъ къ юношѣ, чтобъ ему отдать; но когда онъ вышелъ изъ двора, встрѣтились съ нимъ мудрецы, къ коимъ мѣщанинъ подошедъ сказалъ: господа славные мудрецы, нестыдноли вамъ, что вы немогли мнѣ растолковать сна моего; а вотъ етотъ юноша, котораго вы видите здѣсь на улицѣ, оной мнѣ изъяснилъ, такъ, что все то, что онъ сказалъ, сбылось. Потомъ расказалъ онъ имъ обо всемъ подробно. Мудрецы удивлялися словамъ мѣщанина; однакожъ неувѣрясь онымъ, подошли сами къ юношѣ вмѣстѣ съ мѣщаниномъ, которой подавалъ ему два фунта золота; но юноша невзявъ онаго, мѣщанину сказалъ: избави меня Боже, чтобъ я у тебя взялъ то, что Богъ тебѣ далъ. Мудрецы примѣтя въ юношѣ

великій разумъ и премудрость, спросили его о его имени; а когда онъ имъ объявилъ, что называется Мирсяниномъ, тогда ему сказали: любезный юноша, можешь ли ты отгадать ту загадку, о которой мы тебя спросимъ? я съ охотою оную вамъ истолковать постараюсь, отвѣтствовалъ имъ юноша. Тогда одинъ мудрецъ ему говорилъ: вотъ наша загадка въ чемъ состоитъ: Государь нашъ, когда пребываетъ въ своихъ палатахъ, то видитъ все, а когда выдетъ на воздухъ, то ничего глазами видѣть неможетъ. Знаю что значитъ сія загадка, сказалъ юноша; притомъ же и Государя могу излѣчить отъ онаго, такъ что онъ получитъ прежнее зрѣніе. Изрядно, сказали мудрецы, пойдемъ же съ нами къ Государю; ты отъ него, такъ же и отъ насъ великія дары за то получить можешъ. Когда юноша представленъ былъ предъ Короля, тогда мудрецы говорили: Ваше Величество, вотъ сей юноша

обѣщается излѣчить чудную болѣзнь вашу. Король удивясь тому чрезвычайно, что юноша былъ въ томъ такъ искусенъ, какъ объ немъ сказывали; чего ради сказалъ ему: неужели можешь ты излѣчить глаза мои? Милостивѣйшій государь, отвѣчалъ юноша; я весьма охотно стараться буду въ томъ вамъ сдѣлать помощь, только лишь позвольте мнѣ съ вами вмѣстѣ войти въ вашу спальню. Король охотно то учинилъ, и когда они туда пришли юноша Королю сказалъ: Ваше Величество, теперь извольте приказать снять постѣль съ ложа вашего. Король и то приказалъ здѣлать. Какъ же скоро постѣль съ кровати была снята, тогда подъ оною юноша нашелъ большой орѣхъ, около котораго семь червей обвилися. Видишь ли, Государь, сказалъ онъ Королю, сихъ малыхъ насѣкомыхъ, которые причиною твоей на воздухѣ слѣпоты? вижу, отвѣтствовалъ Король; но отъ чего они здѣсь явились? я

все оное изъясню, молвилъ юноша, изволь лишь меня выслушать: сіи семь червей, означаютъ твоихъ семи мудрецовъ, которые тебѣ служатъ лицемѣрнымъ образомъ, хотя ты ихъ и жалуешь больше всѣхъ прочихъ достойныхъ людей; но они несмотря на то, и неудовольствуясь милостію твоею, повредили твои глаза нарочно для того, чтобъ ты невидалъ, какъ они твое Королевство раззоряютъ. . . . Но скажи мнѣ пожалуй, перебилъ Король рѣчь его, могу ли я получить излѣченіе глазамъ моимъ? очень можешь, отвѣчалъ юноша; но только тогда, когда сихъ червей на семъ мѣстѣ небудетъ. . . . Какъ, спросилъ Король съ удивленіемъ, развѣ ихъ неможно взять съ сего мѣста! конечно нельзя, отвѣчалъ юноша; ибо если ты ихъ снять велишъ, то зрѣніе свое уже во все потеряешъ. Да какъ же отъ нихъ избавиться, спросилъ Король? прикажи всѣмъ твоимъ мудрецамъ отрубить головы,

молвилъ юноша, тогда ты первое: получишь зрѣнiе; второе: избавишься сихъ насѣкомыхъ: ибо они сами тогда пропадутъ; а третiе: будешь безопасенъ отъ своихъ злодѣевъ, то есть: отъ твоихъ мудрецовъ, которые червей подъ твою постѣль положили, и тѣмъ лишили тебя зрѣнiя на воздухѣ. Король приказалъ тотчасъ мудрецамъ своимъ отрубить головы, а когда то было учинено, тогда получилъ онъ прежнюю глазамъ свободу; черви также изчезли, а юношу и всѣхъ его родственниковъ, наградилъ весьма щедро.

Конецъ.

СКАЗКА

о

нѣкоемъ башмачникѣ

и

слугѣ его Притычкинѣ.

Въ нѣкоемъ царствѣ въ нѣкоемъ государствѣ былъ жилъ славной и именитой Князь Мистафоръ Скурлатовичъ, у котораго былъ слуга по имени: Горя сынъ Кручининъ. Мистафоръ Скурлатовичъ отдалъ его къ искусному мастеру учиться башмачной наукѣ съ тѣмъ договоромъ, чтобъ онъ въ сей наукѣ былъ первой, противу всѣхъ мастеровъ лутче и искуснѣе. И такъ Горя учился нѣсколько лѣтъ и выучился такъ хорошо, что шилъ башмаки ни въ образецъ лутче своего мастера. Тогда Мистафоръ Скурлатовичъ взялъ его въ домъ свой и заставилъ на себя шить башмаки, и онъ сшилъ дюжинъ двадцать башмаковъ, однако барину его Мистафору Скурлатовичу ни

одна пара непоказалась, за что билЪ онЪ его немилосердо и отЪ тѣхЪ побоевЪ башмачникЪ Горя КручининЪ чуть ума неряхнулся, и отЪ печали захворалЪ гораздо плотно, и былЪ боленЪ недѣль сЪ десятокЪ; а какЪ сталЪ обмогаться и началЪ мало помалу бродить, тогда МистафорЪ СкурлатовичЪ опять заставилЪ Горя Кручиника башмаки на себя шить, но когда онЪ нѣсколько парЪ сшилЪ и принесЪ кЪ нему примѣривать непоказалась ему ни одна пара. Тогда СкурлатовичЪ бросилЪ тѣми башмаками ему вЪ голову и разбилЪ ему всю рожу до крови; а Горя КручининЪ имѣя у себя алтынЪ денегЪ пошелЪ вЪ кабакЪ выговоря отЪ досады сїи слова: хоть бы чортЪ меня отЪ такого барина избавилЪ. ВдругЪ предсталЪ кЪ нему незнакомой человѣкЪ и сказалЪ; о чемЪ ты доброй молодецЪ горюешЪ? на то ему башмачникЪ Горя отвѣтствовалЪ: какЪ мнѣ доброму молодцу не кручи-

ниться! баринъ мой какъ злой песъ лихъ, ты видишъ какъ онъ меня севодни пощипалъ, а недѣль за десять пуще етова еще меня билъ. Незнакомой спросилъ его: за что онъ тебя такъ билъ? На то Горя ему говоритъ: учился я башмачной наукѣ и выучился лутче своего мастера и началъ шить башмаки на своего барина; однако сколько ни шилъ немогъ попасть на его обычай; и вмѣсто того чтобъ сказать спасибо, все бьетъ меня немилосердо, какъ ты и самъ видишъ, что у меня рожа вся избита. На то незнакомой сталъ ему говорить: я знаю твоего господина довольно, надобно тебя отъ него избавить, и ежели ты хочешъ, то я сдѣлаю тебя щастливымъ человѣкомъ и женю тебя на Мистафоровой дочерѣ вмѣсто того Князя, за котораго уже она сосватана. Что ты вздурился что ли? сказалъ ему Горя, что такой самбуръ городишъ, вить ето нестаточное дѣло; по-

вѣрь мнѣ, сказалъ ему незнакомой, что я ето все могу сдѣлать. Но башмачникъ усумнився молвилъ: сколько братъ ты ни болтай, а я етому неповѣрю; ну! такъ я тебя увѣрю, что я все ето могу сдѣлать, и потомъ велѣлъ ему зажмуриться и повернуться противъ солнца и ступить два шага назадъ. Когда все ето Горя исполнилъ, то велѣлъ онъ ему посмотрѣть на себя. Горя весьма удивился видя себя въ драгоцѣнномъ нарядѣ и сказалъ: никакъ ты чортъ въ человѣческомъ образѣ? конечно я чортъ, потому что ты меня звалъ, и я по твоему зву тебѣ явился и хочу тебѣ услужить, и женить тебя на Мистафоровой дочерѣ. Да какъ ето можно? говоритъ ему Горя, вить меня тамъ всѣ знаютъ да и собака можетъ узнать. А сей ему сказалъ: нѣтъ неправда, никто тебя неузнаетъ, и ты будешъ во образѣ того Князя Дардавана, за котораго Мистафорова дочь Догада сговорена

и обручена. Хорошо и весьма бы хорошо еслибъ сдѣлалось какъ ты мнѣ говоришъ, сказалъ ему Горя; ужъ будетъ такъ когда я тебѣ говорю. И еще приказалъ ему отступить три шага зажмурившись и послѣ открыть глаза. Тогда увидѣлъ Горя предъ собою палаты бѣлокаменныя огромныя и весьма тому удивляясь, отъ чего сїе такъ скоро явилось со удивленїемъ вскричалъ: ты и въ правду чортъ а не человѣкъ, что творишъ такїя великїя мудрости. Я тебѣ говорю правду а не обманываю отвѣтствовалъ ему незнакомой и теперь дарую тебѣ эти каменныя палаты а самъ буду у тебя вѣрнымъ слугою; называй ты меня Притычкинымъ. Послѣ чего слуга Притычкинъ повелъ новаго своего господина Горю башмачника на широкой дворъ, и увидѣлъ тамъ башмачникъ Горя великое множество слугъ, лошадей, каретъ, и всего въ великомъ убранствѣ и тѣ слуги ему покла-

нялись яко Князю; музыканты заиграли на разныхъ инструментахъ. А какъ музыка играть перестала тогда башмачникъ Горя пошелъ въ палаты бѣлокаменныя и увидѣлъ накрытой столъ съ разными кушаньями и сѣлъ онъ за тотъ столъ, напился и наѣлся порядочно, и жилъ онъ въ томъ домѣ нѣсколько времени какъ какой знатной вельможа. Въ то время Князь Дардаванъ обручившись съ своею невѣстою Догадою уѣхалъ въ иной городъ за своими нуждами, и вѣрной слуга Притычкинъ почелъ сїе время за доброй случай женить башмачника Горя на Догадѣ, и для того пришедъ къ своему господину башмачнику сказалъ ему: теперь надобно сдѣлать чтобъ Мистофоръ призналъ тебя за Князя Дардавана, и сказавъ сїе вышелъ передъ палаты бѣлокаменныя и построилъ противъ самыхъ палатъ лагерь великїй и велѣлъ играть всѣмъ музыкантамъ вдругъ. Когда музыка за-

играла, услышалъ Мистафоръ Скурлатович разныя пріятныя голоса и помыслилъ въ себѣ, что конечно Князь Дардаванъ пріѣхалъ, и послалъ тотчасъ о томъ провѣдать. Извѣстившись и въ самомъ дѣлѣ отъ тамошнихъ людей, что мнимый Князь Дардаванъ самъ пріѣхалъ послалъ къ нему много знаменитыхъ людей звать къ себѣ на пиръ вселюбезнаго своего зятя Князя Дардавана. Послы Мистофоровы пришедъ къ башмачнику Горю кланялись ему униженно и просили его именемъ своего Князя Мистофора Скурлатовича, чтобъ пожаловалъ къ нему на пиръ погостить. Башмачникъ Горя имъ отвѣчалъ: подите вы и донесите Мистофору Скурлатовичу, что я за вами же скоро къ нему буду; посланные всѣ поклонясь низко башмачнику Горю предстали предъ Князя своего Мистофора и раскaзали, что отъ мнимаго Царевича Дардавана слыхали и что видѣли у него. По отшествіи Ми-

стофоровыхъ посланцовъ слуга Притычкинъ пришелъ къ башмачнику Горю и говоритъ ему: ну теперь тебѣ надобно ѣхать къ Мистофору, да слушай же что я тебѣ буду наказывать: когда ты приѣдешъ на дворъ къ Мистофору и слѣзешъ съ своего добраго коня, то ты коня своего непривязывай и никому держать неприказывай, а только кашляни сильнѣе и топни ногою о полъ сколько есть мочи; а вошедши въ покои садись на стулъ, которой подъ первымъ нумеромъ; въ вечеру же когда тебя станутъ унимать ночевать останься и какъ тебѣ постелютъ постѣль, то ты на нее неложись, потому, что Князь Дардаванъ всегда сыпалъ на своей постѣлѣ, которая тяжестію была во сто пудъ; я тебѣ ту постѣль промышлю, а если и позамѣшкаюсь, то ты ударь меня за то по рожѣ при Мистофорѣ и при ево дочерѣ; когда же приляжешъ въ постѣль и подадутъ тебѣ множество свѣчъ,

то ты имъ скажи: чтобъ они тѣ свѣчи взяли, а вели мнѣ принесть камень, которой Князь Дардаванъ всегда ночью на столъ кладывалъ, и я тебѣ тотъ камень достану, и ежели ночью положишъ тотъ камень на столъ, то отъ него свѣтъ лутче нежели отъ тысячи свѣчей будетъ. Башмачникъ Горя выслушавши такія рѣчи отъ слуги своего Притычкина обѣщался все то исполнить, и вышелъ Горя на широкой дворъ, а слуга его Притычкинъ подвелъ ему осѣдланаго коня. Башмачникъ Горя сѣлъ на того коня а Притычкинъ на другова и поѣхали верхами къ Мистофору Скурлатовичу, и пріѣхавши къ нему на широкой дворъ Мистофоръ Скурлатовичь вышелъ встрѣчать своего вселюбезнаго зятя мнимаго Князя Дардавана, а башмачникъ Горя слѣзъ тогда съ своего добраго коня, ни къ чему его непривязываетъ и никому его взять неприказываетъ, а только кашлянулъ громко и топ-

нулъ ногою о полъ что есть поры мочи; конь сталъ на одномъ мѣстѣ какъ вкопаной. Потомъ вошелъ Горя въ покои, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, съ хозяиномъ поцѣловался и сѣлъ въ передней уголъ на стулъ подъ первымъ нумеромъ. Мистофоръ пошелъ къ своей дочерѣ Догадѣ и сказалъ ей: чтобъ она вышла и помиловалась бы съ своимъ обрученнымъ женихомъ съ Княземъ Дардаваномъ; а какъ Догада была хитра и мудрена, то и отвѣчала на то отцу своему: милостивой государь мой батюшка Мистофоръ Скурлатовичъ! вить ето не Князь Дардаванъ, а ето башмачникъ нашъ Горя Кручининъ. Ни какъ ты вздурилась, сказалъ ей Мистофоръ, вить я и прежде Князя Дардавана въ лицо видѣлъ и знаю, такъ и ето тотъ же самой, а не башмачникъ Горя. Хорошо Государь! сказала Догада, я къ нему пойду и поклонюсь, однако примѣчайте вы и помните,

что ето не Князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя въ его образѣ, и примѣтьте вотъ почему: когда мы сядемъ за столъ кушать, то велите подать хлѣба бѣлого и черного, и ежели етотъ гость примется рѣзать черной хлѣбъ, то онъ не Князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя Кручининъ, ибо Князь Дардаванъ всегда рѣзалъ прежде бѣлой хлѣбъ. Хорошо! я ето посмотрю, сказалъ ей Мистофоръ. Тогда Мистофоръ Скурлатовичъ просилъ башмачника Горя за столъ кушать и когда они сѣли и подали хлѣба бѣлаго и чернаго, башмачникъ Горя принялся за хлѣбъ и началъ рѣзать прежде черной хлѣбъ а не бѣлой, что Мистофоръ и Догада примѣтили. И Мистофоръ началъ ево спрашивать: почтеннѣйшій и вселюбезнѣйшій мой дорогой зять Князь Дардаванъ, для чего сего числа изволитъ милость ваша рѣзать прежде черной хлѣбъ, а не бѣлой. Услышавъ сіе слуга Притычкинъ предсталъ невидимо и шеп-

нулЪ на ухо башмачнику Горю слѣдующія слова: скажи ты Мистофору на сей вопросЪ , что батюшка твой садяся за столЪ всегда кормилЪ прежде бѣдныхЪ людей подавая каждому кусокЪ хлѣба и вмѣсто соли сыпалЪ золотую казну, и когда ты сіи рѣчи выговоришЪ, то вели мнѣ подать золотой казны мѣшокЪ. Мнимой царевичь ДардаванЪ тѣ же самые слова Мистофору пересказавши и нарѣзавши чернаго хлѣба закричалЪ слугѣ своему Притычкину: чтобЪ онЪ принесЪ ему золотой казны мѣшокЪ. Проворной ПритычкинЪ тотчасЪ принесЪ казны золотой мѣшокЪ взятый имЪ или такЪ сказать уворованный изЪ Мистофоровой кладовой, а Горя приказалЪ ему собрать соборище нищихЪ. Слуга побѣжалЪ и привелЪ тотчасЪ сЪ собой великое множество бѣдныхЪ, а башмачникЪ Горя началЪ раздавать имЪ хлѣбЪ посыпая на всякой ломоть золотой казны, и раздѣливши весь хлѣбЪ и зо-

лотую казну сталъ самъ обѣдать. Послѣ обѣда Мистофоръ говорилъ своей дочери : вотъ ты говорила , что ето не Князь Дардаванъ , теперь сама скажешъ, что ето онъ ; нѣтъ батюшка отвѣчала Догада , ето не Князь а башмачникъ нашъ Горя Кручининъ. Ты право ума ряхнулась, сказалъ ей на то Мистофоръ; я чаю, что уже башмачника Горя Кручинина давно чортъ взялъ. А вотъ я ето докажу, что ето не онъ, сказала Догада; ежели вы уймете ево у себя ночевать, то прикажите послать ему свою постѣль, и ежели онъ на ту постѣль ляжетъ, такъ ето не Князь Дардаванъ а башмачникъ Горя. Когда пришелъ вечеръ и уже было поздо Мистофоръ велѣлъ для башмачника послать добрую свою постѣль, и какъ постѣль послали , то Мистофоръ сказалъ мнимому царевичу, чтобъ онъ удалился для покоя чрезъ слѣдующую ночь. Горя вошедъ въ спалню и увидя, что ето не та постѣль

про которую ему сказывалъ слуга его Притычкинъ, тотчасъ какъ какъ будто съ великимъ сердцемъ кликнулъ Притычкина, и ударилъ его въ рожу весьма плотно, говоря: развѣ ты бездѣлникъ того не знаешъ, что я здѣсь буду ночевать, для чего ты не приготовилъ мнѣ моей постѣли, вить ты вѣдаешъ, что я всегда сплю на своей стопудовой постѣлѣ, ступай скорѣе и принеси сюда постѣль. Притычкинъ побѣжалъ опрометью и принесъ стопудовую постѣль, которую укралъ онъ у Князя Дардавана. Башмачникъ Горя раздѣлся и легъ на постѣлю, а Догада велѣла нарочно зажечь множество свѣчъ и отнесть въ его спальню; однако Горя непромахъ прогналъ ихъ всѣхъ и со свѣчьми сказавъ имъ: у меня и безъ вашихъ свѣчей свѣту довольно и велѣлъ Притычкину подать камень, который ему того же времени и принесенъ; ибо онъ и камень тотъ свѣтозарной укралъ вмѣстѣ съ по-

стѣлью у Князя Дардавана. Горя положилъ тотъ камень на столъ и легъ спать, и отъ того камня такой сдѣлался великой свѣтъ, что и боже упаси, пуще зарева возсіялъ. Среди же самой глухой ночи Догада послала къ башмачнику Горѣ въ спальню одну свою служанку, и велѣла ей украсть тотъ свѣтозарной камень со стола. Лишь только что вошла служанка въ спальню и хотѣла взять тотъ камень, то вдругъ слуга Притычкинъ, которой тогда лежалъ возлѣ дверей, вскочивъ сказалъ ей: нестыдно ли тебѣ дѣвица красная воровать у будущаго твоего господина? за то должна теперь ты оставить мнѣ закладъ, и снялъ съ той служанки юпку, тѣлогрѣю, да третій платокъ, и такъ ее отъ себя отпустилъ. Служанка пришедъ къ своей госпожѣ Догадѣ расказала ей все произшествіе; однако Догада неунялась и чрезъ часъ времени думая, что башмачникъ Горя и слуга

Притычкинъ спятъ, послала другую дѣвку украсть камень; когда и та вошла въ спалню башмачникъ Притычкинъ и съ нею равно же поступилъ и снявъ съ нея юпку, тѣлогрѣю и платокъ съ головы отпустилъ; послѣ того еще черезъ часъ времени Догада будучи въ мысляхъ, что уже конечно они заснули вздумала сама пойтить и украсть камень, но лишь только, что вошла въ спалню къ башмачнику Горѣ и принялась за камень, Притычкинъ тотчасъ вскочивъ схватилъ ее и сказалъ: какъ нестыдно вашей честной милости творить такіе пакости, вить ето не довлѣетъ честнѣйшаго отца дочери, чтобъ вступать въ такое подлое дѣло и за то прекраснѣйшая Княжна прошу оставить закладецъ; по сказанному какъ по писанному Притычкинъ снявъ съ нее юпку, тѣлогрѣю и съ головы платокъ отпустилъ отъ себя Догаду со стыдомъ и сожалѣніемъ. На другой день поутру, когда всталъ

башмачникъ Горя Кручининъ слуга Притычкинъ расказалъ ему, что ночью произходило, и совѣтовалъ Горю башмачнику, когда пойдетъ онъ къ Мистофору и Мистофоръ начнетъ ему загадывать загадку, то бы онъ ему отвѣчалъ: я неотгадываю загадокъ, а самъ загадываю и тогда ты загадай Мистофору слѣдующую загадку: „ гулялъ я въ „ вашихъ зеленыхъ лугахъ, и поймалъ я три козы, и снялъ съ „ нихъ по три кожи„ и когда Мистофоръ о томъ усумнится и станетъ говорить, что нелзя статься: чтобъ на козѣ было три кожи, тогда кликни ты меня и вели подать тѣ кожи. Башмачникъ Горя выслушавъ слуги своего Притычкина новое наставленіе пошелъ къ Мистофору, а Мистофоръ началъ загадывать ему загадки; Горя на то ему сказалъ; я неотгадываю загадокъ, а самъ загадываю, и говорилъ ему: „ гулялъ я въ вашихъ зеле„ ныхъ лугахъ и поймалъ я три

„ козы и снялъ я съ нихъ девять „ кожъ. „ Мистофоръ весьма усумнился и сказалъ: етому нелзя статься, что бы на каждой козѣ было по три кожи. Конечно такъ, и точно етому правда сказалъ башмачникъ Горя, и позвавъ Притычкина велѣлъ ему принесть тѣ кожи, которые онъ снялъ съ трехъ козъ; слуга вскорѣ по томъ принесъ къ нему оныя. Мистофоръ увидѣвъ платье дочери своей очень огорчился и разпалился на нее сердцемъ своимъ и спрашивалъ мнимаго Царевича какъ попалось къ нему Догадино платье. Башмачникъ расказалъ ему, какъ все произходило и Мистофоръ разгнѣвавшись на свою дочерь послѣ ей сказалъ: вотъ ты мнѣ говорила: что ето не Князь Дардаванъ а башмачникъ нашъ Горя Кручининъ, и такъ нехочу я теперь больше терпѣть, чтобъ мѣшкать твоимъ замужествомъ, и сей же день готовся къ вѣнцу; и такимъ образомъ въ тотъ же са-

мой день башмачникъ Горя женился на Догадѣ. По нѣскольком времени послѣ его свадьбы слуга Притычкинъ пришедъ къ башмачнику Горю сказалъ ему: ну! теперь я довольно сдѣлалъ тебя щастливымъ, то сдѣлай же и ты для меня то, о чемъ я тебя попрошу: въ саду вашемъ есть прудъ и въ томъ пруду жилъ прежде я, и мыла въ томъ пруду дѣвка платье и уронила съ себя кольцо и меня изъ пруда того выжила, вели ты изъ того пруда воду вычерпать и тотъ прудъ вычистить, и что бы кто тамъ ни нашелъ вели къ себѣ приносить, и когда найдется, то вели опять въ прудъ впустить чистую воду, и состроить шлюпку и поѣзжай на той шлюпкѣ кататься по тому пруду вмѣстѣ съ твоею женою и со мною, а я тогда брошусь въ воду; хотя жена твоя и закричитъ: ахъ! слуга Притычкинъ утонулъ, но тогда скажи ты ей: чортъ его возми. Башмачникъ Горя выслушавъ

отъ слуги Притычкина такіе рѣчи велѣлъ въ саду прудъ высушить и чистить и велѣлъ такъ же кто что въ томъ пруду найдетъ приносить къ себѣ, и какъ тотъ прудъ стали чистить, то малчикъ нашелъ тамъ кольцо, которое и принесъ къ башмачнику Горю, а башмачникъ Горя велѣлъ въ прудъ воду впустить и состроить шлюпку, и какъ все то готово сдѣлано было сѣлъ онъ съ своею женою и съ слугою Притычкинымъ въ шлюпку и катался по тому пруду; слуга же Притычкинъ вдругъ бросился въ воду, а Догада закричала: ахъ! слуга Притычкинъ утонулъ; тогда башмачникъ Горя сказалъ, чортъ ево возми онъ мнѣ малу службу сослужилъ, мнѣ онъ больше не надобенъ. Князь же Дардаванъ настоящей обрученной женихъ Догадинъ посланъ былъ на сраженіе, гдѣ и убитъ, а башмачникъ Горя Кручининъ сталъ называться его именемъ, и жилъ съ Догадою мно-

жество лѣтъ въ великой радости и благополучіи, забывъ свою прежнюю нещастную судьбу.

Конецъ.

СКАЗКА

о

Иванѣ Царевичѣ;

Жаръ птицѣ

и

о сѣромъ волкѣ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, былъ жилъ Царь, по имени Выславъ Андроновичь; у него были три сына Царевича: первой Дмитрїй Царевичь, другой Василей Царевичь, а третїй меньшой Иванъ Царевичь. У того Царя Выслава Андроновича былъ садъ такой пребогатой, что ни въ которомъ государствѣ лучше того не было, и въ томъ саду росли разные драгоцѣнные деревья съ плодами и безъ плодовъ, и одна была яблоня любимая Царя Выслава, и на той яблонѣ росли яблочки всѣ золотые. И повадилась къ Царю Выславу въ садъ летать птица, называемая Жаръ; на ней перья золотые, а глаза возточному хрусталю подобные; она летала въ

тотъ садъ каждую ночь. и садилась на любимую Выслава Царя яблонь, и срывала съ нее золотые яблочки и опять улетала. Царь Выславъ Андроновичь весьма крушился о той яблонѣ, что Жаръ птица много яблоковъ съ нее сорвала уже, почему призвалъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: дѣти мои любезные, кто можетъ изъ васъ поймать въ моемъ саду Жаръ птицу? и если кто ее словитъ, то тому при жизни еще моей отдамъ половину моего царства, а по смерти и все. Тогда дѣти его Царевичи возопили единогласно: милостивый государь батюшка, Ваше Царское Величество! мы съ великою радостїю будемъ стараться поймать Жаръ птицу живую. Тогда на первую ночь пошелъ караулить въ садъ Дмитрїй Царевичь, и сѣвши подъ ту яблонь, съ которой Жаръ птица срывала яблочки, заснулъ, и неслыхалъ, какъ та Жаръ птица прилетала и ощипала яблоковъ весь-

ма много. По утру Цар Выслав Андронович призвал к себѣ своего сына Дмитрія Царевича и спросил: что, сын мой любезный, видѣл ли ты Жар птицу, или нѣт? он родителю своему отвѣчал: нѣт, милостивый государь батюшка, она сію ночь не прилетала. На другую ночь пошел в сад караулить Жар птицу Василей Царевич. Он сѣл под туже яблонь, и сидѣвши час и другой ночи заснул так крѣпко, что неслыхал, как Жар птица прилетала и щипала яблоки. По утру и его Цар Выслав призвав к себѣ спрашивал: что, сын мой любезный, видѣл ли ты Жар птицу, или нѣт? милостивый государь батюшка, она сію ночь не прилетала. На третью ночь пошел в сад караулить Иван Царевич, и сѣл под ту яблонь, и сидит он час, другой и третей, вдруг освѣтило весь сад, так как бы многими огнями освѣщен был.

Это прилетѣла Жаръ птица и сѣла на яблонь, начала щипать яблочки. Иванъ Царевичь сидя подъ яблонею къ ней подкрался такъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако немогъ ее удержать, и она изъ руки его вырвалась и полетѣла, а оставила у Ивана Царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста своего, за которое онъ весьма крѣпко держался. По утру лишь только Царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ Царевичь пошелъ къ нему и отдалъ ему перышко Жаръ птицы. Царь Выславъ весьма былъ обрадованъ, что меньщому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ Жаръ птицы. Сїе перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принесть его въ темную горницу, то оно сїяло такъ, какъ бы зажено въ томъ покоѣ было множество великое свѣчь. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна храниться. Съ

тѣхъ поръ Жаръ птица не летала уже въ садъ. Царь Выславъ призвалъ тогда опять къ себѣ дѣтей своихъ и имъ говорилъ: дѣти мои любезные, поѣзжайте, я даю вамъ благословенiе, и отъищите мнѣ ту Жаръ птицу, и привезите живую ее ко мнѣ; а что я обѣщалъ, то конечно тотъ то получитъ, кто Жаръ птицу ко мнѣ привезетъ. Дмитрiй и Василей Царевичи начали имѣть злобу на меньшаго брата своего, что ему удалось у Жаръ птицы выдернуть изъ хвоста перо. Они взявъ у отца своего благословенiе, поѣхали двое отыскивать Жаръ птицу; а Иванъ Царевичь такъ же началъ у родителя своего просить благословенiя. Царь Выславъ сказалъ ему: сынъ мой любезный, чадо мое милое, ты еще молодъ и къ такому дальному и трудному пути не привыченъ, такъ зачемъ тебѣ отъ меня отлучаться; вить братья твои и такъ поѣхали. Ну ежели и ты отъ меня уѣдешъ, и вы всѣ трое долго не возврати-

тесь; а какъ я уже при старости нахожусь и хожу подъ Богомъ, и ежели во время вашей отлучки Богъ отъиметъ у меня жизнь мою; то кто вмѣсто меня управлять будетъ моимъ царствомъ? тогда можетъ сдѣлаться бунтъ, или несогласїе между нашимъ подданнымъ народомъ, а унять нѣкому; или непрїятель подъ наши области подступитъ, такъ управлять войскомъ нашимъ нѣкому. Однако сколько Царь Выславъ ни старался удерживать Ивана Царевича, но немогъ никакъ, чтобъ по неотступной его прозьбѣ, не отпустить его. Иванъ Царевичь взялъ у родителя своего благословенїе, и выбравъ себѣ коня, поѣхалъ въ путь, и ѣхалъ не зналъ самъ куда ѣдетъ. И ѣдучи онъ путемъ дорогою близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; наконецъ прїѣхалъ въ чистое поле, въ зеленые луга, тамъ въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ,

а на столбѣ написаны сіи слова: ежели кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто же поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здравъ и живъ, а конь его будетъ мертвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здравъ останется. Иванъ Царевичь прочитавъ ту надпись, поѣхалъ въ правую сторону, подумавъ, что ежели конь его хотя и убитъ будетъ, то самъ живъ останется, и со временемъ можетъ другова достать коня. Онъ ѣхалъ день другой и третей, вдругъ на встрѣчу ему пребольшой сѣрой волкъ и сказалъ Ивану Царевичу: охъ ты гой еси младой юноша, Иванъ Царевичь! вить ты читалъ на столбѣ: что конь твой будетъ мертвъ, такъ зачемъ ты сюда ѣдешъ? волкъ вымолвивъ сіи слова, разорвалъ коня Ивана Царевича надвое, а послѣ пошолъ прочь въ сторону. Иванъ Царевичь весьма сокрушался по ко-

нѣ своемъ, и заплакавъ горько пошелъ пѣшъ. Онъ шелъ весь тотъ день и усталъ несказанно, и лишь только, что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрой волкъ и сказалъ: жаль мнѣ тебя, Иванъ Царевичь, что ты пѣшъ изнуришься, и жаль мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго коня; добро! садись на меня на сѣраго волка, и скажи куда тебя везти и зачемъ? Иванъ Царевичь сказалъ сѣрому волку, куда ему ѣхать надобно; а сѣрой волкъ помчалъ съ нимъ пуще коня, и чрезъ нѣкоторое время привезъ онъ ночью Ивана Царевича къ каменной стѣнѣ не гораздо высокой, и остановился, и сказалъ Ивану Царевичу: ну! Иванъ Царевичь, слѣзай съ меня съ сѣраго волка, и полѣзай черезъ сїю каменную стѣну, тутъ за стѣною садъ, а въ томъ саду Жаръ птица сидитъ въ золотой клѣткѣ; ты Жаръ птицу возьми, а золотую клѣтку нетрогай, а ежели ее возь-

мешъ, то тебѣ оттуда не уйти будетъ, и тебя поймаютъ. Иванъ Царевичь перелѣзъ чрезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ Жаръ птицу въ золотой клѣткѣ, и очень на нее прельстился. Онъ вынувъ ее изъ клѣтки пошелъ назадъ, а одумався сказалъ самъ въ себѣ: что я взялъ Жаръ птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу, и воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку, то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду: ибо къ той золотой клѣткѣ приведены были струны. Караульные тотчасъ всѣ проснулись, побѣжали въ садъ и поймали Ивана Царевича съ Жаръ птицею, и привели къ своему Царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долматъ разгнѣвался весьма на Ивана Царевича, и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ своимъ голосомъ: какъ не стыдно тебѣ юный рыцарь воровать; да кто ты таковъ и которыя земли и какого отца сынъ и какъ тебя по имени зовутъ? Иванъ

Царевичъ ему молвилъ: я есмь изъ царства Выславова, сынъ Царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ Царевичъ. Твоя Жаръ птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь, и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила, то для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать Жаръ птицу и ему привезть. О ты младой Иванъ Царевичъ, молвилъ Царь Долматъ, такъ пригожо ли тебѣ такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ: ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ Жаръ птицу честїю отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ обьявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? однако, слушай, Иванъ Царевичь, ежели ты сослужишъ мнѣ службу и съѣздишъ за тридевять земель въ тридесятое государство, и достанешъ мнѣ отъ Царя Афрона коня златогриваго, то я тебя въ сей ви-

нѣ прощу и Жаръ птицу съ честїю тебѣ отдамъ: ежели же не сослужишъ етой службы, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты не честной рыцарь. Иванъ Царевичь пошелъ отъ Царя Долмата въ великой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго. Онъ пришелъ къ сѣрому волку и сказалъ ему обо всемъ, что ему Царь Долматъ говорилъ. Охъ ты гой еси младый юноша, Иванъ Царевичь, молвилъ ему сѣрой волкъ; для чего ты слова моего не слушался, и взялъ золотую клѣточку? Виноватъ я предъ тобою, сказалъ волку Иванъ Царевичь. Добро! быть такъ, молвилъ сѣрой волкъ; садись на меня на сѣраго волка, я тебя свезу, куда тебѣ надобно. Иванъ Царевичь сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, аки стрѣла, и бѣжалъ онъ долголи, коротколи, наконецъ прибѣжалъ въ государство Царя Афрона ночью, и пришедши къ бѣлокаменнымъ Царскимъ конюш-

нямъ, сѣрой волкъ Ивану Царевичу сказалъ: ступай, Иванъ Царевичь, въ ету бѣлокаменную конюшню, теперь караульные конюхи всѣ спятъ, и бери ты коня златогриваго, только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, то ее ты не бери, а то худо тебѣ будетъ. Иванъ Царевичь вошедъ въ бѣлокаменную конюшню взялъ коня, и увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду, и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и лишъ только, что снялъ узду, вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были приведены струны. Караульные конюхи тотчасъ прибѣжали и Ивана Царевича поймали, и повели къ Царю Афрону. Царь Афронъ началъ ево спрашивать: охъ ты гой еси младой юноша! скажи мнѣ, изъ котораго ты государства, и котораго отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ? на сіе отвѣтствовалъ ему Иванъ Царевичь: я самъ изъ царства Высла-

вова, сынъ Царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ Царевичемъ. О ты младой, Иванъ Царевичь, сказалъ ему Царь Афронъ, честнаго ли это Рыцаря дѣло, которое ты сдѣлалъ? ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго съ честїю отдалъ; а теперь хорошо ли то будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ обьявить, какъ ты въ моемъ государствѣ не честно поступилъ? однако, слушай, Иванъ Царевичь, ежели ты сослужишъ мнѣ службу и съѣздишъ за тридевять земель въ тридесятое государство, и достанешъ мнѣ Королевну Елену прекрасную, въ которую я давно душею и сердцемъ влюбился, а достать не могу; то я тебѣ ету вину прощу, и коня златогриваго и съ уздою золотою честно отдамъ; а ежели етой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты не честной рыцарь,

и пропишу все, какъ ты въ моемъ государствѣ дурно сдѣлалъ. Тогда Иванъ Царевичь обѣщался Царю Афрону Королевну Елену прекрасную достать, а самъ пошедъ изъ палатъ его горько заплакалъ, и пришедши къ сѣрому волку, расказалъ все, что съ нимъ было. Охъ ты гой еси младой юноша, Иванъ Царевичь, молвилъ ему сѣрой волкъ; для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую узду? Виноватъ я предъ тобою, сказалъ волку Иванъ Царевичь. Добро, быть такъ, продолжалъ сѣрой волкъ; садись на меня на сѣраго волка, я тебя свезу, куда тебѣ надобно. Иванъ Царевичь сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ какъ бы въ сказкѣ сказать недолгое время и наконецъ прибѣжалъ въ государство Королевны Елены прекрасной, и пришедши къ золотой решеткѣ, которая окружала великолѣпной садъ, волкъ

сказалъ Ивану Царевичу: ну, Иванъ Царевичь, слѣзай теперь съ меня съ сѣраго волка; и ступай назадъ по той же дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и дожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ. Иванъ Царевичь пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрой же волкъ сѣлъ близъ золотой решетки и дожидалъ покуда въ садъ пойдетъ прогуливаться Королевна Елена прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться къ западу, почему и воздухъ былъ не очень жарокъ; тогда Королевна Елена прекрасная пошла въ садъ прогуливаться съ своими нянюшками и мамушками и съ придворными боярынями. Когда она вошла въ садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ сидѣлъ за решеткою, вдругъ сѣрой волкъ перескочилъ черезъ решетку въ садъ, и ухвативъ Королевну Елену прекрасную перескочилъ опять назадъ черезъ решетку, и побѣжалъ съ

Королевною, что есть поры мочи, и прибѣжавъ въ чистое поле подъ зеленой дубъ, гдѣ ево Иванъ Царевичь дожидался, сказалъ Ивану Царевичу: Иванъ Царевичь, садись поскорѣй на меня на сѣраго волка. Иванъ Царевичь, на него сѣлъ; а сѣрой волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ государству Царя Афрона. Няньки же и мамки и всѣ боярыни придворные, которые гуляли въ саду съ прекрасною Королевною Еленою, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобъ догнать тово сѣраго волка; однако сколько за ними ни гналися, да немогли нагнать, и воротились назадъ. Иванъ же Царевичь сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною Королевною Еленою, возлюбилъ сердцемъ своимъ Елену, а она Ивана Царевича также, и когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ государство Царя Афрона, и Ивану Царевичу надобно было прекрасную Королевну Елену весть во дворецъ Царя

Афрона, и ему отдать ее вовсе, тогда Иванъ Царевичь весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрой волкъ его спросилъ: о чемъ ты плачешъ Иванъ Царевичь? На то ему Иванъ Царевичь молвилъ: другъ мой, сѣрой волкъ, какъ мнѣ доброму молодцу не плакать и некрушиться; я сердцемъ возлюбилъ сію прекрасную Королевну Елену; а теперь долженъ ее отдать Царю Афрону за коня златогриваго, и ежели ее не отдамъ, то Царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ. Служилъ я тебѣ много, Иванъ Царевичь, сказалъ сѣрой волкъ, сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ Царевичь; я сдѣлаюсь прекрасной Королевной Еленой, и ты меня отведи къ Царю Афрону и возьми коня златогриваго, онъ меня почтетъ за настоящую Королевну Елену, и когда ты сядешъ на коня златогриваго и уѣдешъ далеко, тогда я выпрошусь у Царя Афрона въ чистое поле по-

гулять, и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми дамами придворными, и я буду съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня только вспомни, то я опять у тебя буду. Сѣрой волкъ вымолвивъ сіи рѣчи ударился о сыру землю, и сталъ прекрасною Королевною Еленою, такъ что никакъ узнать было не можно, чтобъ то не она была. Иванъ Царевичь взявъ сѣраго волка обращеннаго въ прекрасную Елену пошелъ во дворецъ къ Царю Афрону; а прекрасной Королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидать себя за городомъ. Когда Иванъ Царевичь пришелъ къ Царю Афрону съ мнимою Еленою, Царь вельми возрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ себѣ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ. Онъ принялъ поддѣланную Елену, а коня златогриваго вручилъ Ивану Царевичу. Иванъ же Царевичь сѣлъ на того коня поѣхалъ, и выѣхавъ за

городъ посадилъ съ собою прекрасную Королевну Елену и поѣхалъ держа путь къ государству Царя Долмата. Сѣрой же волкъ живетъ у Царя Афрона день, другой и третей вмѣсто прекрасной Королевны Елены, а на четвертой день пришедъ онъ къ Царю Афрону и просится въ чистое поле погулять, чтобъ разбить тоску печаль лютую. Какъ? возговоритъ ему Царь Афронъ: ахъ! прекрасная моя Королевна Елена, я для тебя сдѣлаю и отпущу тебя въ чистое поле гулять. Тотчасъ приказалъ онъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ боярынямъ придворнымъ съ мнимою Еленою итти въ чистое поле гулять. Иванъ Царевичь ѣхалъ путемъ дорогою съ прекрасною Королевною Еленою, и разговаривая съ нею забылъ было совсемъ про сѣраго волка; однако вдругъ объ немъ вспомнилъ и вскрикнулъ: ахъ! гдѣ мой сѣрой волкъ? вдругъ откуда онъ ни взялся и сталъ передъ Ива-

номѣ Царевичемѣ, и ему сказалѣ: садись, Иванѣ Царевичь на меня на сѣраго волка, а прекрасная Королевна пусть ѣдетѣ на конѣ златогривомѣ. Тогда Иванѣ Царевичь сѣлѣ на сѣраго волка, и они поѣхали кѣ государству Царя Долмата. И ѣхали они долго ли, коротко ли, и доѣхали до того государства и за три версты отѣ города остановились, и Иванѣ Царевичь началѣ просить сѣраго волка; слушай! ты другѣ мой любезной, сѣрой волкѣ, служилѣ ты мнѣ много службѣ; то сослужи мнѣ послѣднюю службу, а служба твоя будетѣ вотѣ какая: неможешѣ ли ты оборотиться вѣ коня златогриваго на мѣсто етова, потому что мнѣ не хочется сѣ этимѣ конемѣ разстаться. Вдругѣ сѣрой волкѣ ударился о землю и сталѣ конь златогривой, а Иванѣ Царевичь оставя за городомѣ прекрасную Королевну Елену, сѣлѣ на сѣраго волка обращеннаго вѣ коня злато-

гриваго, поѣхалъ во дворецъ Царя Долмата. Какъ скоро онъ туда прiѣхалъ и Царь Долматъ увидѣлъ Ивана Царевича на конѣ златогривомъ, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, и встрѣтилъ Ивана Царевича на широкомъ дворѣ, и поцѣловалъ его во уста сахарные и взявъ ево за руку правую, повелъ въ палаты бѣлокаменные. Царь Долматъ для такой радости сотворить велѣлъ пиръ, и они сѣли за столы дубовые, за скатерти браные, и пили, ѣли, забавлялися и веселилися равно два дни, а на третей день Царь Долматъ вручилъ Ивану Царевичу Жаръ птицу съ честiю великою и съ клѣточкою золотою. Иванъ Царевичь взявъ Жаръ птицу пошелъ за городъ и сѣвши на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасною Королевною Еленою, поѣхалъ во свое отечество къ государству Царя Выслава Андроновича. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго

объѣздить въ чистомъ полѣ, для чего велѣлъ онъ его осѣдлать; а когда его осѣдлали Царь Долматъ сѣлъ на него и выѣхалъ въ чистое поле, и лишь только его разъярилъ конь сбросилъ Царя Долмата съ себя, и оборотясь по прежнему въ сѣраго волка побѣжалъ и нагнавъ Ивана Царевича сказалъ: Иванъ Царевичь, садись на меня на сѣраго волка, а Королевна Елена прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ. Иванъ Царевичь сѣлъ на сѣраго волка, и они поѣхали въ путь. Какъ скоро доѣхали они до того мѣста, гдѣ сѣрой волкъ у Ивана Царевича коня разорвалъ, тогда сѣрой волкъ остановился и сказалъ Ивану Царевичу: ну! Иванъ Царевичь, теперь слѣзай съ меня съ сѣраго волка, послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою: вотъ на семъ мѣстѣ я твоего коня разорвалъ на двое, то до того же мѣста и довезъ тебя, а у тебя есть теперь конь златогривой, такъ

ты сялъ на него и поѣзжай куда тебѣ надобно, а теперь я тебѣ больше не слуга. Сѣрой волкъ вымолвивъ сїи слова, побѣжалъ отъ Ивана Царевича въ сторону; а Иванъ Царевичь заплакавъ горько по сѣромъ волкѣ поѣхалъ въ путь свой. Онъ ѣхалъ долголи, коротколи, и не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ остановился, и слѣзъ съ прекрасною Королевною Еленою вмѣстѣ съ коня златогриваго, и легли отъ зною солнечнаго на траву подъ кустъ; а коня пустилъ по полю гулять, а клѣтку съ Жаръ птицею поставилъ подлѣ себя. Они лежали и разговаривали полюбовные разговоры и заснули. Въ то самое время братья Ивана Царевича Дмитрей и Василей Царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ искали Жаръ птицу, и не нашедъ ее возвращалися въ свое отечество съ порожними руками, и нечаянно наѣхали на соннаго брата своего Ивана Царевича, и прекрас-

ную Королевну Елену, и увидя на травѣ коня златогриваго, и Жаръ птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстились, и вздумали брата своего Ивана Царевича убить до смерти. Дмитрій Царевичь вынулъ изъ ноженъ мечь свой и изрубилъ Иванъ Царевича на мѣлкія части, и разбудивъ прекрасную Королевну Елену началъ ее спрашивать: прекрасная дѣвица, котораго ты государства, и какого отца дочь и какъ тебя по имени зовутъ? Прекрасная Королевна Елена увидя Ивана Царевича мертва испугалась, стала плакать горькими слезами, но видя себя въ рукахъ своихъ злодѣевъ имъ во слезахъ говорила: Я прекрасная Королевна Елена, а досталъ меня Иванъ Царевичь, котораго вы злодѣйски соннаго умертвили; вы бы тогда добрые были рыцари, когда бы убили его живаго выѣхавъ въ чистое поле, а теперь никто васъ похвалить не можетъ, что соннаго убили человѣка, да и

чести никакой незаслужили, сонной аки мертвой. Тогда Дмитрій Царевичь приложивъ мечь свой къ сердцу прекрасной Королевны Елены и ей сказалъ: слушай, прекрасная Елена, ты теперь въ нашихъ рукахъ, мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ Царю Выславу Андроновичу, и ты скажи, что мы какъ тебя, такъ Жаръ птицу и коня златогриваго достали; а ежели етого нескажешъ, то сей часъ тебя смерти предамъ. Прекрасная Королевна Елена испугавщись смерти, обѣщалась имъ въ томъ, и клялася всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Дмитрій Царевичь съ Васильемъ Царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная Королевна Елена и кому конь златогривой, и жеребей палъ: что прекрасная Королевна Елена Василью Царевичу, а конь златогривой Дмитрію Царевичу. И тогда Василей Царевичь взялъ прекрасную Царевну

Елену и посадилъ на своего добраго коня; а Дмитрій Царевичь сѣвши на своего коня взялъ съ собою коня златогриваго и Жаръ птицу, чтобъ вручить ее родителю своему Царю Выславу Андроновичу, и поѣхали въ путь. Иванъ Царевичь лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, и въ то самое время набѣжалъ на него сѣрой волкъ и узналъ по духу Ивана Царевича; онъ хотѣлъ ему помочь такъ, чтобъ оживить, и не зналъ, какъ то начать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ воронятъ, которые летали надъ трупомъ Ивана Царевича, и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана Царевича; тогда сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана Царевича, тогда сѣрой волкъ выбѣжавъ изъ подъ куста схватилъ одного вороненка и хотѣлъ его разорвать на двое, тогда воронъ спу-

стился на землю и сѣлъ по одаль отъ сѣраго волка и ему сказалъ: охъ ты гой еси сѣрой волкъ! нетрогай моего младаго дѣтища, вить онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ. Тогда молвилъ ему сѣрой волкъ: слушай, воронъ вороновичь, я твоего дѣтища отпущу здрава и не вредима, когда ты мнѣ сослужишъ службу и слетаешъ за тридевять земель въ тридесятое государство, и принесешъ мнѣ живой воды и мертвой. На то воронъ вороновичь сказалъ сѣрому волку: я тебѣ службу ету сослужу, только нетронь ничемъ сына моего. Воронъ выговоря сіи слова полетѣлъ, и скоро изъ виду скрылся. На третій день воронъ прилетѣлъ и принесъ съ собою два пузырька, въ одномъ живая вода, а въ другомъ мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрой волкъ взявъ пузырьки разорвалъ вороненка на двое, и спрыснулъ ево мертвою водою, вороненокъ сросся, а послѣ спрыснулъ жи-

вою водою и вороненокъ стрепенулъся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ спрыснулъ Ивана Царевича мертвою водою, тогда тѣло его сраслось, а когда спрыснулъ его живою водою, Иванъ Царевичь всталъ и сказалъ: ахъ! куда какъ я долго спалъ. Сѣрой волкъ на то ему сказалъ: да! Иванъ Царевичь, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вить тебя братья твои изрубили и прекрасную Царевну Елену и коня златогриваго и Жаръ птицу увезли-съ собою. Теперь Иванъ Царевичь, поспѣшай ты какъ можно скорѣе въ отечество свое, братъ твой Василей Царевичь сегодни женится на твоей невѣстѣ прекрасной Королевнѣ Еленѣ; а чтобъ тебѣ поскорѣе туда дойти, то садись лучше на меня на сѣраго волка, я тебя донесу на себѣ. Тогда Иванъ Царевичь сѣлъ на сѣраго волка и побѣжалъ съ нимъ къ государству Царя Выслава Андроновича, и бѣжавъ сѣрой волкъ долго ли, коротко ли, прибѣжалъ къ городу.

Иванъ Царевичь слѣзъ съ сѣраго волка и простившись съ нимъ пошелъ въ городъ, и пришедши во дворецъ, засталъ, что братъ его Василей Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ Еленѣ и сидитъ за столомъ прiѣхавши отъ вѣнца. Иванъ Царевичь пошелъ въ палаты и какъ скоро вошелъ въ тотъ покой, гдѣ сидѣлъ за столомъ братъ его Василей Царевичь съ прекрасною Царевною Еленою, и прекрасная Царевна Елена увидѣвъ Ивана Царевича, выскочила изъ застола и его начала въ сахарные уста цѣловать и закричала: вотъ мой любезнѣйшiй женихъ Иванъ Царевичь: а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидитъ. Тогда Царь Выславъ Андроновичь пришелъ въ великiй трепетъ, началъ прекрасную Царевну Елену спрашивать, что бы то такое значило, о чемъ она говорила? Тогда прекрасная Царевна Елена расказала ему всю истинную правду, какъ что было: какъ Иванъ Ца-

ревичь ее досталъ: какъ коня златогриваго; какъ Жаръ птицу, и какъ братья его до смерти сонняго убили, и какъ ее стращали, чтобъ сказать, что они то все исполнили. Царь Выславъ Андроновичь осердился весьма на Дмитрія и Василья Царевичевъ и за то велѣлъ посадить ихъ въ темницу; а Иванъ Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ Еленѣ, и началъ съ нею жить полюбовно и дружно, такъ что одинъ безъ другой ниже одной минуты пробыть не могли.

Конецъ.

СКАЗКА

о

Славномъ и храбромъ витязѣ

Бовѣ Королевичѣ.

и

о прекрасной Королевнѣ

Дружневнѣ.

В славномъ градѣ Антонѣ жительство имѣлъ и властвовалъ славный и храбрый Король Гвидонъ; увидѣлъ онъ въ славномъ градѣ Димихтїанѣ, у славнаго Короля Кирбита Верзоуловича дщерь хвальную и славную и прекрасную Королевну Милитрису Кирбитовну и призвалъ къ себѣ любезнаго своего слугу имянемъ Личарду, и приказываетъ ему: чтобъ онъ услужилъ вѣрою и правдою. И послалъ во градъ Димихтїанъ къ славному Королю Кирбиту Верзоуловичу съ грамотою написавъ о всемъ; по которой посылкѣ Личарда изготовился и потомъ нимало не мѣшкавъ принявъ отъ своего Короля ту грамоту, поѣхалъ во градъ Димихтїанъ; прїѣхавъ же въ тотъ градъ, не мед-

дя, къ Королю Кирбиту Верзоуловичу пошелъ въ королевскіе палаты, и тую грамоту дерзнулъ положить на столъ, а Король Кирбитъ Верзоуловичь, оную грамоту принявъ и распечатавъ пошелъ въ задніе палаты къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ, и объявилъ ей ту грамоту и представилъ присланнаго, чтобъ тебя взять въ замужство, а ежели противъ таковаго славнаго Короля вступишъ со мною въ ссору, то онъ воинъ, поберетъ противъ нашего гораздо больше, а намъ отъ него терпѣніе и огорченіе, а тебя и не честно возметъ. И она прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, падъ предъ отцемъ своимъ на колѣни, доносила ему: государь мой батюшка, славный и храбрый Король Кирбитъ Верзоуловичь нынѣ итти за него смѣлости не имѣю, по тому, что я когда была млада, то Король Гвидонъ за меня сваталcя, тогда изволили вы ему отка-

зать и просила, чтобЪ какЪ возможно за него не отдавать, а хотя изволите отдавать вЪ замужство, то прощу отдать, за Короля Дадона, которой нашему державству оберегатель, да истинно и крестной хранитель, отЪ всѣхЪ нападствующихЪ на насЪ. И сказалЪ дщери своей Король КирбитЪ Верзоуловичь о каковаго славнаго Короля Гвидона! и какЪ за него не отдавать. По нѣкоторомЪ времяни ГвидонЪ Король взялЪ ее за себя и жилЪ сЪ нею три года и прижилЪ Бову Королевича, и прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, призвавЪ кЪ себѣ любезнаго слугу имянемЪ Личарду, приказывала ему: служи мнѣ вѣрою и правдою, отвези отЪ меня грамоту кЪ храброму и славному Королю Дадону, сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ, чтобЪ подступилЪ подЪ нашЪ градЪ АнтонЪ и менябЪ взялЪ себѣ вЪ жены, а ежели слова моего ты Личарда непослушаешЪ и кЪ нему не поѣдешЪ

и той грамоты къ Королю Дадону не отвезешъ, то я на тебя на слугу Королю Гвидону донесу, и онъ тебя злою смертїю казнитъ. Слуга Личарда, государыни своей не ослушался, грамоту принялъ и поѣхалъ къ Королю Дадону, и какъ онъ прїѣхалъ вшедъ въ королевскїе полаты, ту грамоту по повелѣнїю Королевны, съ благоговѣнїемъ положилъ на столъ, и въ скоромъ времени Король Дадонъ тую грамоту взявъ и распечатавъ и покивалъ головою, и разсмѣялся и объявилъ слугѣ Личардѣ, что государыня ваша издѣвается, а уже она съ Королемъ Гвидономъ и дитя прижила, храбраго витязя, Бову Королевича. Но слуга Личарда, на то ему объявилъ, ежели вамъ невѣроятно, то прикажи меня посадить въ темницу, токмо поить и кормить довольно; а вы извольте иттить подъ нашъ градъ Антонъ, и буде оное не сбудется, то прикажи за то ложное объявленїе казнить меня смер-

тію. Король Дадонъ то отъ него принявъ пріятно и сказалъ ему, что твое слово мнѣ паче меда усладило; а буде все сіе збудется то тебя пожалую; по томъ повелѣлъ въ рогъ затрубить, и собравши войска 30000 пошелъ подъ градъ, гдѣ ставъ въ лугу королевскомъ и шетры раставилъ. И усмотрѣла изъ заднихъ палатъ, прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна надѣвъ на себя драгоцѣнное платье пошла въ королевскіе палаты, и объявила Королю Гвидону, что понесла я вторымъ чревомъ, и мнѣ захотѣлось дикаго мяса заколи мнѣ дикаго вепря своими руками. И Король Гвидонъ обрадовался тѣмъ, что чрезъ 3 года услышалъ отъ нее пріятныя рѣчи, тотчасъ поѣхалъ за городъ; а Королевна приказала ворота затворить и мосты поднять, что бы его во градъ не пустить. И тотъ часъ Король Дадонъ за Королемъ Гвидономъ увидя погнался, и Король Гвидонъ по-

бѣжалъ во градъ, и началъ молитися Богу и пречистой Богородицѣ: за что погибаю отъ злой своей жены? милое мое чадо храбрый витязь, Бова Королевичь, для чего ты мнѣ неповѣдалъ умысла злаго матери своей? но тогда Король Дадонъ Короля Гвидона догнавъ, ударилъ копіемъ, и прободе ему утробу и сердце. И Король Гвидонъ палъ съ коня на землю, и былъ мертвъ И прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна вшедъ въ королевскіе палаты, и усмотрѣвъ, что Король Гвидонъ, Короля Дадона убилъ, приказала градскія врата отпустить и встрѣтила Короля Дадона съ великою радостію во вратахъ градскихъ и взявъ его за руки любезно цѣловала во уста, и повела его въ свои палаты, и начали садиться за столъ и стали ѣсть и пить и веселитися. Въ то время Бова Королевичь, еще дѣтище младое и не смыслилъ; но бывъ въ страхѣ выбѣжалъ и спрятался въ

конюшнѣ подъ яслями а бывшей при немъ дядька Симбалда, едва его сыскалъ подъ яслями, и самъ прослезился и говорилъ: государь мой храбрый витязь Бова Королевичь, мати твоя злодѣйка, изволила она съ Королемъ Дадономъ государя моего а батюшку твоего добраго и славнаго Короля Гвидона убить; а ты еще дѣтище младое и несмысленно неможешъ отмстить смерти отца своего. Побѣжимъ мы государь во градъ Суминъ, которымъ градомъ пожалованъ мой батюшка, а градъ весьма крѣпокъ. Дядька Симбалда осѣдлалъ себѣ добраго коня, а подъ Бову виноходца и призвалъ къ себѣ 30 юношей и побѣжалъ во градъ Суминъ. И сказали Королю Дадону и прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ, что дядька Симбалда побѣжалъ во градъ Суминъ, и Бову увезъ съ собой. Король Дадонъ повелѣлъ въ рога трубить и собралъ войска 40000 и погнался за дядькою, и за Бовою

Королевичемъ послалъ погоньщиковъ и погоньщики нагоняютъ дѣтище младое и Бова Королевичь оглянулся. Дядька Синбалда увидя погоню кинулся во всю воинскую пору скакать а въѣхавъ во градъ Суминъ, заперся накрѣпко. А Бова Королевичь немогъ ускакать на добромъ конѣ виноходцѣ, и свалился съ коня на землю. И погоня взяли Бову Королевича, и привели къ Королю Дадону, а Король послалъ къ матери его къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ. Пришедъ Король Дадонъ подъ градъ Суминъ, сталъ въ заповѣдномъ лугу, и велѣлъ шатры раставить и спалъ въ шатрѣ и видѣлъ сонъ вельми страшенъ, какъ бы ѣздитъ Бова Королевичь на добромъ конѣ, въ рукѣ держитъ копіе, и прободаетъ утробу и сердце. И Король Дадонъ вставъ отъ сна своего призвалъ брата своего, именемъ онъ Антоней и началъ ему свой сонъ расказывать, и посылаетъ во градъ Антонъ

къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ и здравіе и сонъ свой сказавши просить, Бову за тотъ свой сонъ злой смерти предать. Антоній поѣхалъ во градъ Антонъ, къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ и просилъ Бову злой смерти предать. Прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна падъ на одно колѣно, начала говорить, могу ли сама Бову смерти предать, посажу въ темницу, недамъ ему ни пить ни ѣсть, тожъ ему и смерть будетъ И Король Дадонъ стоялъ подъ градомъ Сумнинымъ шесть мѣсяцовъ и немогъ взять никого изъ града Сумина. И пошелъ во градъ Антонъ, а дядька Симбалда повелѣлъ въ рогъ трубити, и собралъ войска 15000 и пошедъ ко граду Антонъ и началъ въ городовую стѣну бить, безотступно кричать, и просить изъ града государя Бову Королевича. А буде мнѣ неотдадите, то я живъ немогу быть

и неотступлю отъ града Антона. И прекрасная Королевна Милитриса стала говорить, государь мой Король Додонъ, что злодѣй нашъ не дастъ намъ ни во дни ни въ нощи покою. И Король Додонъ повелѣлъ въ рогъ трубить, и собралъ войска 10000 и погнался за дядькою Синбалдою. Дядька Синбалда немогъ устоять противъ Короля Додона и убѣжалъ во градъ Суминъ, и заперся накрѣпко. Прекрасная Королевна Милитриса, надѣла на себя платье драгоцѣнное и пошла по королевскому двору, и Бова Королевичь увидѣлъ изъ темницы изъ окна мать свою, прекрасную Королевну Милитрису Кирбитовну, закричалъ Бова великимъ гласомъ, государыня моя матушка прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, за что на меня гнѣваешся, уже мнѣ приключается голодная смерть, и прекрасная Королевна Милитриса Кирбитютовна стала говорить, чадо мое милое Бова Королевичь,

я скоро пришлю много пить и ѣсть и ты напитаешъ свою душу. Прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, вшедъ въ королевскія палаты и начала мѣсить два хлѣбца своими руками во змеиномъ салѣ на пшеничномъ тѣстѣ, испекла два хлѣбца и послала съ дѣвкою чернавкою. Оная принесла и отдаючи говоритъ: государь Бова Королевичь, немоги отъ матери своей хлѣба ѣсть, отдай ты псамъ; Бова принявъ и бросилъ, то какъ съѣли псы, такъ разорвало псовъ отъ чернаго хлѣба. Послѣ Бова Королевичь говоритъ: дѣвка чернавка незапирай у темницы дверей. Она сожалѣвъ Бовы, незаперла и ушла такъ и сказала Королевнѣ, отдала сударыня. Какъ Бова вышелъ увидѣли ярыжныя. Онъ поклонился имъ, ярыжныя взяли Бову привели на корабль, и гости корабельныя стали спрашивать: какова ты роду; отвѣчалъ онъ, я роду Хрістіянскаго понамаревъ сынъ и мать моя убогая жена, на добрыхъ

женъ платье мыла и тѣмъ свою голову кормила, и началъ Бова по кораблю похаживать и гости корабельщики промежъ собою дивовались немогутъ на Бовину красоту насмотрѣться, что невидали такого отрока, весьма прекрасенъ и любъ. Бова Королевичь легъ спать и гости корабельщики промежъ собою смертныя чаши принять за Бову всякому хочется, и Бова всталъ отъ сна своего и сталъ имъ говорить: гости корабельщики не бранитесь и недеритесь обо мнѣ. Я вамъ стану служить, которой меня изъ васъ увидѣлъ на морѣ первый, тому стану служить отъ обѣда и до вечера, и гостямъ то слово полюбилось подняли парусы и побѣжали по морю. И бѣжали одинъ годъ и три мѣсяца, и прибѣжали подъ Арменское царство и въ Арменскомъ царствѣ, царствуетъ Король Зензевій Андроновичь, тутъ кинули гости корабельщики якори. И сходили на берегъ и Бова по кораблю началъ похаживать,

и Король Зензевій Андроновичь послалъ вельможъ своихъ и приказалъ спрашивать, котораго они государства гости и съ какими товарами, и вельможи пришедъ на корабль и увидя Бову на кораблѣ, немогли на красоту насмотрѣться и забыли во умѣ своемъ спросить коего государства и съ какими товарами, и пришли къ Королю, а Король Зензевій Андроновичь сталъ спрашивать вельможей своихъ: изъ котораго государства корабль прибѣжалъ и съ какими товарами. Они же ему ничего несказали, только сказали про юношу, что видѣли отрока на кораблѣ весьма лѣпообразнаго, за тѣмъ и товаровъ не могли цѣнить; и Король Зензевій Андроновичь велѣлъ скоро подвести себя къ кораблю, и увидѣвъ отрока на кораблѣ вельми прекрасна, и забылъ во умѣ своемъ спрашивать, котораго государства корабль прибѣжалъ, и съ какими товарами. Король Зензевій Андроновичь сталъ у гостей торговать

того отрока, гости корабельщики возьмите у меня за етаго юношу 300 литровъ златыхъ; и гости корабельщики говорили: Государь нашъ Зензевій Андроновичь, невозможно намъ отрока продать, что онъ у насъ общій и взятъ онъ у насъ при край моря на брегу. Король Зензевій Андроновичь говоритъ: господа гости корабельщики, онъ у васъ общій да торгуйте въ моемъ государствѣ безданно безпошлинно, а буде вы не отдадите онаго юношу и вамъ изъ моего государства живымъ невыѣхать и впредь мимо моего государства не хаживать. Гости корабельщики Бову продали и взяли 300 литровъ златыхъ, Король Зензевій Андроновичь посадя Бову на коня поѣхалъ въ свое Арменское царство, и спрашиваетъ какого ты роду, Христіянскаго или Татарскаго. И отвѣчалъ Бова: государь мой Король Зензевій Андроновичь, я роду ни царскаго ни королевскаго роду а Христіянскаго понома-

ревъ сынъ а мать моя убогая жена на добрыхъ женъ платье мыла и тѣмъ свою голову кормила. И Король Зензевій Андроновичь началъ говорить, а коли ты простаго роду и ты у меня служи на конюшнѣ и будь надъ конями старшій. И Бова государю своему поклонился и пошелъ на конюшню, а отъ роду Бовѣ было 7 лѣтъ, и Бова сталъ на конюшнѣ служить Королю Зензевію Андроновичу и была у нево дочь, прекрасная Королевна Дружневна и узрѣла изъ окна своего Бову на конюшнѣ, отъ Бовиной красоты всю полату и конюшню освѣтило и прекрасная Королевна Дружневна надѣла на себя драгоцѣнное платье и пошла въ Королевскіе палаты и стала говорить отцу своему, государь мой батюшка при себѣ изволь приказать кому быть у постава. Ибо я при себѣ никого не имѣю изъ слугъ и прошу пожалуй отпусти ко мнѣ купленнаго вами слугу у гостей Корабельщиковъ, и

отецъ ея прозьбы не отринулъ, и тому купленному слугѣ было при ней приказано, и она приказала быть къ себѣ Бовѣ. Какъ онъ къ ней пришелъ, отдавъ по обычаю поклонъ, сталъ въ своемъ мѣстѣ. И потомъ какъ услышалъ онъ отъ нее, что приказала, чтобъ быть у поставца, пошелъ покинулъ прежнее свое мѣсто на конюшнѣ и наутріе Королевна Дружневна послала свою дѣвицу по Бову, чтобъ онъ къ ней пришелъ, и она ему объявила, что все государство у нее будетъ кушать, а тебѣ быть въ своемъ опредѣленномъ мѣстѣ. И какъ она во спальномъ своемъ платьѣ Бову увидѣла; то для его приходу встала съ мѣста и спрашивала, какого ты роду, а не такъ, какъ ты о себѣ объявляешъ что понамаревъ сынъ. Вижу я тебя быть большаго роду; но онъ ничего необъявилъ ей, а она приказала ему быть у своего мѣста; и какъ собрались всѣ гости; то сѣли

за столЪ и кушали, а ему приказала принести лебедя и держать вЪ рукахЪ а сама начала рушать для того, чтобЪ на его красоту лица насмотрѣться, и будто нечаянно уронила ножикЪ и приказала Бовѣ поднять. И какЪ онЪ подНялЪ и сталЪ подавать, то она его поцѣловала вЪ голову и потомЪ какЪ онЪ подалЪ вЪ скорости, то она вЪ голову его поцѣловала вЪ присутствіи всѣхЪ еще. И какЪ откушали, то Бова пошелЪ вЪ прежнее мѣсто и спалЪ трои сутки, вЪ то время конюхи собираются за травою но разбудить его немогли а какЪ они поѣхали, то онЪ поѣхалЪ для собиранія своей доли той травы, и какЪ взялЪ свою долю; то выѣхалЪ вЪ луга, сплелЪ себѣ на голову вѣнецЪ изо всякихЪ разныхЪ цвѣтовЪ, и какЪ увидѣла на немЪ Дружневна тотЪ вѣнецЪ, послала по его, чтобЪ онЪ кЪ ней былЪ. И сказала ему: Бова сними сЪ себя вѣнецЪ, и положи на мою голову. А

ежели ты неисполнишъ, то пріимешъ злую смерть. Какъ онъ тотъ слышалъ отъ нее приказъ, то снявъ съ себя и ударивъ объ полъ и тотъ вѣнецъ разпался. Дружневна тѣ цвѣты збирая и любовалась, а Бова тотъ часъ пошелъ изъ полатъ и ненарочно хлопнулъ дверью весьма крѣпко, и выпалъ отъ того удара изъ стѣны великой кирпичь, и упалъ на его голову и разшибло ему голову до крови. Дружневна въ томъ на него гнѣва невозимѣла и лѣчила его своими руками и лѣкэрствомъ своимъ излѣчила. Боважъ такъ и пошелъ на конюшню и спалъ пятеры сутки. А въ то время пришелъ изъ града Данска, Король Маркобрунъ, а съ нимъ силы 400000 войска, обступили и пишетъ къ Королю грамоту, Зензевію Андроновичу. Пришелъ изъ дальнаго царства Король Маркобрунъ: выдай ты за меня дочь свою прекрасную Королевну Дружневну, а ежели неотдашъ любовію, то я градъ твой

побью и огнемъ сожгу и тебя въ полонъ возьму а ее неволею возьму. Король Зензевїй Андроновичь прочитавъ убоялся и думалъ, что отъ того славнаго Короля Маркобруна отстоять неможетъ съ войскомъ своимъ. Повелѣлъ Король Зензевїй градъ свой отперетъ и врата а самъ пошелъ встрѣтить во вратахъ принялъ его за руку и поцѣловалъ, и велѣлъ Король Зензевїй Андроновичь Короля Маркобруна въ свои королевскїе палаты, пить и ѣсть и веселитись. Бова восталъ отъ сна своего и пришелъ къ Дружневнѣ, что ты слышишъ за градомъ шумъ и крикъ и конное ржанїе; то Маркобруновы дворяне тѣшутся на копїяхъ, и сказалъ къ ней Бова, государыня моя прекрасная Королевна Дружневна, неначемъ мнѣ выѣхать съ ними потѣшиться, нѣтъ у меня коня добраго и меча остраго. Королевна Дружневна ему говорила: ты еще Бова младъ неможешъ усидѣть на конѣ и мечемъ владѣть, Бовино

сердце разгорѣлось, немогъ утерпѣть и въ ярости сердца своего пошелъ на конюшню и выбралъ себѣ коня по нуждѣ и взявъ метлу и выѣхалъ за градъ и пріѣхалъ къ Маркобруновымъ дворянамъ и они его увидѣли и узря на него удивилися, что ето малой человѣкъ откуду сей выѣхалъ и начали ему смѣяться. Пріѣзжая къ нимъ ближе Бова посмѣянія ихъ невозлюбилъ и началъ отъ нихъ оборонятъся метелкою, кто къ нему нипріѣдетъ человѣковъ по два и по три и началъ поталкивать ихъ, кого ни ударитъ, тотъ такъ скоро съ коня свалится и умретъ; а они къ нему начали пріѣзжать человѣкъ по пяти и по десяти и до двухъ сотъ до пяти; онъ ихъ одинъ по одиному всѣхъ метлой побилъ до смерти. Дворяне озлобилися на Бову и хотѣли наѣзжать и конями стоптать; но онъ побилъ до 200000. И сїю храбрость Бовину увидя прекрасная Королевна Дружневна,

пошла къ отцу своему и возвѣстила о Бовѣ: государь батюшка, вели Бову унять; жаль его, чтобъ неубили, какое ему дѣтское дѣло драться съ Маркобруновыми дворянами, и Король Зензевій Андроновичь послалъ по Бову и велѣлъ ему въ свое государство возвратитися. Послушавъ Бова возвратился и легъ спать и спалъ 9 дней и 9 нощей, и въ то время пріѣхалъ подъ Арменское царство, Царь Лукаперъ, и у того Лукапера толова какъ пивной котелъ и промежъ глазъ пядень мужеска. А таковаго сильнаго и славнаго богатыря ни гдѣ не бывало, а съ нимъ пришло войска 500000. Отецъ того Лукапера, Царь Салтанъ Салтановичь, и сталъ на краю моря а Лукаперъ въ лугахъ со любимыми своими. Лукаперъ Король и пишетъ къ Королю Зензевій грамоту свою выдай ты за меня дочь свою прекрасную Дружневну, а ежели невыдашъ любовію, то возьму и нечестію а градъ до основанія разорю

и огнемъ сожгу. И Король Зензевїй Андроновичь и съ Маркобруномъ начали думать, и придумалъ ѣхать самъ, а съ нимъ отъ Зензевїя 40000 да своихъ взять 40000 и того 80000 и собрався на Лукапера и выѣхали. А Лукаперъ увидя ихъ двухъ Королей, съѣхались и направилъ на нихъ копїемъ тупымъ концемъ и наступилъ на нихъ Лукаперъ на двухъ Королей и сшибъ съ коней, какъ двухъ сноповъ, и послалъ ихъ къ отцу своему Царю Салтану, повелѣвъ ихъ взять и кинуть; а во градъ взойти Лукаперъ немогъ, понеже былъ крѣпко запертъ и сталъ стоять подъ градомъ а какъ Бова проснулся и услышалъ паче перваго конское ржанїе и крикъ и великїй шумъ, то пошелъ въ палаты къ прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ и началъ спрашивать у ней, государыня Королевна Дружневна, за градомъ вашимъ великїй шумъ и конское ржанїе. Она же сказала ему, долго ты Бова спишъ и ничего незнаешъ, пришелъ

подъ наше царство, Царь Салтанъ Салтановичь изъ Рагильскаго царства да съ нимъ сынъ его славный могучій богатырь Лукаперъ, у котораго голова какъ пивной котелъ, у него промежъ глазами пядень, промежъ плечами сажень мѣрная и таковаго богатыря подобнаго ему нигдѣ нѣтъ въ свѣтѣ нѣтъ равнаго съ Лукаперомъ, и нынѣ стоитъ подъ нашимъ градомъ а войска съ нимъ 50000 мой Король Маркобрунъ противъ ихъ выѣхали а съ нимъ войска было у батюшки моего 40000 да Маркобрунова Короля 40000 и увидя ихъ Лукоперъ и наѣхалъ на нихъ копіемъ направилъ тупымъ концемъ сразилъ ихъ съ коней на землю, какъ двухъ сноповъ и послалъ ихъ къ отцу своему на край моря и онъ приказалъ ихъ связать и бросить въ нечистое мѣсто въ шатрѣ своемъ, которые и по нынѣ тамо лежатъ. Слышавъ же о семъ Бова возопилъ: Государыня моя прекрасная Королевна Дружневна неначемъ мнѣ

противѣ Лукапера выѣхать съ нимъ побиться и силы своей извѣдать и она ему сказала, ты еще младъ, того тебѣ вспоможенія учинить неможно и уже отцу моему непособить, ежели то во всякое благополучіе въ царство привести можно. А меня возьми за себя и будь нашему царству оберегатель и отъ всѣхъ нападствующихъ на насъ. Сталъ говорить Бова, того учинить немогу а хощу послужить безъ измѣны, за того, кто меня купилъ и далъ 300 литръ златыхъ; надобно токмо добраго коня и доспѣхъ богатырскихъ, и говорила ему Королевна Дружневна есть государь Бова, у батюшки моего конь и доспѣхи богатырскіе а стоитъ тотъ конь въ земли по колѣно, и Бова какъ о томъ услышалъ радъ былъ и пошелъ къ конюшни богатырской. Услышалъ конь, что Бова къ нему идетъ, разломалъ мочныя двери и вышедъ на дворъ, конь охватилъ Бову ногами какъ человѣкъ и началъ его Бова охорашивать и

тѣшилъ добраго коня, и Дружневна послала въ казну и скоро доспѣхи богатырскіе и мечь кладенецъ 12 человѣкъ на носилкахъ несутъ и Бова быстъ радостенъ, и хочетъ Бова садится на добраго коня богатырскаго и ѣхать на дѣло ратное и на побоище смертное. И прекрасная Королевна Дружневна начала говорить: Ангусей, куда ты ѣдешъ на дѣло ратное и на побоище смертное, либо будешъ живъ либо нѣтъ, а со мною непрощаешся. И Бовѣ тѣ слова полюбились и пошелъ къ прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ въ палаты и съ Дружневною простился и опоясала Дружневна около Бовы мечь кладенецъ своими руками, и прекрасная Королевна провожаетъ Бову и отпущаетъ на дѣло ратное, и на побоище смертное. Бова садился на добраго коня богатырскаго и въ стремена ногою неступаючи. Прекрасная Королевна Дружневна ухватила Бовину ногу и поставила въ стремена булатные

своими руками, и ухватила Бовину голову и цѣловала его во уста и въ очи и въ уши и начала Дружневна говорить: государь мой Ангусей! ѣдешъ ты на дѣло ратное и на побоище смертное, либо будешъ живъ либо нѣтъ; но я тому вѣры нейму, что ты понамарева роду, повѣдай мнѣ истинную правду, царскаго ли ты или королевскаго роду, и рече Бова: государыня прекрасная Королевна Дружневна, ѣду я на дѣло ратное и на побоище смертное, либо буду живъ либо небуду, скажу тебѣ истинную правду, что я роду не понамарева, а роду Королевскаго, славнаго Короля Гвидона а мать моя прекрасная Королевна Милитриса, добраго и славнаго Короля Кирбита Верзоуловича дочь была. Да былъ у того Короля Зензевія Андроновича дворецкой и почелъ государыню свою безчестить, государыня прекрасная Королевна Дружневна, недоводится около холопа мечь опоясывать своими руками,

и непригоже тебѣ холопскую голову цѣловать во уста и во очи и во уши да холопскую ногу въ стремена вкладывать своими руками и провожать и отпущать на дѣло ратное и на побоище смертное. И Бова ударилъ дворецкаго копïемъ тупымъ концемъ, и дворецкой упалъ на землю какъ мертвъ и лежалъ 3 часа насилу всталъ. И Бова Королевичь поѣхалъ на дѣло ратное и на побоище смертное, и скочилъ Бова въ прямъ чрезъ градскую стѣну. Увидѣлъ Лукаперъ, что скочилъ храбрый витезь Бова Королевичь и стали съѣзжаться 6 сильныя могучïя богатыри и Лукаперъ на Бову заправилъ вострымъ концемъ, и ударились 6 сильныя могучïя богатыри промежъ собою, какъ сильный громъ предъ тучею грянулъ; и Лукаперъ на Бовѣ немогъ доспѣхъ пробить, а Бова на Лукаперѣ пробилъ доспѣхъ на обѣ стороны и разсѣкъ Бова Лукаперу голову до седѣльной подушки и Лукаперъ свалился съ

коня мертвЪ, а Бова началЪ Лукаперово войско бить, и бился 5 дней и 5 нощей безЪ отдыху, нестолько мечемЪ билЪ, сколько конь копытами топталЪ, и вЪ томЪ числѢ немногіе люди ушли кЪ Царю Салтану Салтановичу, и начали говорить: государь СалтанЪ Салтановичь! выскочилЪ изЪ Арменскаго царства храбрый витезь Бова Королевичь прямо чрезЪ городовую стѢну, сына твоего убилЪ и 100000 человѢкЪ войска побилЪ; уже будетЪ на морское пристанище. И Царь СалтанЪ Салтановичь неуспѢлЪ своихЪ шатровЪ снять и скочилЪ на корабль сЪ небольшими людьми и пошелЪ вЪ Арменское Царство; и Бова пріѢхалЪ на морское пристанище и вшелЪ вЪ шатерЪ, ажно 2 Короля связаны лежатЪ подЪ лавкою Зензевій да МаркобрунЪ, и Бова двухЪ Королей развязалЪ и поѢхали вЪ Арменское царство, и Ѣхали до Арменскаго царства 3 вЪ трупу человѢческомЪ, что добры кони ска-

чутъ по колѣни въ крови: и рече Король Маркобрунъ тестю своему Королю Зензевію Андроновичу, что ему за выслугу дать: и Король Зензевій Андроновичь рече зятю своему, такова холопа надобно присвоить, которой господинъ добраго холопа купитъ а тотъ холопъ выслужится. И Король Маркобрунъ началъ говорить Королю Зензевію Андроновичу, слыхалъ я у старыхъ людей, которой государь холопа купитъ и буде тотъ холопъ государю своему выслужится, и того холопа надѣлить и на волю выпустить. Король Зензевій Адроновичь началъ говорить, юноша мой вѣрной Ангусей, хощеши ли у меня служить или на волю тебя отпустить. На то сказалъ Бова, государь мой Король Зензевій Андроновичь, на волю нехочу а въ передъ выслужится желаю, и тако поѣхали ко граду Арменскому, и какъ пріѣхали ко граду, то прекрасная Королевна Дружневна встрѣ-

тивъ отца своего и пошли въ королевскіе полаты и начали пить и ѣсть и проклажатися нарадости. И Бова пошедъ на конюшню и легъ спать и спалъ 9 дней и 9 нощей. И въ ту пору поѣхали два Короля въ чистое поле за зверьми тѣшиться и послѣ ихъ дворецкой призвалъ къ себѣ юношей 30 человѣкъ храбрыхъ витезей и началъ говорить: подите на конюшню и юношу храбраго витезя Бову на конюшнѣ убѣйте соннаго и я вамъ дамъ много злата и сребра; корыстуйся кому хочется, и скинулись 30 юношей и пошли на конюшню къ Бовѣ, спитъ крѣпко Бова и въ тѣхъ 300 юношахъ былъ единъ весьма разуменъ юношъ и началъ имъ говорить: Бовы мы сильнаго неубьемъ а Бова пробудится, что намъ будетъ смерть а не животъ, Бова храбрый витезь убилъ самаго сильнаго богатыря Лукапера да и съ нимъ войска 100000 побилъ, а мы ему придумаемъ: понеже ты у Короля предъ

лицемъ и ты поди въ королевскіе палаты и лягъ на королевской кровати и напиши грамоту къ Царю Салтану Салтановичу королевскимъ именемъ, что послалъ я къ тебѣ Бову, которой убилъ сына твоего Лукапера, и онъ его велитъ злой смерти предать. Дворецкому то слово полюбилось и пошелъ въ королевскіе палаты и легъ на королевской кровати, а самъ написалъ грамоту, писаніе имѣющее таковое: Задонскаго царства, Царю Салтану Салтановичу, пишу радоватися, по„слалъ я къ тебѣ недруга твоего „Бову и ты отмсти ему за сына „своего Лукапера смерть.„ И послалъ дворецкой по Бову на конюшню и сказавъ ему, поди ты Бова въ королевскіе палаты спрашиваетъ тебя Король: и неузналъ со сна своего Бова дворецкаго и думалъ, что деподлинно Король написалъ грамоту и даетъ въ руки запечатанную королевскою печатью. И дворецкой говоритъ королевскимъ именемъ,

Бова ты сослужи мнѣ вѣрою и правдою, поди ты въ Задонское царство и отнеси отъ меня грамоту, къ Царю Салтану Салтановичу. И Бова грамоту принялъ и челомъ ударилъ и пошелъ на конюшню и осѣдлалъ добраго коня виноходца богатырскаго и поѣхалъ въ Задонское царство, и ѣхалъ 5 дней и 5 нощей и неможетъ наѣхать ни рѣки ни ручья ни колодѣзя а пить очень хочется. Увидѣлъ Бова отъ дороги въ сторонѣ дубъ а подъ дубомъ стоитъ старецъ и пріѣхалъ Бова ко старцу, и почелъ говорить, имя твое какъ, и рече старецъ, имя мнѣ Пилигримъ, и рече Бова, что ты самъ пьешъ дай мнѣ, и рече Пилигримъ, государь храбрый витезь: я пью изъ крушки и тебѣ дамъ, и рече Бова дай мнѣ ту крушку, и старецъ почерпнулъ тою крушкою и уклонился, и всыпалъ усыпающаго зелія и далъ Бовѣ выпить и уклонился съ коня Бова на землю и спалъ 9 дней и 9 нощей и

старецЪ ПилигримЪ, унесЪ у Бовы мечь кладенецЪ и увелЪ добраго коня богатырскаго. Бова проснувшись взглянулЪ отЪ сна своего, ни меча кладенца ни добраго коня богатырскаго нѢтЪ и прослезился, и самЪ себѢ сказалЪ, уже меня изобидилЪ старецЪ ПилигримЪ, увелЪ онЪ у меня добраго коня богатырскаго и мечь кладенецЪ. О! Государь мой Король Зензевїи Андроновичь, послалЪ меня на смерть головою за услугу мою, и пошелЪ Бова куды глаза глядятЪ, и БовѢ государевЪ путь править надобно и пришедЪ Бова вЪ Задонское царство, вшелЪ вЪ королевскїе палаты и грамоту на столЪ положилЪ. То Царь СалтанЪ Салтановичь грамоту разпечатавЪ прочитавши и закричалЪ громкимЪ голосомЪ: о! злодѢй ты Бова, убилЪ сына моего Лукапера и 100000 войска побилЪ, а ты самЪ ко мнѢ пришелЪ на смерть: могу азЪ тебя повѢсить, и закричалЪ Царь СалтанЪ Салтановичь, естьли

у меня юноши храбрые витези: возьмите Бову и поведите на висѣлицу и скоро поставили петлю и пришли 60 юношей и взяли Бову 30 юношей за правую руку, а другїе 30 юношей за лѣвую руку и повели Бову на висѣлицу и вывели Бову въ поле и увидѣлъ Бова рѣли и петлю, и Бова прослезился, сказалъ самъ себѣ, что моя неправда, за что я погибаю и вложи Бовѣ мысль въ сердце Богъ, за что Бова сильный и славный богатырь, и тряхнулъ Бова правою рукою и 30 юношей убилъ и побѣжалъ отъ Задонскаго царства. То увидѣлъ Царь Салтанъ Салтановичь, и повелѣ въ рогъ трубить и собравъ войска 100000 и погна за Бовою и поимали Бову, привели къ Царю Салтану Салтановичу, и Царь Салтанъ Салтановичь началъ говорить, уже ты злодѣй хощешъ отъ смерти уйти, но я могу тебя повѣсить, и была у того Царя Салтана дочь прекрасная Королевна Мельчигрїя, надѣла на себя изрядное

платье и пошла ко отцу своему въ палату и начала говорить, государь мой батюшка, уже тебѣ сына своего неподнять а моего брата и 100000 войска неподнять же, а таково ты сильнаго богатыря изведешъ и ты государь мой батюшка дай мнѣ его на руки, а я его превращу въ Задонскую вѣру въ нашего Бога, а меня онъ возьметъ въ жены и будетъ нашему царству содержатель отъ всѣхъ странъ обeрегатель. У Царя Салтана Салтановича дочь прекрасная Королевна Мельчигрія, была въ любви, и Царь Салтанъ выговорилъ, чадо мое милое, буди на твоей воли, и дочь челомъ отцу своему ударила, и взяла Бову къ себѣ на руки и пошла въ свои палаты, и дала Бовѣ пить и ѣсть всякихъ различныхъ вещей, и начала говорить Бовѣ, но забуди свою христіянскую вѣру, и вѣруй въ нашего Бога и возьми меня въ жены себѣ, и буди нашему царству оберегатель, а нестанешъ нашей

вѣры вѣровать или невозмешъ меня въ жены себѣ, то батюшка можетъ тебя повѣсить или на колъ посадить, и рече Бова хотя мнѣ повѣшену быть или на колъ посажену но я невѣрую вашей вѣрѣ латышской, немогу азъ забыть свою Христіянскую вѣру: и Царевна Мельчигрія велѣла Бову посадить въ темницу и доскою желѣзною задернути и пескомъ засыпати и невелѣла Бовѣ давать пить и ѣсть, 5 дней и 5 нощей. Бовѣ пить и ѣсть добре хочется и прекрасная Королевна Мельчигрія надѣла на себя изрядное платье и пошла къ Бовѣ въ темницу и велѣла пѣсокъ отгресть и доску желѣзную отдернуть и пошла къ Бовѣ въ темницу и немогла на Бовину красоту насмотрѣться въ три часа, и начала говорить, лутче ли тебѣ въ темницѣ сидѣть голодною смертію умереть или повѣшену быть на колѣ посажену или казнену быть, вѣруй въ нашу вѣру латышскую и возьми меня себѣ въ

жены: уже мнѣ пристигаетъ голодная смерть, хотя мнѣ повѣшену быть хотя на колу посажену и азъ невѣрую въ вашу латышскую вѣру и немогу забыть свою православную вѣру. Царевна Меличигрія недала ни пить ни ѣсть и пошла къ отцу своему въ палаты, и начала говорить, государь мой батюшка, немогла я его прельстить и нынѣ хотя его повѣсь. Царь Салтанъ возговоритъ аки въ трубу трубитъ, естьли у меня витѣзи, подите въ темницу возьмите Бову и приведите ко мнѣ, и азъ велю его повѣсить; и стали 30 юношей у Салтана, и пошли къ Бовѣ въ темницу и немогли пѣску отгресть и начали кровлю ломать и Бова закручинился, нѣтъ у меня меча кладенца, нечимъ мнѣ оборониться отъ 30 юношей, и увидѣ Бова въ углу мечь кладенецъ въ темницѣ и взявъ Бова мечь и быстъ Бова радостенъ. Пришедъ въ нощи и начали кровлю ломать и къ Бовѣ спущаться вдругъ по 2 и по 3 и

5 человѣкъ и такъ больше и Бова сѣчетъ да лесницею кладетъ и 30 юношей всѣхъ порубилъ да лесницею склалъ; и Царь Салтанъ Салтановичь на тѣхъ юношей распалился, зашли блядины дѣти съ Бовою бесѣдуютъ, и послалъ другихъ 30 юношей и стали къ Бовѣ спущаться той же дорогой, а Бова сѣчетъ да лѣсницею кладетъ и вышелъ Бова изъ темницы и побѣжалъ изъ Задонскаго царства. И Царь Салтанъ Салтановичь повелѣвъ рогъ трубить и собра войска 1000000 и побѣжалъ за Бовою, а Бова прибѣжалъ на морское пристанище и увидѣ Бова нѣкій корабль отъ берегу съ версту, и закричалъ Бова громкимъ голосомъ, гости корабельщики взяли Бову на корабль? И Царь Салтанъ прибѣжалъ на морское пристанище и видѣ Бову на кораблѣ и закричалъ громкимъ голосомъ, гости корабельщики, дайте Бову съ корабля измѣнщика моего, которой у меня изъ темницы ушелъ

а имя ему Бова, а буде вы нездадите моего измѣнщика и впредь вамъ мимо моего царства непроѣзжать. То гости корабельщики хотятъ Бову здать съ корабля, а Бова вынулъ изъ подъ пазухи мечь кладенецъ и тѣхъ гостей порубилъ да въ море всѣхъ пометалъ, а ярыжные на караблѣ попрятались и начали говорить, государь храбрый витезь Бова Королевичь, немоги ты насъ порубить, побѣжимъ мы куды надобно, и Бовѣ тѣ слова полюбились и ярыжные побѣжали по морю и путь у нихъ продолжался годъ и три мѣсяца, и прибѣжали подъ Задонское царство и увидѣлъ Бова въ зрительную трубу въ Задонскомъ царствѣ три терема златые верхи и снесло ихъ непогодью отъ пути верстъ за сто, и Бова повелѣ парусы опустить и якори въ воду пометать и увидѣлъ Бова на краю моря по берегу рыболова и закричалъ громкимъ голосомъ: пожалуй рыболовъ неослушай-

ся, подъѣзжай къ кораблю, и Бова почалъ рыболова распрашивать, пожалуй рыболовъ скажи мнѣ, царство ли ето стоитъ или орда. Царь ли живетъ или Король: и рече рыболовъ, государь гость корабельщикъ, стоитъ Задонское царство а живетъ Царь нашъ Маркобрунъ, и Бовѣ взошло на разумъ нетотъ ли Король Маркобрунъ, что сватался въ Арменскомъ царствѣ у Короля Зензевія Андроновича на прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ? и рече рыболовъ, тотъ и есть государь гость ты корабельщикъ, а нынѣ у нашего Короля Маркобруна радость будетъ, сего дни женится на прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ и сказалъ всю истинную правду рыболовъ, а Бовѣ будто къ сердцу пѣску присыпалъ. И Бова сказалъ рыболову, пожалуй рыболовъ продай мнѣ рыбы для ярыжныхъ, рыболовъ кинулъ 5 остреловъ на корабль: вотъ тебѣ государь рыбы безъ продажи и Бова взялъ много

злата и сребра и покрылЪ бархатомЪ и бросилЪ рыболову вЪ лодку, и рыболовЪ говоритЪ Бовѣ: государь гость корабельщикЪ, далЪ ты мнѣ много злата и сребра непропить непроѣсть, дѣтямЪ моимЪ внучатамЪ и правнучатамЪ: и рече Бова рыболову, пожалуй свези меня на край моря на берегЪ. И рыболовЪ неослушался, взялЪ Бову на лодку и привезЪ на берегЪ. И Бова ярыжнымЪ наказываетЪ, вотЪ вамЪ весь корабль и со всемЪ богатствомЪ, дѣлите пополамЪ, небранитеся и недеритеся. И пошелЪ Бова вЪ Задонское царство, и шелЪ Бова 3 дни и 3 нощи и нашелЪ на старца Пилигрима, которой ограбилЪ его, вынялЪ у него мечЪ кладенецЪ, и увидѣлЪ добраго коня богатырскаго иноходца. И Бова началЪ Пилигрима битЪ, и ПилигримЪ началЪ Бовѣ молиться, ты небей меня храбрый витезь Бова Королевичь, я тебѣ добраго коня иноходца и мечь кладенецЪ отдамЪ, и дамЪ тебѣ

три зелїя, зелїе бѣлое, которое дѣлаетъ человѣка молодымъ, а другое зелїе черное, которое дѣлаетъ человѣка старымъ, а третїе зелїе усыпляющее. И взялъ Бова тѣ три зелїя и мечь кладенецъ, да и пошелъ храбрый витезь Бова Королевичь въ четвертый день къ Задонскому царству, пришелъ и увидѣлъ Бова старца щепы гребетъ, и рече Бова старцу: дай ты мнѣ старецъ съ себя черное платье а возьми мое цвѣтное платье. И старецъ сталъ говорить, государь храбрый витезь Бова королевичь, непригодно мнѣ твое цвѣтное платье а мое тебѣ черное платье, въ цвѣтномъ мнѣ платьѣ милостыни неподадутъ. И Бова ударилъ старца о землю, снялъ съ себя цвѣтное платье и надѣлъ на себя черное платье, и пошелъ Бова на Королевской дворъ, и пришедъ Бова на поварню сталъ просить пить и ѣсть, господа королевскїе повары напойте и накормите прохожева старца, для ради

храбраго витезя Бовы Королевича, и повара закричали, о злодѣй старецъ, что ты про Бову милостыню просишъ, у нашего Царя про Бову заповѣдь, кто помянетъ, того велѣно казнить скорою смертїю безъ Королевскаго вѣдома, и кинулся что нелучшей поваръ, и выхватилъ изъ подъ котла головню и ударилъ Бову головнею. И Бова на мѣстѣ нестряхнулся, и ухватилъ Бова ту же головню и ударилъ повара и ушибъ его до смерти. И побѣжалъ другой поваръ и дворецкому сказалъ, поди дворецкой на поварню, пришелъ туда старецъ и лутчаго повара ушибъ до смерти. Дворецкой пришелъ на поварню и почелъ спрашивать у поваровъ, за что сталося у старца съ поваромъ, и почали повара говорить, за то сталось у старца съ поваромъ: пришедъ старецъ на поварню и сталъ просить пить и ѣсть для ради храбраго витезя Бовы Королевича. И дворецкой сталъ говорить стар-

цу, что ты старецъ про Бову милостыню просишъ, у нашего государя заповѣдь крѣпкая, кто про Бову помянетъ, то онъ велитъ безъ своего вѣдома убить до смерти, и сказалъ Бова дворецкому, невели меня старца убить, я старецъ прохожей и заповѣди вашей неслыхалъ, и дворецкой сказалъ ему, поди ты на задней дворъ, тамъ Дружневна нищихъ златомъ дѣлитъ, а завтре у нашего Государя радость будетъ, Государь нашъ Король Маркобрунъ женится на прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ. То старецъ пошелъ на задней дворъ и увидѣлъ на немъ великое множество людей, и старецъ сталъ промежъ ними терется, а нищіе старцу пути недаютъ, и почели старца нищіе клюками колотить, а старецъ нищихъ бить на обѣ стороны толкать, то уже отъ старца стало много мертвыхъ, и нищіе стали старцу путь давать, и дошелъ старецъ до прекрасной

Королевны Дружневны, и закричалъ старецъ громко: госпожа прекрасная Королевна Дружневна, подай мнѣ старцу милостыню для ради храбраго витезя Бовы Королевича. И услышала Дружневна, что старецъ про Бову поминаетъ, то у ней милостыня изъ рукъ выпала и велѣла дѣвицѣ нищимъ дѣлить а сама приказала старцу на заднее крыльцо итти и сама Дружневна вышла къ старцу, и стала спрашивать, скажи мнѣ старче, гдѣ слышалъ про государя моего храбраго витезя Бову Королевича: и рече старецъ, я съ Бовою въ одной темницѣ сидѣлъ въ Задонскомъ царствѣ, и изъ темницы ушли, и одной дорогой шли, и пошелъ Бова на право а я на лѣво. И рече старецъ, государыня прекрасная Королевна Дружневна, когда Бова сюда прійдетъ, что надъ нимъ учинишъ: прекрасная Королевна прослезися и рече: что ты старецъ говоришъ, только бы я провѣдала про витезя Бову

Королевича, въ три девятомъ царствѣ и на три девятой землѣ, то я къ нему бѣжала бы. И въ ту пору вышелъ къ ней Король Маркобрунъ и видѣ старца и Дружневну плачущуся, и рече Король Маркобрунъ прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, что сей за старецъ. Сказала ему Дружневна, сей нѣкій старецъ пришелъ изъ нашего царства Арменскаго, сказываетъ нерадостные вѣсти, что батюшка и матушка умерли, то я по батюшкѣ и по матушкѣ плачу. И сказалъ Король Маркобрунъ, неплачь прекрасная Королевна Дружневна, недавайсь въ кручину, уже тебѣ отцу своему и матери непособить, только ты животъ свой надсадишъ. И пошелъ Король въ свои королевскіе палаты. А добрый конь богатырской услыша всадника своего на конюшнѣ и началъ битися съ двенадцати цѣпей изъ двенадцати дверей, уже послѣдніе двери пробиваетъ. Король Маркобрунъ услыша,

что добрый конь збивается съ цѣпей, и рече всѣмъ, что если онъ съ двенадцати цѣпей собьется, то много во градѣ мертвыхъ будетъ. И сказалъ Бова прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, я могу того коня утѣшить, что станетъ на немъ ѣздить трехъ лѣтъ младенецъ, и рече прекрасная Королевна Дружневна, здѣлай милость старче, утѣшъ коня и бери злата и сребра сколько тебѣ надобно. И пошелъ Бова на конюшню, а прекрасная Королевна Дружневна за нимъ же пошла, и выбился доброй конь съ двенадцати цѣпей изъ задвенадцати дверей и охватилъ Бову передними ногами, и училъ цѣловать, какъ человѣкъ. Увидѣлъ Король Маркобрунъ, что добрый конь сталъ на заднïе ноги и охватилъ старца передними ногами, и Бова утѣшилъ добраго коня и рече прекрасная Королевна Дружневна: что ты старецъ скоро утѣшилъ добраго коня, и сказалъ Бова прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ,

я самъ тому дивлюся, что добрый конь узналъ, а ты меня долго неузнаешъ, я самъ истинный Бова Королевичь, и рече прекрасная Королевна Дружневна. О! старче, что ты меня смущаешъ, ты старецъ дуренъ и черенъ что уголъ, а государь мой Бова былъ весьма лѣпообразенъ и отъ Бовиной красоты всю конюшню освѣтило бы; и Бова вынулъ мечь кладенецъ и показалъ прекрасной Королевнѣ. И Дружневна взяла мечь кладенецъ на руки и поцѣловала, и рече истинный мечь государя моего Бовы Королевича, а ты старецъ черенъ и дуренъ, что уголь: онъ велѣлъ прекрасной Королевнѣ воды принести умыться. То прекрасная Дружневна сама по воду побѣжала и принесла воды; Бова же всыпалъ бѣлаго зелїя и умылся, то отъ Бовиной красоты всю конюшню освѣтило, и Дружневна пала Бовѣ въ ноги: и рече, государь мой Бова Королевичь непокинь меня бѣдную, и возьми

меня съ собою понеже у насъ завтре свадьба будетъ, женится на мнѣ Король Маркобрунъ. То сказалъ Бова прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, возьми ты у меня усыпающаго зелія и всыпъ въ кубокъ и дай пить Королю Маркобруну и онъ какъ выпьетъ и станетъ спать 9 дней и 9 нощей безъ пробуду, а мы въ тѣ поры убѣжимъ. И Дружневна взявъ у Бовы усыпающаго зелія пошла въ королевскіе палаты къ Королю Маркобруну и стала любезные словеса говорить: государь мой Король Маркобрунъ, завтре у насъ съ тобою радость будетъ, и мы для такой радости выпьемъ съ тобою по кубку меду сладкаго. И Королю Маркобруну то слово полюбилось, понеже неслыхалъ отъ ней такихъ любезныхъ словъ, и пошелъ принести сладкаго меду. Прекрасная Королевна Дружневна наливая въ кубокъ меду всыпала усыпающаго зелія и поднесла Королю Маркобруну, и Король Мар-

кобрунъ велѣлъ ей напередъ выпить; прекрасная Королевна стала говорить, неподобаетъ мнѣ пить прежде тебя. То Король Маркобрунъ взялъ кубокъ и выпилъ весь и легъ спать, и спалъ Маркобрунъ 9 дней и 9 нощей, и въ ту пору пришедъ Дружневна на конюшню, и рече: государь мой Бова Королевичь изволь промышлять; и Бова Королевичь осѣдлалъ себѣ добраго коня, а подъ Дружневну иноходца: и взялъ съ собою злата и сребра и каменія драгоцѣннаго, и сѣлъ Бова на добраго коня, а Дружневну посадилъ на иноходца и поѣхали изъ града скоро, и наѣхалъ Бова колодезь весьма студенъ, и сталъ тутъ и поставилъ Бова шатеръ и легъ съ прекрасною Королевною дружневною и совокупился. Съ того времени понесла дружневна во утробѣ своей. Король же Маркобрунъ по 9 дней пробудился отъ сна своего, и схватился прекрасной Королевны Дружневны, и ненашелъ ее нигдѣ,

и бысть Маркобрунъ въ великой печали, и рече: не старецъ злодѣй былъ, но самъ Бова Королевичь и увелъ у меня прекрасную Королевну и добраго коня богатырскаго, и повелѣ въ рогъ трубить и собра войска 300000 и повелѣлъ гнать за Бовою и за Дружневною, и привесть ихъ къ себѣ, за что обѣщалъ великія милости. И послалъ скоро Король свое войско въ погоню за Бовою и за Дружневною. Бова же вышедъ изъ шатра прохолодиться, услышалъ въ чистомъ полѣ конской топъ и людскую молвь и пришедъ въ шатеръ и сталъ говорить, другъ мой, прекрасная Королевна Дружневна, есть за нами погоня великая, и рече Дружневна: недивись тому государь мой Бова Королевичь. Бова же взялъ съ собою мечь кладенецъ и осѣдлалъ себѣ коня и сѣлъ на него и поѣхалъ противъ силы, и перебилъ всѣ 300000. Изъ тѣхъ только оставилъ 3 человѣка, на отвѣтствіе Королю Маркобруну и наказавъ имъ, скажите

вы Королю, чтобъ онъ за мною не-гонялся, что онъ за мною посылаетъ, только войско свое теряетъ; вить онъ знаетъ меня, что я сильной богатырь, убилъ я сильнагожъ богатыря Лукапера и 1000000 войска побилъ. И поѣхали тѣ 3 человѣка и сказали Королю Маркобруну, что Бова войско все побилъ и насъ 3 человѣкъ отослалъ, и велѣлъ сказать, чтобъ вы непосылали за нимъ силы, что посылаешъ только войско свое теряешъ. И повелѣ Король Маркобрунъ въ рогъ трубить, и собравъ войска 4000000 и сталъ говорить боярамъ своимъ: любезные мои и вѣрные други, погоните за Бовою погонею и приведите ко мнѣ Бову и прекрасную Дружневну: и рече витези, государь нашъ Король Маркобрунъ, есть у тебя богатырь Полканъ, и сидитъ въ темницѣ многое время, можетъ онъ достичь Бову, понеже скачетъ онъ всякой поскокъ по семи верстъ, отъ главы до пояса чело-

вѣкъ а отъ пояса образъ коневый. Слыша Король Маркобрунъ отъ витезей такіе рѣчи, послалъ скоро за Полканомъ. И прійде Полканъ предъ Короля Маркобруна, и рече Король: господинъ Полканъ, побѣги въ погоню и приведи ко мнѣ Бову и Дружневну, за то получишъ великую милость. Полканъ же неотречеся и погнался за Бовою и за Дружневною. Бова же выш(е)дъ изъ шатра прохолодиться, и слышитъ Бова въ полѣ конской топъ и людскую молвь и пришедъ въ шатеръ и сталъ говорить, другъ мой прекрасная Дружневна, за нами сила великая гонится, и рече Дружневна: государь мой Бова Королевичь, гонится за нами сила великая отъ Короля Маркобруна; понеже есть у него славный богатырь Полканъ, по поясъ человѣкъ а отъ пояса конь, и онъ скачетъ всякой скокъ по семи верстъ, и онъ скоро насъ догонитъ. Бова же взявъ съ собою мечь кладенецъ, и осѣдлавъ себѣ коня богатырскаго

и сѣлъ на него и поѣхалъ противъ Полкана. Полканъ же прибѣжавъ и закричалъ великимъ гласомъ: о! злодѣй Бова, неубѣжалъ ты отъ моихъ рукъ и вырвалъ Полканъ изъ корню дубъ и ударилъ Бову по головѣ, а Бова хотѣлъ Полкана ударить мечемъ и промахнулся и ушелъ мечь до половины въ землю и Бова свалился съ добраго коня на землю. Полканъ же сѣвъ на добраго коня иноходца Бовина, конь же началъ его мыкать по лѣсамъ и по буеракамъ и ободралъ у Полкана все мясо до костей, и примчалъ къ шатру чуть жива. Бова же отдохнулъ: сталъ говорить Полканъ: братъ Бова, ты помирися со мною и назовемся братьями, то намъ на свѣтѣ небудетъ супротивника. И Бова съ Полканомъ побраталися и нареклися, Бова большимъ братомъ а Полканъ меньшимъ братомъ. И сѣвъ Бова на добраго коня а Дружневна на иноходца поѣхали съ того мѣста, а Полканъ за ними

пѣшъ поскакалъ, и ѣхалъ до нѣкоего града Костела, въ немъ же живетъ Царь Урилъ. Услыша Царь Урилъ, приказалъ затворить врата накрѣпко. Палканъ же разбѣжался и скочилъ прямо чрезъ городовую стѣну и отворилъ ворота градскіе. Бова и Дружневна въѣхали во градъ. Царь же Урилъ выде и встрѣтивъ ихъ и съ Царицею своею и принявъ ихъ съ великою честію, и пришедши въ царскіе палаты начали пить и ѣсть и веселитися. И въ ту пору пришелъ подъ градъ Король Маркобрунъ а съ нимъ войска 3000000 и осадилъ градъ Костелъ, и начавъ ко граду приступать и бивъ во градъ изъ пушекъ и изъ пищалей, неотступно просилъ изъ града Бову, Полкана и Дружневну. Царь же Урилъ убояся того Бовы и Полкана выдати и собравъ Царь Урилъ войска своего 150000 и взявъ съ собою двухъ сыновъ своихъ и пойдоша противъ Короля Маркобруна. и

началъ съ нимъ биться вельми мочно. Король же Маркобрунъ все войско побилъ, Урила Царя въ полонъ взялъ и съ дѣтьми. Потомъ Урилъ обѣщался Королю Маркобруну, что Бову и Полкана и прекрасную Королевну Дружневну выдастъ изъ града и въ закладѣ оставилъ двухъ сыновъ своихъ. Король же Маркобрунъ отпустилъ Царя Урила и войска своего съ нимъ послалъ 1500000, кому Бову поимать и Полкана. Царь же Урилъ вошедъ во градъ и пошедъ въ палаты Царскіе и легъ съ Царицею спать. Полканъ же пріиде ко дверямъ той палаты, и началъ слушати, что про нихъ Царь Урилъ говоритъ. Царь же Урилъ сталъ говорить своей Царицѣ, что покинулъ у Короля Маркобруна въ закладѣ двухъ сыновъ своихъ въ томъ, что выдастъ Бову и Полкана и Дружневну. Царица же рече, возлюбленный супругъ: невозможно ихъ выдать. Урилъ ударивъ Царицу свою

по лицу, и рече у всякія жены волосъ дологъ да умъ коротокъ. Полканъ же отворивъ двери въ полаты и взявъ Царя Урила за голову, ударилъ его о землю и убилъ до смерти: потомъ Полканъ посмотрѣвъ на царевъ дворъ, увидѣлъ полонъ дворъ Маркобрунова войска. Онъ же взялъ Бовинъ мечь кладенецъ и побилъ Маркобрунова войска 150000 и градъ Костелъ затвори крѣпко. По томъ же прійде къ Бовѣ и разбудивъ его рече: государь Бова Королевичъ, долго спишъ и ничего невѣдаешъ, и повѣдалъ ему все подробно. Бова же Королевичъ началъ Полкана любезно цѣловать за его вѣрную службу, и потомъ возсталъ Бова противо Короля Маркобруна и выѣхалъ изъ града, и Бова заѣхалъ по правую руку, а Полканъ по лѣвую, и побили все войско Маркобруново и Уриловыхъ дѣтей изъ полону взяли. И Король Маркобрунъ ушелъ въ Задонское царство не съ большими людьми,

и положилъ на себя клятву, ни дѣтямъ своимъ ни внучатамъ ни правнучатамъ за Бовою негоняться. И пошелъ Бова во градъ Костелъ и рекъ Уриловой женѣ: вотъ тебѣ государыня дѣти твои. Достальное же войско привелъ ко кресту за Уриловыхъ дѣтей крестъ цѣловать и повѣлѣвъ имъ царствовати по прежнему, поѣхалъ изъ града костела съ прекрасною Королевною Дружневною, и Полканъ за ними пѣшъ поскакалъ, и ѣдучи Дружневна начала говорить: государь мой храбрый витезь Бова Королевичь, уже мнѣ приходитъ время, добрые жены родятъ дѣтей. Бова сталъ на сторонѣ и шатеръ разставилъ и рече Бова: братъ Полканъ отойди подалѣе, Дружневна моя недомогаетъ, и Полканъ отошелъ подалѣе и сталъ подъ дубомъ. И Дружневна родила 2 сыновей, и нарекъ Бова имя Личардою и Симбалдою. Бова же радостенъ былъ о рожденіи чадъ своихъ и сказалъ: бра-

те Полкане поѣдемъ мы до царства отца моего, добраго Короля Гвидона и до града Сумина, дядьки моего Симбалды. И Полканъ вставъ отъ сна своего услышалъ конской топъ и людскую молвь. Братъ Бова: идетъ литва великая, я незнаю, кто идетъ Царь или Король, самъ ли ты ѣдешъ или меня посылаешъ. И рече Бова Полкану: поди братъ, а мнѣ недосугъ, Дружневна родила 2 сыновъ, Симбалду да Личарду, и Полканъ поскакалъ и много людей прихваталъ да плетеницею связалъ и привелъ къ Бовѣ. И Бова началъ разспрашиватъ: сказывайте вы люди добрые доколѣ вы неиспорчены, коего царства рать ѣдетъ, или Царь или Король и куды пошли. Языки почели говорить, государь храбрый витезь Бова Королевичь, ѣдутъ воеводы отъ инаго Короля Додона въ Арменское царство, и сказываютъ про твою милость во Арменскомъ царствѣ у Короля Зензевія Андроновича, что ты служишъ у него, и

Король Додонъ велѣлъ взять да къ себѣ привесть. И у Бовы загорѣлось сердце богатырское и немогъ утерпѣть, и осѣдлалъ себѣ добраго коня и взялъ съ собою мечь кладенецъ, и началъ Бова наказывать брату своему Полкану: Братъ Полканъ, непокинь Дружневну и 2 дѣтей, а самъ отходя подалѣе къ лѣсу простился съ Полканомъ, съ Дружневною и съ дѣтьми своими, и поѣхалъ Бова на дѣло ратное и на побоище смертное. И Полканъ отшелъ къ лѣсу спать, а Дружневна вышедъ изъ шатра съ дѣтьми своими гулять, увидѣла идущихъ на нее двухъ львовъ. Дружневна закричала великимъ гласомъ, Полканъ же слыша гласъ ея, выбѣжалъ, и видя двухъ львовъ идущихъ на нее, побѣжавъ за ними и поимавъ одного разсѣче, по маломъ времени съ другимъ же началъ битися. Полканъ ударилъ льва мечемъ, левъ же ухватилъ его въ челюсти свои, и Полканъ сталъ

мертвъ вмѣстѣ со львомъ. И прекрасная Дружневна пожда Бову многое время думала, что его львы разтерзали, и взявъ на руки двухъ сыновъ своихъ сѣла на иноходца и поѣхала куды глаза несутъ, и пріѣхала Дружневна въ Задонское царство, и взяла добраго коня иноходца, спустила въ чистое поле, поди ты мой доброй конь, ищи себѣ государя ласковаго, и плакала горько о разлученіи государя своего Бовы Королевича. И пришедъ Дружневна къ рѣкѣ, умылась чернымъ зеліемъ и стала черна какъ уголь и пришла Дружневна въ Задонское царство, и стала у вдовы на подворье. И въ Задонскомъ царствѣ Мельчигрія и Дружневна почела на добрыхъ людей платье мыть, тѣмъ голову свою кормить и дѣтей своихъ. Бова силу побилъ, и пріѣхалъ къ шатру своему и ненашелъ прекрасныя Королевны Дружневны ни дѣтей своихъ и пошелъ изъ шатра, и увидѣ Пол-

кана и льва мертвыхЪ, и самЪ началЪ плакать и рече: о! когда Полкана львы умертвили, то уже и Королевну сЪ дѣтьми неоставили живую. Похоронивъ Бова Полкана и разплакався горько, самЪ себѣ сказалЪ: далЪ БогЪ мнѣ ладу по нраву а недалЪ мнѣ сЪ нею пожить отЪ младости до старости. Идоша же Бова на заводы настрелялЪ гусей и лебѣдей, напился и наѣлся да и поѣхалЪ вЪ Арменское царство и наѣхалЪ вЪ полѣ шатерЪ, и вышелЪ изЪ него юноша вельми лѣпообразенЪ. Бова же зря на него прилѣжно и познавЪ, яко рабЪ отца его Короля Гвидона, именемЪ ЛичардЪ, по томЪ вопроси его Личарда: господине, скажи мнѣ, котораго ты града. Бова же рече, я изЪ празднаго града иду по морю кораблемЪ сЪ товаромЪ, а на кораблѣ насЪ было шестьдесятЪ человѣкЪ, и корабль нашЪ погодою разбило и потонули всѣ, одинЪ только остался я, и ищу господина благопріятнаго.

Личарда же сказалъ: я тебя свезу къ ласковому дворянину, государю своему именемъ Симбалдѣ. Бова же пошедъ съ Личардою, и нѣкогда пріѣхавъ во градъ Суминъ и встретя Бову Королевича Симбалда, и познавъ его рече: государь мой Бова Королевичь, я нынѣ старъ и служить тебѣ немогу, есть у меня сынъ именемъ Тервизъ, онъ тебѣ станетъ служить вѣрно. Бова же обнявъ Симбалду поцѣловалъ его. Помалѣ же времени бывъ во градѣ Суминѣ, рече Бова Королевичь: государь дядька Симбалда, кто близъ тебя живетъ и нѣтъ ли какой обиды. Дядька Симбалда сталъ говорить, государь Бова, близъ меня живетъ злодѣй Король Додонъ, убилъ онъ государя моего добраго и славнаго Короля Гвидона и по вся годы отгоняетъ отъ града какъ животину, и рече Бова я могу эту обиду отмстить, и собралъ войска 20000 и пошелъ подъ градъ Антонъ и повелѣ въ стѣну бить

изъ пушекъ и изъ пищалей неотступно: о! злодѣй губитель Додонъ, по что погубилъ отца моего добраго Короля Гвидона, поди изъ царства отца моего изъ града Антона, аще невыйдешъ, ты неможешъ укрыться отъ руки моей. Король же Додонъ и прекрасная Королевна Милитриса услышавше, что Бова Королевичь стоитъ подъ градомъ Антономъ, повелѣ въ рогъ трубить и невѣдаше Король Додонъ про Бову Королевича, что онъ храбръ, чаяши его нехрабра, выѣхалъ противъ Бовы Королевича съ войскомъ своимъ, Бова же Королевичь небилъ войска Додонова и онъ устрашися храбрости Бовы Королевича, и побѣжалъ во градъ Антонъ. Бова же достиже Короля Додона и ударивъ его мечемъ по главѣ и разсѣче на двое. Король же Додонъ паде на землю а Бова повелѣ витезямъ своимъ положити Додона на одрѣ златѣ и нести къ матери своей къ прекрасной Королевнѣ Мили-

трисѣ. Прекрасная Королевна Милитриса, видя смерть Короля Додона начала вельми тужити о немъ. Бова же Королевичь стоя надъ могилою отца своего Короля Гвидона прощался и горько плакалъ, и возвратился Бова съ войскомъ своимъ во градъ Суминъ. По томъ Король Додонъ обвиша главу и начаша лѣчиться, и искати по многимъ градамъ лѣкаря. Бова же Королевичь услыша, что Король Додонъ еще живъ и врачевъ ищетъ, и Бова назвался лѣкаремъ и надѣвъ на себя ризы старческiе, и взявъ съ собою Тервиза и пойде ко граду Антону и пришедши на королевской дворъ къ королевскимъ паламамъ, повелѣ возвѣстити Королю, что пришли изъ Задонскаго царства лѣкари. Король же повелѣ скоро взяти, и внидоша Бова Королевичь и Тервизъ въ полату королевскую и сташа предъ Королемъ. Король же рече Бовѣ: господине мой старче можешъ ли ты сiю мою ра-

ну излѣчити, и я вамъ дамъ злата и сребра, Бова же рече, кто тебя ранилъ, тотъ можетъ и вылѣчить. Король же Додонъ рече; далъ мнѣ рану проклятой мой супостатъ Бова. Въ полатѣ много предстоящихъ князей и бояръ и велѣлъ тѣхъ выслать и поставилъ у дверей брата Тервиза, Бова же Королевичъ взялъ Короля Додона за бороду, а самъ тако рече: о! злодѣй Король Додонъ, по что еси убилъ отца моего добраго Короля Гвидона, и прельстился еси женскою прелестію, отмщу смерть отца моего и отсѣче ему главу, а тѣло его повелѣ бросити псамъ на сѣеденье, а главу положивъ на блюдо и покрылъ платкомъ и пойде въ задніе палаты къ матери своей прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ, и подаде ей блюдо, вотъ тебѣ государыня матушка отъ Короля Додона дары, и принимала прекрасная Королевна Милитриса блюдо и открыла платокъ, и увидя Короля До-

дона голову, и закричала: о! злодѣй старецъ убилъ ты мужа моего добраго и славнаго Короля Додона, и называешъ матушкою, Бова былъ лѣпообразенъ, а ты черенъ какъ уголь, отъ Бовиной бо красоты вся полата освѣтилась бы. И велѣлъ Бова внести воды, и умылся бѣлымъ зеліемъ и освѣтилъ Бова своею красотою всю полату. И прекрасная Королевна Милитриса пала Бовѣ въ ноги, помилуй сыне мой любезный. И рече Бова: неужасайся матушка предо мною и взявъ ее за руку, и рече ей; о! государыня матушка моя, по что еси велѣла Короля Гвидона отца моего убить, и по что возлюбила Короля Додона и по что хотѣла скормить меня хлѣбцами, которые были замѣшены на змеиномъ салѣ, и по что посадила въ темницу. Онажъ ему немогла ни единаго слова отвѣту дать. Бова же повелѣ матерь свою прекрасную Королевну Милитрису въ бочку дубовую закупорить и на

море пустить, она же отъ мороза умре. По томъ же Бова Королевичъ собравъ войска своего 60000 и посла дядьку своего Симбалду въ Задонское царство, къ Царю Салтану о добрыхъ часахъ и о сватовствѣ на его дщери прекрасной Царевнѣ Мельчигрїи извѣстить. Симбалда же принявъ грамоту и поѣхалъ въ Задонское царство къ Царю Салтану Салтанону вичу на дщери свататься и пришедъ въ царство Задонское и въ палаты царскїе къ Царю Салтану Салтановичу отъ Бовы Королевича лѣпо поздравилъ, и рече: государь нашъ Царь Салтанъ Салтановичь, прислалъ меня къ тебѣ государь мой Бова Королевичь, и велѣлъ тебѣ выговорить, чтобъ ты изволилъ за него выдать дщерь свою прекрасную Мельчигрїю, и буде неизволишъ выдать, то мнѣ приказалъ градъ твой осадить. Царь Салтанъ слыша такїе рѣчи упорные, и рече, господине дядька Симбалда, аще бы самъ Бова Королевичь здѣ былъ, я бы далъ за него

дщерь свою прекрасную Царевну Мельчигрію и царство бы ему отдалъ, а нынѣ поди ты въ свое королевство, скажи Бовѣ Королевичу, что бы онъ изволилъ ко мнѣ самъ быть, Симбалда же ударя челомъ и возвратися въ путь, и повѣда Бовѣ Королевичу все подробно. Бова же Королевичь слыша такіе рѣчи отъ Симбалды, поѣде въ Задонское царство, и взявъ прекрасную Мельчигрію возвратился въ свой градъ Антонъ. Прекрасная жъ Дружневна по заблужденіи отъ страха звѣринска нача ходить по городамъ и научивъ дѣтей своихъ въ дамки играть, и тѣмъ питалися, и ходя они по всѣмъ градамъ и провѣдали отца своего Бову Королевича, и дойде Дружневна до отца своего вотчины, Короля Зензевія Андроновича, то уже отца своего въ живѣ нѣтъ, а царствуетъ и владѣетъ постельничій его Орлопъ. Дружневнѣ нѣкто сказалъ про Бову, что онъ царствуетъ въ вотчинѣ отца своего, во градѣ Антонѣ. Она

же пойде и съ дѣтьми своими во градъ Антонъ и ставъ на лугахъ морскихъ, и умылася бѣлымъ зелїемъ, а дѣтей своихъ послала во градъ къ Бовѣ Королевичу. Они же пришедши во градъ Антонъ и взошедъ въ палаты Королевскїе, у Бовы же Королевича въ ту пору идетъ столъ. Они же пришедъ стали у дверей той палаты. Бова же вопроси ихъ, что вы за отроки отъкуда вы и какъ васъ зовутъ, они же отвѣчали, мы пришельцы въ семъ градѣ, отецъ у насъ былъ Бова Королевичь, а мать наша прекрасная Королевна Дружневна. Бова же слыша такїе рѣчи отъ отроковъ, и прослезися вельми: о! милые мои дѣтища, я есмь Бова Королевичь отецъ вашъ, много я печалился о матери вашей прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, и началъ любезно цѣловать, по семъ вопроси ихъ, о! милые мои дѣтища, гдѣ у васъ мать ваша прекрасная Королевна Дружневна. Они же ему сказавъ, стоитъ мать наша на лугахъ морскихъ, Бова

же Королевичь повелѣ мать имѣ свою привести, и самъ за ними скоро поѣхалъ на луга морскіе. Бова же Королевичь видѣ прекрасную Королевну Дружневну, и взявъ ее за руку и начавъ ее любезно целовать и пошедъ съ нею во градъ Антонъ и начаша пить ѣсть и веселитися и вѣрныхъ своихъ слугъ началъ для такой радости жаловать, Симбалдѣ повелѣ попрежнему владѣти Суминымъ градомъ, брата же своего Симбалдина, то есть сына Тервиза пожаловалъ градомъ Моганскимъ, потомъ же собра войска своего Бова Королевичь 60000 и посла дядьку своего Симбалду во Арменское царство воевать на Короля Орлопа, которой былъ и дворецкой и послалъ меня на смерть къ Царю Салтану Салтановичу за сына его Лукапера, чтобъ меня тамъ убили, и я на королевство посылаю дядьки моего Симбалды брата его Огена; Орлопа же повелѣ къ себѣ привести живова; дядька же Симбалда и Огенъ пришедъ ко граду Армен-

ску и начаша изъ пушекъ бить и изъ пищалей во градскую стѣну неотступно. Орлопъ же противу ихъ стояти немогъ и мосты смостити, и Символда съ своимъ войскомъ вниде во градъ Арменскъ. Короля же Орлопа взявъ въ полонъ и связа ему руки и ноги, брата Огена по приказу государя своего оставя царствовати, и потомъ во градъ Антонъ съ войскомъ своимъ пришедъ, поставилъ Орлопа предъ Бовою. Бова же Королевичь рече: о! злодѣй Орлопе, по что ты меня послалъ безъ вѣдома Короля Зензевія Андроновича въ Задонскую землю къ Царю Салтану Салтановичу на смерть, нынѣ повиненъ самъ смерти. Орлопъ же павъ въ ноги неможетъ противу его словъ отвѣщати, и просилъ прощенія. Бова повелѣ его застрѣлить, самъ же нача жити во градѣ Антонѣ съ прекрасною Королевною Дружневною и съ дѣтьми своими.

Конецъ.

ск… …пъ и
из… … не-
оп… … ихъ
сп… …ши,
и … …омъ
вн… …роля
же… …связа
ем… …а по
пр… …цар-
сп… …онъ
съ… …спа-
ви… …а же
Ко… …опе,
по… … вѣ-
до… …вича
въ… …Сал-
ша… …ынѣ
по… …ь же
па… …иву
ег… …про-
ще… …ить,
са… … Ан-
то… …ною
Д… …ми.

